КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

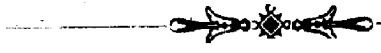
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIX.

1900 г.

АПРѢЛЬ.



КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

Дозволено цензурою Г. Кіевъ, 20 марта 1900 года.

Характеристика польскихъ и южно-русскихъ литературныхъ теченій послѣдней четверти XVII вѣка, въ связи съ общимъ направленіемъ тогдашней французской литературы.

При изученіи польской литературы послѣдней четверти XVII столѣтія, мы встрѣчаемся съ тѣмъ общимъ убѣжденіемъ изслѣдователей, что это время было временемъ упадка мысли и оригинальной иниціативы литературныхъ сюжетовъ, подчиненныхъ опредѣленному шаблону и выраженныхъ въ языкѣ узаконеннаго жанра. Объясненіе этому явленію дается различное. Прежде всего іезуиты и теократизмъ. „Іезуиты, стоящіе во главѣ религіи и просвѣщенія, говоритъ г. Сырокомля, *злонамѣренно* останавливаютъ развитіе умовъ и пресмыкаются предъ вельможами“ [1]). „Сыны Лойолы, говоритъ г. Пекарскій, ввѣренную имъ молодежь образовывали не какъ будущихъ гражданъ, а какъ подпору католицизма, какъ слугъ и орудіе іерархіи, духовенства, какъ монаховъ. Безъ устали внушалось молодому поколѣнію, что наука не есть главная цѣль пребыванія ихъ въ школѣ, но только средство, способъ къ достиженію вѣчнаго спасенія, то-есть, другими словами, къ интересамъ ордена и іерархіи“ [2]). „Изъ такого предосудительнаго правовѣрія явилось

[1]) Кондратовичъ (Сырокомля). Исторія польской литературы. Пер. Кузьмичевскаго. М. 1860 г., т. 1, стр. XVIII.

[2]) Отечеств. Зап. 1862 г., кн. 2. «Представители кіевской учености въ половинѣ XVII столѣтія, стр. 559.

одностороннее направленіе мышленія, теократическій взглядъ на всѣ предметы, а въ сердцахъ учащихся, вмѣсто живой вѣры и поэзіи, образовались педантизмъ, одеревенѣніе, непониманіе прекраснаго" [1]). Такого-же представленія держатся Maciejowski [2]) и Lukaszewicz [3]), а также историки — Лелевель, Шайноха и Бобжиньскій. Спасовичъ, въ совмѣстной съ Пыпинымъ работѣ— „Исторія славянскихъ литературъ", выставилъ другое объясненіе литературнаго упадка Польши въ данное время. „Во всей европейской исторіи, говоритъ онъ, вѣкъ XVII и первая половина XVIII представляютъ время переходное, а потому весьма безцвѣтное и мало характерное". Опередившая во многихъ отношеніяхъ, и по учрежденіямъ, и даже по образованности, западно-европейскія государства, Польша пошла по діаметрально-противоположному направленію, къ застою, окостенѣнію, упадку. Наибольшая свобода для каждаго члена шляхетскаго народа достигнута, идеалъ осуществленъ, остается только оберегать пріобрѣтенное. Всѣ силы и способности поглощаетъ жизнь общественная, но она безъ задачъ; внѣ ея мало интересуютъ наука и искусство, разсматриваемыя, какъ развлеченія. Консерватизмъ въ отношеніяхъ повелъ и къ консерватизму въ идеяхъ, къ возврату къ церковному, къ религіи, основанной на авторитетѣ, приложенной къ шляхетскому народоправству, главнымъ дѣломъ считающей обрядность и не признающей одного только вольномыслія" [4]). Этому также въ значительной мѣрѣ содѣйствовало іезуитское воспитаніе, печать котораго „на всемъ этомъ періодѣ лежитъ тяжелымъ камнемъ" [5]). Какъ можно судить отсюда, взглядъ Спасовича выдвигаетъ въ качествѣ факторовъ литературнаго упадка соціальное разложеніе польской жизни. По мнѣнію Mecherziński'aго [6]), послѣднее обстоятельство дѣйстви-

[1]) Ibidem, стр. 560.

[2]) Piśmienitstwo polskie, t. II, 69—70.

[3]) Historya szkół w Koronie i w W. X. Litewskim. I. 235, 252—253, 276.

[4]) Исторія славянскихъ литературъ. СПБ. 1881, т. II, стр. 518.

[5]) Ibidem, стр. 520.

[6]) Historya wymowe w Polsce, t. III.

тельно играло крупную роль въ умственной жизни Польши. „Разстройство жизни общественной сопровождалось, говоритъ онъ, такимъ-же самымъ разстройствомъ жизни умственной". „Съ ослабленіемъ внутренняго согласія и порядка, а вмѣстѣ—съ развратомъ обычаевъ, падали, вслѣдствіе этого, моральные устои, и всевозможные пороки—излишество, безнаказанность, иностранщина—вторгнулись также въ литературу. Извѣстное въ это время присловіе: wolno w Polsce jak kto chce, стало одинаково девизомъ и основаніемъ писателей". Mecherziński указываетъ еще „другую причину" литературнаго упадка, которая уже implicite содержится въ первой. Это—„подражаніе" (naśladowanie) принятымъ образцамъ въ литературѣ и жизни, и сопровождающія его зараза худыми манерами и общее развращеніе [1]). При этомъ онъ отчасти указываетъ на вліяніе подобныхъ теченій заграницей и на содѣйствіе этому іезуитскаго образовательнаго режима [2]). Такого-же мнѣнія держатся Bartoszewicz, Wiszniewski и Bentkowski. Zelęski въ своемъ сочиненіи „Czy jezuici zgubili Polskę?", задачей котораго было совершенно оправдать іезуитовъ, причину упадка литературы видитъ всецѣло въ соціально-политическихъ и историческихъ условіяхъ польской жизни этого времени [3]). Іезуиты были причастны этому, поскольку были сынами своего вѣка [4]). Нужно замѣтить, что сочиненіе іезуита Zelęsk'aго, не смотря на свою тенденцію, представляетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній и приводится нами не по правилу—audiatur et altera pars, а какъ мнѣніе литературнаго работника, знакомаго при томъ почти со всей литературой даннаго вопроса.—Частныя положенія, какія онъ приводитъ въ оправданіе вышеуказаннаго общаго объясненія, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ группамъ: a) бурное время въ политической жизни Польши, которое увлекало умы въ водоворотъ политическихъ событій [5]); b) „вольность мысли,

[1]) str. 6—7.
[2]) str. 9.
[3]) str. 283—285.
[4]) str. 300.
[5]) str. 285.

рѣчи и образованія“ въ Польшѣ, которая „перешла въ анархію“, выдвинувшую на передній планъ магнатовъ и устранившую народъ [1]); c) частыя путешествія заграницу [2]), слѣдствіемъ чего являлась придавленность національнаго самосознанія и ослабленіе чувствительности къ интересамъ окружающей жизни [3]); наконецъ, d) общее настроеніе Западной Европы, въ которой происходила борьба монархизма съ народоправствомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, развивались „лесть и угодничество“ [4]).

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ изслѣдователей, какъ можно судить, не заключается прямого противорѣчія другъ другу. Въ каждомъ изъ нихъ можно видѣть только большую или меньшую фиксацію того или другого объясненія. Даже Zeleski, который стремится отвергнуть вліяніе іезуитовъ на данную эпоху, признаетъ громадное образовательное значеніе ихъ [5]) и поэтому, хотя остается при своемъ мнѣніи, но не разрываетъ связи съ другими. Если принять во вниманіе разнородность тенденцій и точекъ зрѣнія каждаго изъ изслѣдователей, то общій взглядъ ихъ можно принять, какъ установившееся пока воззрѣніе въ научной разработкѣ даннаго явленія. Для насъ, конечно, имѣетъ значеніе не литература in sich, а отраженіе въ ней общественнаго самосознанія,—и если въ разстройствѣ послѣдняго видятъ главную причину литературнаго упадка, то это насъ уполномачиваетъ ближе всмотрѣться въ характеръ литературы, чтобы точнѣе опредѣлить направленіе общественнаго самосознанія [6]).

---

[1]) str. 278 и 279.

[2]) Ibid.

[3]) str. 286—289.

[4]) str. 277.

[5]) «Сколько, говоритъ онъ, именъ, заслуженныхъ въ литературѣ: Krüger Oswald, математикъ и астрономъ; Тильковскій Войцѣхъ, философъ, историкъ, математикъ и богословъ; Перковичъ Томашъ и Пентковскій Гаспаръ, историки церковные; Моровскій Янъ, философъ и богословъ» и т. д. Czy iezuici zgubili Polskę? Kraków. 1883. Примѣчаніе къ str. 282; ср. также str. 281—283 и прим.

[6]) «Литература тогдашняя, говоритъ Mecherziński, представляетъ наивѣрнѣйшее отображеніе своего общества: такимъ-же сказывается

I.

Въ исторіи политики и литературы отдѣльнаго государства или народа нерѣдко приходится считаться съ тѣмъ явленіемъ, что наибольшее напряженіе политическихъ или литературныхъ силъ влечетъ за собой послѣ общій упадокъ, иногда даже граничащій съ совершеннымъ исчезновеніемъ народа съ общеисторической сцены дѣятельности. По издавна сложившейся привычкѣ, на рубежѣ „расцвѣта“ и „упадка“ находятъ предѣльную точку развитія народа въ томъ или другомъ отношеніи; послѣ чего онъ начинаетъ слабѣть, чахнуть, замираетъ или просто „вырождается“. Но само собою понятно, что уже по закону сохраненія энергіи, наибольшее напряженіе силъ въ одномъ отношеніи не можетъ исчезнуть безслѣдно, оно должно проявиться въ какой-либо другой области,—и если „предѣльное“ напряженіе общественныхъ силъ создало наибольшее государственное могущество, то, по естественному ходу вещей, это напряженіе переходитъ въ сферу соціальныхъ или чисто-общественныхъ стремленій, развитіе которыхъ часто оказывается гибельно для государственной организаціи. Обращаясь-же къ литературѣ, мы видимъ, что она стоитъ въ связи съ общимъ ходомъ государственнаго и общественнаго развитія, но выражается своеобразно въ зависимости отъ того, къ государству или къ обществу она стоитъ въ прямомъ пропорціональномъ отношеніи. XVI вѣкъ былъ золотымъ въ польской литературѣ, которая стояла въ прямомъ отношеніи къ развитію польскаго государственнаго могущества въ Европѣ. Мысль общества въ это время какъ-бы успокаивалась на политическомъ стремленіи Польши и, довольная національными побѣдами, спокойно отдавалась творчеству. Но наибольшее развитіе государственнаго могущества

разстройствомъ, упадкомъ здоровой мысли, напыщенностью, также болѣе предана праздными спорамъ и многословію *съ похвалой дворянамъ*, какъ народъ въ своей жизни общественной». Historya wymowe w Polsce, t. III, str. 7—8.

выдвинуло соціальные вопросы и, какъ историческій прецедентъ всякаго соціальнаго броженія, вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ народу. Послѣдняя четверть XVII столѣтія представляетъ переживаніе уже кризиса этого броженія, когда послѣднее проникло въ аристократическую среду и произвело въ ней раздѣленіе. Обѣднѣніе части шляхты и усиленіе нѣкоторыхъ фамилій магнатства, чрезъ участіе въ политическихъ превратностяхъ Польши, дало толчокъ самой аристократіи отстаивать свои дворянскія права и вести борьбу за свое соціальное равенство. Само собою понятно, что въ бытовыхъ условіяхъ жизни, при нервномъ отыскиваніи особенностей интеллигенціи, дающей прерогативы общедворянской жизни, литературѣ, какъ спокойному творчеству мысли, не было мѣста. Лучшія силы или совсѣмъ были устранены, или увлечены были въ жизненную борьбу.

Характеристической чертой этого времени стало то, что литературу начинало замѣнять ораторство. Среди рукописей Имп. Публич. Библіотеки польскаго отдѣла находится значительное количество сборниковъ рѣчей, сказанныхъ то въ какихъ-нибудь торжественныхъ случаяхъ, то въ оффиціальныхъ собраніяхъ, на сеймикахъ и сеймахъ. Сборники эти встрѣчаются то самостоятельно—напр., „Mówy róznych osob“ [1]), „Rózny mówy...“ [2]), mówy, listy...“ [3]) etc.,—то въ болѣе обширныхъ и самыхъ разнообразныхъ по содержанію собраніяхъ [4]). Это обстоятельство говоритъ о томъ, что рѣчамъ въ то время придавали большое значеніе и дорожили ими. Дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ литературныхъ дѣятелей послѣдней четверти XVII в., перечисляемыхъ Mecherziński'имъ и Wiszniewsk'имъ, мы видимъ больше ораторовъ, нежели писателей [5]). Если принять во вниманіе, что

---

[1]) Р. И. П. Б. Польск. F IV № 235.

[2]) Р. И. П. Б. Польск. Q IV № 104.

[3]) Р. И. П. Б. Польск. F IV № 95.

[4]) Р. И. П. Б. Польск. F IV №№ 253 и 254.

[5]) Станиславъ Бенёвскій, воевода Черниговскій († 1675), извѣстный ораторъ не только среди поляковъ, но и малороссійскихъ

рѣчь служила тогда въ Польшѣ прерогативомъ personae gratae и разсчитывала на популярность, то будетъ понятно не только то, почему она играла крупную роль, но и всѣ ея особенности, начиная отъ т. н. макаронизмовъ съ welemowstw'омъ и панигиризмомъ и кончая діалектикой, praznym sporom и т. д. Въ домашнемъ обиходѣ польской жизни рѣчь служила показателемъ образованія, благородства, шляхетства и ео ipso становилась въ рядъ средствъ борьбы за сословныя права и преимущества, играла, слѣдовательно, роль въ борьбѣ за шляхетское существованіе. Чѣмъ напряженнѣе велась эта борьба, тѣмъ больше старались придать виртуозности рѣчи,—и въ пору, когда

козаковъ; Криштофъ Пацъ (1647—1684) извѣстенъ и какъ писатель, и какъ ораторъ; Станиславъ Скаршевскій, каштелянъ войницкій—«wymowy gladkiej»; Павелъ Полоцкій, каштелянъ каменецкій—писатель; Андрей-Максимиліанъ Фредро—каштелянъ львовскій, потомъ воевода подольскій († 1679)—на сеймѣ элекціонномъ 1674 г. первый высказался за Яна Собѣскаго; Янъ-Станиславъ Збонскій, бискупъ варминьскій († 1698 г.); Антоній-Станиславъ Щука, референдарій-потомъ подканцлеръ коронный; Станиславъ-Гераклушъ Любомирскій, маршалокъ великій коронный, староста спискій († 1702), «неотступный товарищъ Яна Собѣскаго",—участвовалъ съ нимъ въ походахъ и тѣмъ пріобрѣлъ популярность; Андрей Лончинскій, подкоморій новогродскій; Криштофъ Гмимултовскій; Янъ Кжицкій, подкоморій калишскій; Пенензекъ, воевода сандомірскій; Станиславъ Яблоновскій, воевода русскій; Андрей Моргитынъ, извѣстный своимъ сочувствіемъ политикѣ Людовика XIV; Андрей Хризостомъ Залускій, бискупъ варминьскій, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени; его богатая библіотека теперь доминируетъ среди польскихъ рукописей И. П. Библіотеки.—Всѣ эти литературные дѣятели ораторскаго шаблона не всегда являются панигиристами, преданными «welemowstwu» и «praznym sporom». У нихъ можно найти довольно цѣнныя мысли для даннаго времени,—но дѣло въ томъ, что эти мысли высказываются не столько съ цѣлью дѣйствительнаго проведенія ихъ въ жизнь, сколько въ качествѣ показателей образованности и широкаго умственнаго кругозора оратора. Ср. Hist. wym. w Polsce t. III, str. 187—212.

„w Polsce stalo wolno jak kto chce“ и поддерживать магнатскіе прерогативы было довольно затруднительно, вниманіе стало цѣпляться за внѣшнія выраженія внутренняго достоинства и благородства,—и стремленіе подчеркнуть послѣднее сказалось прежде всего на салонныхъ манерахъ и на испещреніи языка латинскими фразами, служившими conditio sine qua non образованнаго человѣка [1]). Аналогичное этому явленію можно указать у насъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., во время наиболѣе рельефнаго выдѣленія дворянства изъ другихъ сословій. Французскій языкъ въ разговорѣ и салонные принципы въ манерахъ стали у насъ существенными требованіями дворянскаго самосознанія. Въ этомъ заключался показатель образованія и чистокровности. Правда, у насъ воспитателями были Вольтеръ, Руссо, Дидро—представители французской освободительной литературы, а не іезуиты, но ихъ идеи равенства и свободы свободно уложились въ рамки самой тяжелой поры крѣпостного права, ограничиваясь атмосферой салоннаго обихода. Различіе въ учителяхъ и воспитателяхъ, конечно, сказалось, такъ-какъ у насъ французскимъ жаргономъ говорили о высшихъ проявленіяхъ человѣческаго духа, а въ Польшѣ на латинскомъ діалектѣ строили самые сложные силлогизмы, съ ссылкой на историковъ юристовъ и т. д. Но это различіе не общественнаго, а школьно-историческаго характера. Всматриваясь ближе въ аналогичные пункты, мы увидимъ одно и то-же соціальное стремленіе—ярче провести черту между образованной аристократіей (интеллигенціей) и „дикимъ“ демосомъ.

Этотъ общій выводъ можетъ быть значительно дополненъ и развитъ анализомъ соціальныхъ устоевъ общаго литературнаго теченія. Мы обратимъ вниманіе на публицистику и исторіографію. „Съ упадкомъ просвѣщенія, говоритъ Спасовичъ, извелся рядъ великихъ наблюдателей, которые-бы умѣли пони-

[1]) Французскіе послы—„Charnaseus (Charnace), Memmus, Bussus wybornie mówili po lacinie; nie mogli ich tu wszyscy wychwalić“. Это замѣчаніе относится еще къ первой половинѣ XVI вѣка. Korzon. Dola i niedola Jana Sobieskiego. Kraków, 1898 r. t. I, str. 15.

мать жизнь общества во всѣхъ ея разнообразныхъ до безконечности явленіяхъ, но за то появилось великое множество разсказчиковъ, которые описываютъ, съ точки зрѣнія *своей партіи, своего кружка*, тѣ событія земскія и государственныя, въ которыхъ они сами принимали непосредственное участіе. Этихъ разсказчиковъ такъ много, что съ помощью ихъ можетъ быть наглядным образомъ воспроизведенъ бытъ Польши, во всей поразительной пестротѣ“ [1]). Само собою понятно, что при такой постановкѣ литературной критики текущихъ событій, въ ней проявлялась только пестрота вкусовъ, стремленій и желаній, понятная и привлекательная для однихъ, непонятная и отталкивающая для другихъ. Литература, такимъ образомъ, не была чѣмъ-либо объединяющимъ общественныя стремленія и сосредоточивающимъ ихъ въ опредѣленныхъ идеалахъ, а наоборотъ—средствомъ, дифференцирующимъ соціальныя влеченія польской предводительствующей среды и санкціонирующимъ партійные интересы въ историческомъ развитіи польскаго общественнаго самосознанія. Какъ показатель соціальной безпочвенности, можетъ служить, приведенное Спасовичемъ въ исторіи славянскихъ литературъ, стихотвореніе Іеронима-Вespасьяна Коховскаго.

Niechaj kto tam chce z fizyki
Mądry dyskurs wiedzie,
My zaś wolem ssać kufliki
Przy długim obiedzie;
U nas w taniec iść mieniony
Przyjemne gonitwy...
Kto zwyciężył nieprzyjaciół,
Stawiaj obeliski,
Ja się wolę wcisnąć za stół,
Gdzie gęste kiełiszki;
Sam mi Krymski han nie srogi
Z swojemi tatary...

---

[1]) Исторія славянскихъ литературъ, т. II, стр. 543.

Chociaż leży tam pod Wilnem
Moskal o tej dobie,
Wnetże mu ja będę silnym,
Gdy podpiję sobie.

Здѣсь, подъ покровомъ „удальства воина", „рѣшительности и развязности въ обращеніи", „сноровки ловить на лету всѣ удовольствія жизни" [1]), скрывается полная пустота общесоціальнаго интереса, разочарованіе въ общихъ задачахъ жизни и нервное обереганіе своихъ личныхъ склонностей и привычекъ предъ судомъ „безсмысленной толпы". А между тѣмъ, это былъ видный писатель того времени; онъ стоялъ близко къ политическимъ теченіямъ и еще при Янѣ Казимірѣ съ большинствомъ шляхты противодѣйствовалъ французской партіи; написалъ въ защиту Любомирскаго—Kamień świadectwa, а при Янѣ Собѣскомъ онъ своимъ сочувствіемъ австрійской политикѣ сталъ настолько близокъ двору, что получилъ титулъ королевскаго historiographus privilegiatus, данный ему за его Klimaktery (climacterae) [2]). Поэзія Вацлава Потоцкаго, создавшаго „хотинскую битву" (1621 г.), по выраженію Бобжиньскаго, представляетъ „добродушныя бездѣлушки, фантастическія повѣсти" [3]) и конечно не идетъ дальше живописной обрисовки образовъ героевъ, прославившихъ старое время. Если обратимъ вниманіе на „талантливаго" [4]) создателя современныхъ записокъ (Pamiętnike), Яна Хризостома Пассека, то увидимъ, что не смотря на ту наглядность воспроизведенія физіономіи своего вѣка, которая „можетъ надолго служить неисчерпаемымъ матеріаломъ для

[1]) Истор. Слав. Лит., т. II, стр. 538.

[2]) Прославляя въ commentarium'ѣ 1684 г. вѣнскую осаду, онъ, по выраженію Бобжиньскаго, «поднялся до возвышенной лирики... съ болѣзненнымъ чувствомъ затронулъ нравственный и политическій упадокъ народа». Очеркъ Исторіи Польши. Пер. Карѣева, т. II, стр. 230.

[3]) Ibidem.

[4]) Спасовичъ. Ист. Слав. Лит., т. II, стр. 548.

историка и романистовъ" [1]), онъ все же всюду сохраняетъ уголъ зрѣнія вояки [2]), побывавшаго подъ начальствомъ Чарнецкаго на войнѣ и въ Швеціи, и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, побившаго въ ссорѣ Мазепу и наконецъ сдѣлавшагося любимцемъ Яна Казиміра и Собѣскаго. Широкая жизненная опытность дала богатый матеріалъ для записокъ, но она не сообщила живой интегрирующей связи всѣмъ переплетающимся жизненно-общественнымъ явленіямъ и не дала опредѣленной идеи соціальнымъ воззрѣніямъ историка-публициста. Всѣ другіе писатели являются на аренѣ современной литературной дѣятельности Польши, какъ выразители политическихъ стремленій той или другой партіи въ Польшѣ. Лаврентій Рудовскій, напр., описывавшій событія отъ вступленія на престолъ Яна Казиміра до Оливскаго мира (1648—1660 гг.), смотрѣлъ всецѣло съ точки зрѣнія австрійскихъ политическихъ убѣжденій и, слѣдовательно, сколько подъ угломъ самодержавія, столько съ тенденціей габсбургскихъ династическихъ интересовъ, предъ которыми раболѣпствовалъ и готовъ былъ пожертвовать всею Польшею [3]). Ко всему этому нужно прибавить, что на общемъ фонѣ литературнаго и бытового проявленія польской жизни доминировали іезуиты и церковность [4]). Въ высшемъ и сред-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Tygodnik illustrowany 1879 г.; ср. Ateneum 1878 г, Іюль.

[3]) Ист. Слав. Лит., т. II, стр. 542.

[4]) «Нѣкогда церковь не находила столько преданности», какъ теперь. «Лишая наслѣдства собственныхъ дѣтей, ее засыпали пожертвованіями и вкладами; казалось, что вся земля перейдетъ въ ея владѣнія, и тѣ-же самые сеймы, которые въ 1658 г. изъ изгнанія изъ Польши аріанской секты дѣлали пожертвованія Богу, увидѣли себя принужденными ограничить пожертвованія имѣній въ церковь". „Вся Польша приняла видъ одного монашескаго лагеря. Въ болѣе образованныхъ слояхъ общества всѣми заправляли іезуиты"... Очеркъ исторіи Польши, т. II, стр. 226—227. Іезуиты содержали 4 collegia nobilia—въ Варшавѣ, Острогѣ, Львовѣ и Витебскѣ,—и 55 среднихъ школъ, хотя о народномъ воспитаніи орденъ почти не заботился и

немъ слоѣ „всѣ нуждались въ монахѣ, который-бы съ ними ѣлъ, пилъ, проводилъ время и братался,—и находили его въ орденахъ нищенствующихъ бернардинцевъ, францисканцевъ и капуциновъ, которые широко распространились теперь по всей Польшѣ и ни образованіемъ, ни имуществомъ, ни высокомѣріемъ не поражали бѣднаго шляхтича, владѣвшаго одной полосой или деревней“ [1]). Монашескія идеи, въ связи съ общими философско-религіозными абстракціями, по обычному порядку вещей, являются замѣстителями пустоты общественныхъ интересовъ, чтобы дать мысли безобидное и безопасное упражненіе, необходимое для салоннаго развлеченія.—Говорить объ общихъ задачахъ польскаго дворянства и народа тѣмъ болѣе не удобно, что всѣмъ памятна была буря, произведенная Маріей Людвикой, женой Яна Казиміра, и Любомирскимъ, отстаивавшимъ Польшу отъ посяганій Людовика XIV. Теперь-же богатые фамиліи уже вошли въ тѣсное общеніе съ Франціей. Съ одной стороны „częste małżęske związkie z francuzami“, [2]) надѣленіе, въ видахъ политическихъ, лучшихъ польскихъ фамилій имѣніями во Франціи [3]) связывали интересы французской жизни съ идеалами и стремленіями части магнатства; съ другой—блестящее положеніе французскаго двора въ Европѣ, [4]) при могущественномъ политическомъ значеніи Людовика XIV [5]), привлекало къ нему всѣхъ, кто стремился достигнуть придворнаго чина или дворян-

---

элементарныхъ школъ не заводилъ. Пыпинъ и Спасовичъ. Ист. Слав. Лит., т. II, стр. 522.

[1]) Бобжиньскій. Очеркъ Ист. Польши, т. II, стр. 227.

[2]) Zelęski. Czy jezuici zgubili Polskę? str. 289, примѣч. 1.

[3]) Іосифъ Залускій и Янъ Красовскій, «великіе вельможи двора», были надѣлены имѣніями въ Лотарингіи и Бургундіи. Ibidem.

[4]) Iasniał na ten czas dwór Ludwika XIV całym blaskiem pozyczonego swiatła. Ibid.

[5]) Ibid. «Въ рукахъ французскаго монарха, говоритъ Zelęski, находились судьбы всей Европы» стр. 277—288; ср. Трачевскій. Международная политика Людовика XIV. Ж. М. Н. Пр. 1888 г. № 1.

ства [1]), словомъ, выдѣлиться изъ окружающей среды и занять господствующее положеніе. Въ политическихъ и соціальныхъ убѣжденіяхъ получалось полное разногласіе. Въ то время какъ партія, усвоившая себѣ политическую программу Людовика XIV, не только болѣе или менѣе сочувственно относилась къ французской политикѣ въ Польшѣ и противилась войнѣ съ Турціей, но мало-по-малу лишалась связи съ національными и соціальными стремленіями окружающей среды, такъ что подъ конецъ царствованія Собѣскаго ей „nie było co robić w Polsce“ [2])—другая партія, увлеченная папскими и католическими идеями освобожденія христіанъ отъ невѣрныхъ, попала въ сѣти габсбургскихъ династическихъ интересовъ и играла подъ дирижерство двора Леопольда. Нейтральной-же части, не имѣющей опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, оставалось являться то нарушителями старой „wiary i swiętej cnoty“ [3]), то „śmiałemi doktrynami i całem zachowaniem niezmiernie wolnem“ [4]) производить внутреннее броженіе и проводить въ общественную жизнь мелкую обособленность партійныхъ стремленій. [5]) Это послѣднее обстоятельство имѣло крупное значеніе въ общественно-государственномъ функціонированіи польской жизни. До извѣстной степени оно служитъ показателемъ мозаической пестроты магнатско шляхетныхъ интересовъ и конгрессивнаго характера польскаго парламентаризма [6]).

---

[1]) Zelęski, str. 289. Андрей Морштынъ, подскарбій коронный, распродалъ свои имѣнія въ Польшѣ, переселился во Францію, закупилъ тамъ богатыя имѣнія и «служилъ монархическимъ стремленіямъ Людовика XIV». Сынъ его сдѣлался генераломъ французскихъ войскъ.

[2]) Лучшая молодежь въ значительномъ количествѣ эмигрировала заграницу. Ср. Zelęski, str. 289.

[3]) Ibid, str. 290.

[4]) Ibidem.

[5]) «Упадокъ высшей политики, говоритъ Zelęski, передалъ политическую дѣятельность въ единоличныя руки выдающихся магнатовъ и ихъ женъ», str. 289.

[6]) Н. Карѣевъ. Историческій очеркъ польскаго сейма. М. 1888, стр. 10.

Въ бытовыхъ же условіяхъ его жизни оно сказывалось полной апатіей, побуждающей „пить горькую“, какъ описываетъ стихотвореніе въ записи конца XVII вѣкѣ, найденное нами въ польской рукописи И. П. Библіотеки. F. П, № 63.

Ciebie piie szlachta z pany,
Piie Burmistrz y z mieszczany.
Gardzi żebrak odrapany,
Że nić ma w mieszku pity.
J król piie małwazye, [1])
Senat, zdiawszy ferezye, [2])
Liquor [3]) Ryuski smakuią.
I Dworzane, iako w Kanie,
Tylko na stoł hasła stanie,
Wszyscy iey deferuią...
I Rycerstwo piie czerstwo,
Stroiąc sobie z tąd szyderstwo,
Że skrzywdzone w Hybernie.
Czuiąc w winie smak w Lublinie...
J w Piotrkowie sąd nie minie,
Radzi sie tam zabawią.
Choc zwąlniona ich sprawęczka,
Darowna ią wesprze beczka,
Że Dekretu poprawią.
Przy offierze w naszey wierze
Trzy kroc wino w kielicz bierze,
Kapłan offiaruiący.

. . . . . .

Piią mniszy sobie w ciszy—
Nikt tam krzyku nie usłyszy.
Milcz Bracie, milcz' Przeorze,
Pelnią mniski, ssą kieliszki

---

[1]) Вино «Мальвазія».

[2]) Верхняя одежда.

[3]) Названіе вина простого, рыночного.

Kożda do swey towarzyszki,
W ciszosci y pokorze.

. . . . . .

Piią chorzy, bo Doktorzy,
Wiedząc, iże zdrowie sporzy,
Pozwalą dla żołądka.
Piią starzy, seredaczy
I do. . . . . częc koiarzy,
Wyrzydaiąc do szcządka.
I niewiastki też go lubią,
I zagadki winne skubią,
Ale kształtnie y skrycie.

. . . . . .

Piią kupcy, bo nie głupcy,
Powróciwszy z Lipska, z Lubczy,
Jak swe towary słożą... [1])

П. Гавриловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

---

[1]) Въ рукописи это стихотвореніе — на двухъ языкахъ, — латинскомъ и польскомъ, идущихъ параллельными столбцами. Польское стихотвореніе съ надписью — Proza Winu Polska; латинское — Prosa libera Patri Bacoso. Мы выписываемъ здѣсь польское стихотвореніе только по частямъ.

Вторая Кіевская гимназія [1]

1852—1861.

„Память наша,—сказалъ гдѣ-то Шопенгауэръ,—похожа на сито, которое отъ времени и употребленія становится все грубѣе, такъ что чѣмъ больше мы старѣемся, тѣмъ скорѣе ускользаетъ изъ памяти все то, что мы ей довѣряемъ, и, напротивъ, остается то, что утверждено въ ней въ ранніе годы".

Оттого-то и мои воспоминанія, чѣмъ дальше простирались въ глубину времени, тѣмъ были отчетливѣе и становятся все смутнѣе по мѣрѣ приближенія къ настоящему.

Но будемъ продолжать.

Еще въ 1851 году, прослуживши Немировской гимназіи 8 лучшихъ лѣтъ моей жизни и узнавши, что во 2-й Кіевской гимназіи, за смертію учителя русской словесности Николаевскаго, открылась вакансія, я отправился къ помощнику попечителя М. В. Юзефовичу проситься о переводѣ. Хотя впредь до пріисканія преподавателя туда былъ приглашенъ профессоръ А. И. Селинъ, но я, по совѣту инспектора Гренкова, рискнулъ попытать счастья.

Прихожу къ генералу и прошу лакея доложить о себѣ.

— Пожалуйте!—буркнулъ тотъ, не глядя на меня и указывая жестомъ по направленію къ двери, ведущей на балконъ.

---

[1]) Продолженіе. «Кіевская Старина" за 1890 и 1895 годы.

Его П—во только-что окончилъ завтракъ. Придерживая шпаженку, я отвѣсилъ поклонъ и вытянулся въ струнку подъ самой стѣнкой.

— Здравствуйте! что скажете?—спросилъ генералъ, вытирая ротъ салфеткой.

— Осмѣливаюсь утруждать В. П—во покорнѣйшею просьбой о перемѣщеніи меня изъ Немировской гимназіи во 2-ю Кіевскую на вакансію учителя Русской словесности.

— Откуда вы взяли вакансію? Тамъ читаетъ профессоръ.

— Я полагалъ, В. П—во, что профессоръ Селинъ исправляетъ эту должность временно, за непмѣніемъ въ виду лица, которое-бы заняло вакансію.

— Да кто вамъ сказалъ, что профессоръ преподаетъ временно?—спросилъ генералъ, возвысивъ голосъ.

— Мнѣ казалось,—отвѣтилъ я смиренно,—что двѣ должности, профессорская и учительская въ такой многолюдной гимназіи, какъ 2-я кіевская, въ одномъ лицѣ несовмѣстимы: одно исправленіе ученическихъ сочиненій, я знаю это по опыту, это такой трудъ...

— Не разсуждать!—зычнымъ голосомъ крикнулъ генералъ: смотрите, пожалуйста, онъ хочетъ, чтобы я промѣнялъ профессора университета на какого-нибудь учителишку!

Разумѣется, послѣ такого комплимента мнѣ оставалось только поскорѣй унести ноги отъ этого непривѣтливаго господина.

И только черезъ годъ послѣ этой неудавшейся попытки, благодаря содѣйствію того-же Гренкова и его пріятеля, всемогущаго въ округѣ А. А. Лазова, я наконецъ вырвался изъ ежевыхъ рукавицъ Зимовскаго и, оставивъ навсегда жидовское мѣстечко, содѣлался обитателемъ богоспасаемаго града.

Прибывъ на мѣсто въ концѣ августа 1852 года, я счелъ долгомъ немедленно явиться къ Михаилу Владиміровичу, Доложили.

— Просятъ въ бесѣдку, пожалуйте!—сказалъ мнѣ тотъ-же самый невѣжа-лакей, отворяя двери въ садъ.

Вхожу въ бесѣдку. Мой генералъ сидитъ, какъ богъ-Панъ, окруженный пышной растительностью.

— А, здравствуйте! вы уже пріѣхали?

И онъ протянулъ мнѣ руку, съ которой я рѣшительно не зналъ, что дѣлать—брать или не брать?

— Прошу садиться!

„Что за притча?“—подумалъ я, не вѣря своимъ ушамъ, „что за метаморфоза такая?“ А ларчикъ просто открывался: узнавъ объ увольненіи профессора и о моемъ назначеніи на его мѣсто, онъ спросилъ Лазова:

— Алексѣй Алексѣевичъ, что все это значитъ?

— Самъ уволилъ и самъ назначилъ другого,—отвѣтилъ тотъ.

„А - а,—сообразилъ генералъ:—значитъ, съ этимъ учителишкой нужно быть деликатнѣй—онъ извѣстенъ самому Бибикову.

Директоромъ 2-й гимназіи былъ въ то время богатый малороссійскій панъ Н. А. Ригельманъ,[1]) который до того числился на службѣ въ канцеляріи генералъ-губернатора и, отъ нечего дѣлать, путешествовалъ по славянскимъ землямъ, да пописывалъ въ московскихъ славянофильскихъ журналахъ. Бибиковъ на подобныхъ субъектовъ смотрѣлъ глазами Наполеона I, называвшаго ихъ идеалогами, т. е. людьми негодными для практической дѣятельности, и потому, когда открылась вакансія директора во 2-й гимназіи, послѣ отставки пр. Богородскаго, онъ предоставилъ ее Ригельману, изъ чего между прочимъ можно заключить, какъ легко смотрѣли на многотрудныя обязанности педагога вершители нашихъ судебъ.

По пріѣздѣ въ Кіевъ я не засталъ директора на службѣ: онъ прохлаждался въ своихъ имѣніяхъ, собирая дани многи съ крестьянъ своихъ, хотя ученіе въ гимназіи давно уже началось[2]). Обязанности директора, въ его отсутствіе, исполнялъ инспекторъ

---

[1]) Это не единственный директоръ изъ помѣщиковъ: въ Волынской гимназіи былъ Трофимовскій, въ Черниговской—Бугаевскій, въ Каменецъ-Подольской—Вощининъ.

[2]) Каникулы наши въ то время продолжались всего одинъ мѣсацъ: съ 22-го іюня по 22-е іюля.

Н. М. Гренковъ. Переночевавъ у своего земляка Т. И. Пристюка, тогда учителя 1-й кіевской гимназіи, я на другой-же день, по его указанію, занялъ довольно удобную квартиру у его сослуживца Ѳ. А. Токарскаго и немедленно приступилъ къ преподаванію своего предмета.

Такъ-какъ предмѣстникъ мой, А. И. Селинъ, былъ не нашъ братъ, чернорабочій учитель, а восторженный пѣнкосниматель профессоръ, то мнѣ, на первыхъ порахъ, было довольно трудно управляться съ многолюдными классами[1]). Новые мои слушатели совершенно отвыкли отъ гимназическаго способа преподаванія; имъ видно пришелся по вкусу университетскій способъ чтенія лекцій; роль ихъ круглый годъ была совершенно пассивная: наслаждаясь краснорѣчіемъ обожаемаго Александра Ивановича, они никогда не отдавали ему отчета въ томъ, насколько ими усвоено прослушанное. Понятно, что мои „уроки“, послѣ профессорскихъ лекцій, пришлись имъ не по-нутру. Пользуясь пріятельскими отношеніями къ директору и къ помощнику попечителя и опираясь на свой авторитетъ, какъ профессора, Александръ Ивановичъ знать не хотѣлъ никакой программы, безусловно обязательной для обыкновенныхъ смертныхъ, т. е. учителей, которые не смѣли отступать ни на іоту, и потому мнѣ пришлось вколачивать весьма поверхностные обрывки свѣдѣній своихъ учениковъ въ предѣлы гимназическаго курса. А тутъ еще вернувшійся изъ деревни директоръ, недовольный увольненіемъ профессора, помимо его желанія, не переставалъ настаивать, чтобы я познакомился съ Александромъ Ивановичемъ и поучился у него преподаванію русской словесности, но я шелъ своей дорогой, слѣдуя собственному методу, выработанному самостоятельной 10-лѣтней практикой.

Результаты моего преподаванія, какъ показали годичныя, а особенно окончательныя испытанія, превзошли мои ожиданія.

Въ качествѣ контролирующаго ассистента на экзаменахъ въ VII классѣ присутствовалъ и мой антагонистъ Селинъ, кото-

---

[1]) Въ V классѣ въ двухъ отд. 115 ч. въ VI—82, въ VII—58.

рый тоже остался совершенно удовлетвореннымъ отвѣтами моихъ учениковъ. Всѣ 58 человѣкъ получили отмѣтки удовлетворительныя, не смотря на то, что по предписанію Бибикова, по русскому языку требовалась отмѣтка 4.

Послѣ этого директоръ предоставилъ мнѣ полную свободу дѣйствія относительно моего преподаванія. Но помимо моихъ служебныхъ обязанностей, Николай Аркадьевичъ нашелъ другой поводъ надоѣдать мнѣ. Кіевская жизнь, послѣ Немировской дешевизны (квартира со столомъ 10 р.), показалась мнѣ довольно дорогой, и вотъ къ моимъ услугамъ подвернулся съ предложеніемъ выгодной кондиціи польскій помѣщикъ маркизъ Яневскій, который за приготовленіе сына въ университетъ, чрезъ ксендза Коризну, предложилъ мнѣ квартиру съ полнымъ содержаніемъ и тысячу рублей гонорару. Заниматься я долженъ былъ всѣми предметами, за исключеніемъ новыхъ языковъ и математики. Прежде чѣмъ согласиться на такія заманчивыя условія, я пожелалъ поближе познакомиться съ будущимъ воспитанникомъ, насколько онъ подготовленъ для того, чтобы черезъ годъ поступить въ университетъ.

И что-же оказалось? По русскому языку онъ не годится и въ 3-й классъ, исторіи не начиналъ вовсе, по латыни—ни бельмеса. Мыслимо ли было въ теченіе какихъ-нибудь девяти мѣсяцевъ приготовить къ вступительному экзамену въ университетъ такого невѣжественнаго юношу? Я, конечно, отказался наотрѣзъ, и этимъ отказомъ нажилъ себѣ не мало хлопотъ. Пріятель маркиза, директоръ, не давалъ мнѣ проходу, уговаривая меня принять кондицію. Всѣ мои доводы о невозможности этой нелѣпой сдѣлки на него не дѣйствовали. Какъ только попадусь ему на глаза:

— Что-жъ вы, еще не надумались?

— Нѣтъ, Н. А—чъ, не могу.

— Странно! Квартира со столомъ и больше чѣмъ вдвое противъ казеннаго жалованья плата,—очень странно!

— Да вѣдь поймите же, г. директоръ, что я долженъ буду, въ ущербъ моей службѣ, употребить вдвое больше времени на

приготовленіе одного субъекта противъ того, что я употребляю для гимназіи, гдѣ у меня не одинъ ученикъ, а 250 человѣкъ. А что запоете мнѣ, если я, ради кондиціи, стану манкировать своими прямыми обязанностями, и все-таки никакого толку изъ моихъ занятій съ этимъ паничемъ не будетъ?

Но такіе доводы на г. директора не дѣйствовали. „Странно“— да и только. Не успѣвъ уговорить меня черезъ директора, маркизъ обратился къ Юзефовичу; но тотъ ему сказалъ, что ни одинъ уважающій себя наставникъ не согласится быть гувернеромъ ни за какія деньги: для этого существуютъ разные проходимцы, французы и нѣмцы. Не найдя ни одного охотника на лакомую приманку, панъ Ячевскій приглашаетъ профессоровъ давать частные уроки; тѣ, конечно, согласились, и юноша, съ помощію Ставровскаго и К°, черезъ годъ поступилъ въ университетъ!

Нашъ Рагельманъ оставался славянофиломъ и въ должности директора, а по выходѣ въ отставку былъ даже предсѣдателемъ славянскаго благотворительнаго комитета. Впрочемъ, надо признаться, наши крѣпостники—славянофилы, часто игнорируя нужды своихъ русскихъ славянъ, не только оставляли ихъ безъ всякой помощи, но эксплоатируя ихъ трудъ, изъ одной лишь моды благодѣтельствовали чужимъ, гораздо меньше нуждавшимся и болѣе обезпеченнымъ. Получая громадный доходъ изъ своихъ имѣній, Николай Аркадьевичъ для *меньшей братіи* своей ровно ничего не сдѣлалъ. По крайней мѣрѣ не слышно было, чтобы онъ завелъ для своихъ крестьянъ хоть одну школу, хоть одну больницу. При всемъ своемъ богатствѣ, онъ былъ страшно скупъ. Желая опровергнуть циркулировавшее въ Липкахъ такое о себѣ мнѣніе, Ник. Арк. сталъ по воскресеньямъ приглашать учителей на обѣды, раздѣливъ весь учебный персоналъ на группы, по пяти человѣкъ за одинъ разъ. Былъ и я однажды на такомъ обѣдѣ и нашелъ, что мой простой столъ, приготовляемый крѣпостной кухаркой Токарскаго, несравненно питательнѣе и вкуснѣе поварскихъ бульоновъ и соусовъ г. директора. Дѣло въ томъ, что амфитріонъ нашъ получалъ изъ имѣній провизію въ такомъ

изобиліи, что одному человѣку израсходовать ее впродолженіе мѣсяца было невозможно, и вотъ, когда она начинала портиться, Н. А. нашелъ средство употреблять ее въ дѣло, приглашая учительство на обѣды.

Поздней осенью 1852 года Кіевъ праздновалъ великое событіе—отъѣздъ Д. Г. Бибикова заграницу въ четырехмѣсячный отпускъ, изъ котораго онъ уже не возвратился, перейдя на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Четырнадцатилѣтнее свое владычество надъ Юго-Западнымъ краемъ (1838—1852) онъ самъ охарактеризовалъ въ рѣчи, обращенной къ дворянству трехъ губерній во время выборовъ, случайно совпавшихъ съ этимъ отъѣздомъ. Сознавая свою мощь, сановный ораторъ, въ сжатомъ видѣ, представилъ, конечно, съ своей точки зрѣнія, блестящіе результаты своей дѣятельности во ввѣренномъ ему краѣ; но дальнѣйшій ходъ событій въ жизни этого края далеко не оправдалъ смѣлыхъ выводовъ грознаго администратора.

Бибиковъ въ роли попечителя учебнаго округа, не задаваясь никакими педагогическими вопросами, не интересуясь никакою наукой, требовалъ отъ наставниковъ средне-учебныхъ заведеній Юго-Западнаго края только одного, чтобы они польскихъ дѣтей сдѣлали русскими, преданными Царю и отечеству. Въ силу такихъ требованій, педагоги очутились въ исключительномъ положеніи: къ ихъ дѣятельности чисто научнаго свойства примѣшивались требованія, не имѣвшія ничего общаго съ наукой. Но что сдѣлали наши гимназіи для русскаго дѣла въ ополяченномъ краѣ? Заключалась-ли хоть малая доля правды въ широковѣщательныхъ донесеніяхъ разныхъ Зимовскихъ, Яковлевыхъ и др. обрусителей? А вѣдь донесеніямъ этимъ Д. Г—чъ вѣрилъ безконтрольно, награждая ихъ крестами и деньгами. Мало того, на основаніи подобныхъ донесеній, онъ вводилъ въ заблужденіе правительство на счетъ вѣрноподданническихъ чувствъ польскаго населенія. Такъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1848 годъ, онъ между прочимъ доносилъ:

„Въ учебныхъ заведеніяхъ сталъ развиваться русскій языкъ, русскія начала и желанія служить, почему учебныя заведенія не представляютъ никакой опасности, и послѣдствія эти важны въ настоящее время, а въ будущемъ слѣдуетъ ожидать самыхъ прочныхъ результатовъ въ отношеніи образованія польскаго юношества.“

А будущее, увы! зло насмѣялось надъ этимъ пророчествомъ дальновиднаго администратора... Жаль, что онъ не дожилъ до злополучнаго 1863 года!

Да, не добромъ помянули Бибикова наши педагоги.

„Не говоря уже о его гордости и надменности, въ этомъ человѣкѣ не было никакого чувства, а какая-то убійственная холодность и равнодушіе къ судьбѣ ближняго“.[1])

Одинъ изъ учителей Кіевской гимназіи, обремененный большимъ семействомъ, рискнулъ попросить у попечителя прибавки къ весьма скудному жалованью.

„Вишь чего старый захотѣлъ,—пошутилъ Д. Г—чъ:—а если-бы я велѣлъ тебѣ всыпать 25 горячихъ, попросилъ-бы ты прибавки?

Ошеломленный такой жестокой шуткой, педагогъ чуть было не рехнулся тутъ же въ пріемной. Шатаясь какъ пьяный, вышелъ онъ на свѣжій воздухъ и, стоя на крыльцѣ между двумя часовыми, долго не могъ прійти въ себя, повторяя безсвязно услышанныя имъ отъ генерала слова: „всыпать... 25?.. мнѣ? Я—солдатъ? Нѣтъ... вотъ и шпага и треуголка... Я коллеж...

Когда огорченный старикъ отправился искать сочувствія своему горю къ генералу штатскому, то сей послѣдній утѣшалъ его такой сентенціей:

„Такъ вамъ и нужно! Не лазьте по пустякамъ къ Генералъ-Губернатору, минуя ближайшее начальство. Что-жъ, что вы коллежскій совѣтникъ? По моему крайнему разумѣнію, учителямъ не слѣдовало бы давать такихъ большихъ чиновъ. Ну, скажите

---

[1]) См. «Старая и Новая Россія» 1878. № 12. Характеристика Титова.

на милость, къ чему послужилъ вашъ чинъ? И что за важная птица—учитель? C'est un metier"!

Жалованья, правда, прибавили классику,но лучше-бы съ голоду пропасть, чѣмъ испытать такое тяжкое униженіе за 23-хълѣтнюю усердную и безпорочную службу.

О, tempora, o mores!—повторялъ, идучи домой униженный и оскорбленный наставникъ юношества.

Суровый бибиковскій режимъ заразилъ маніей величія и другихъ администраторовъ—отъ смотрителей уѣздныхъ училищъ до помощника попечителя включительно. Вотъ тому доказательство:

Помимо просьбъ о перемѣщеніи, каждый проѣзжавшій черезъ Кіевъ учитель обязательно долженъ былъ явиться къ начальнику въ полной парадной формѣ и для того долженъ былъ везти съ собой, на почтовой перекладной за 200—300 верстъ, мундиръ, шпагу и треухъ.

Разъ Бибикову вздумалось зайти въ общую ученическую квартиру 2-й гимназіи. Дежурнымъ надзирателемъ въ тотъ день былъ высокопарнѣйшій надзиратель Софроній Семеновичъ Гриценко. Обойдя помѣщеніе квартиры, Д. Г—чъ обратился къ нему съ нотаціей на счетъ замѣченныхъ безпорядковъ въ дортуарахъ и прибавилъ въ заключеніе:

— Слышите-ли вы?

Гриценку слѣдовало безмолвно поклониться или отвѣтить по-солдатски: „слушаю-съ, В. В—во!"—и дѣлу конецъ. Но у Софронія была неудержимая страсть къ риторикѣ; его угораздило прибавить: „слушаю, В. В—во, съ уваженіемъ"!

— А развѣ ты можешь слушать меня безъ уваженія?—закричалъ генералъ, сильно напирая на помертвѣвшаго отъ страха надзирателя. Тотъ—шагъ назадъ, а Бибиковъ—два впередъ, да загналъ бѣднягу въ самый уголъ, такъ что дальнѣйшее отступленіе стало невозможнымъ.

„Въ эту ужасную минуту,—разсказывалъ потомъ Софроній Семеновичъ:—я завидовалъ существованію ничтожнаго мышенка, готовъ былъ спрятаться въ мышиную норку, провалиться сквозь полъ, исчезнуть съ лица земли.

За нѣсколько часовъ до своего отъѣзда Д. Г—чъ показалъ примѣръ повиновенія начальству на гимназистахъ. Послѣ маршировки на университетскомъ плацу, съ инспекторомъ Гренковымъ во флангѣ, онъ скомандовалъ дѣтямъ:

— Ложись!—и обѣ гимназіи, какъ одинъ человѣкъ, полегли.

—Храпи! спи! вставай!—и все въ точности исполнено.

— Вотъ какъ нужно повиноваться начальству!—обратился онъ поучительнымъ тономъ къ представителямъ дворянства трехъ Юго-Западныхъ губерній, присутствовавшихъ при муштрѣ въ мундирахъ.

Начальникомъ края назначенъ волынскій губернаторъ, князь Илларіонъ Илларіоновичъ Васильчиковъ.

Въ этой же прощальной рѣчи своей къ дворянству Бибиковъ выразился о своемъ преемникѣ такими словами:

„Вмѣсто меня вступаетъ въ управленіе тремя губерніями кн. Васильчиковъ. Это человѣкъ благороднѣйшихъ чувствъ; онъ исполнитъ превосходно всѣ тяжелыя обязанности того тяжкаго бремени, которое я несу 15 лѣтъ“.

Къ Васильчикову перешло и номинальное управленіе Кіевскимъ учебнымъ округомъ; говорю номинальное потому, что въ сущности дѣлами округа продолжали заправлять прежніе воротилы: Юзефовичъ и Лазовъ. За три года своего управленія округомъ князь былъ только одинъ разъ во 2-й гимназіи, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ. Въ сопровожденіи помощника, онъ обошелъ классы, отнесся къ нашему педагогическому персоналу весьма ласково и благосклонно, такъ что мы увидѣли въ немъ болѣе именитаго посѣтителя, чѣмъ начальника. Суровый бибиковскій режимъ миновалъ навсегда; забитое и загнанное учительство вздохнуло свободнѣе; директоры насъ перестали пугать попечителемъ какъ букой; даже громовержецъ Михаилъ Владиміровичъ долженъ былъ измѣнить свое обращеніе съ подчиненными на болѣе вѣжливый тонъ. Гуманное отношеніе князя къ личности каждаго служащаго сдерживало буйные инстинкты власть имущихъ, не знавшихъ до того никакого удержу.

Попечительство кн. Васильчикова не ознаменовано ни однимъ важнымъ распоряженіемъ ни по учебной, ни по воспитательной части. Назначенія на должности, перемѣщенія, увольненія, награды шли не отъ попечителя, а отъ Юзефовича и Лазова; онъ только подписывалъ то, что ему подкладывали. Тѣмъ не менѣе въ его управленіе округомъ случилось событіе, по поводу котораго князь проявилъ свою самостоятельность: это увольненіе директора Немировской гимназіи Зимовскаго. Въ концѣ 1852 года съ Зимовскимъ опять случилась, такъ называемая, непріятная исторія: его опять побили. Дим. Гавр. за оскорбленіе дѣйствіемъ наградилъ въ первый разъ потерпѣвшаго орденомъ Анны 2-й степени, не смотря на то, что директоръ былъ кругомъ виноватъ, вызвавши своимъ жестокимъ обращеніемъ дикій поступокъ ученика Вольскаго; тутъ Егору Яковлевичу не мало помогли своимъ предстательствомъ Юзефовичъ и Могилянскій.—Теперь-же князь не принялъ отъ побитаго никакихъ объясненій и, отвергши заступничество Могилянскаго, велѣлъ Зимовскому подать въ отставку. И по дѣломъ!

Педагогическій персоналъ первыхъ годовъ моей Кіевской службы, *до попечительства Пирогова*, состоялъ изъ немалаго числа антиковъ, какихъ въ настоящее время уже не встрѣтить. Собственно говоря, гимназіей управлялъ не Ригельманъ, съ которымъ ни ученики, ни наставники не имѣли никакого дѣла, а инспекторъ *Н. М. Гренковъ*, находившійся безотлучно въ гимназіи и вѣдавшій самостоятельно какъ дисциплинарной, такъ и учебной частью въ заведеніи. Дѣйствительный студентъ педагогическаго института, родомъ изъ Тамбова, гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе въ мѣстной семинаріи, Николай Михайловичъ въ 1835 году поступилъ въ должность учителя математики и физики въ первую гимназію и нѣкоторое время, за неимѣніемъ профессора, читалъ лекціи математики въ университетѣ Св. Владиміра, а въ 1837 году послѣ Павла Іеропеса, былъ назначенъ инспекторомъ во 2-ю кіевскую гимназію. Во все время своего инспекторства вплоть до увольненія отъ службы при Пироговѣ, Н. М—чъ слылъ ревностнымъ поклонникомъ

розги. У него заведенъ былъ такой порядокъ: впродолженіе цѣлой недѣли взысканія съ учениковъ производились только за шалости, не касаясь ихъ лѣни, а въ субботу надзиратели выписывали изъ классныхъ журналовъ наставленныя за всю недѣлю учителями единицы и нули, и всѣхъ лѣнтяевъ, коихъ число доходило иногда до 30 человѣкъ, оставляли по окончаніи уроковъ для расправы. Обычай этотъ, по всей вѣроятности занесенъ инспекторомъ изъ тамбовской семинаріи, гдѣ, какъ и въ другихъ духовныхъ училищахъ того времени, существовали *субботки* (subbativa).

При всемъ томъ, нужно отдать справедливость неусыпной дѣятельности Николая Михайловича, успѣвавшаго водворять порядокъ въ такой многолюдной гимназіи, какою была въ то время 2-я кіевская. Въ ней числилось болѣе 700 человѣкъ, изъ коихъ 200 помѣщались въ общей квартирѣ при гимназіи, что при безучастномъ отношеніи г.г. преподавателей къ поведенію учениковъ внѣ класснаго времени, дѣлало службу инспектора весьма тяжелою; помощники же его, надзиратели, не оказывали ему ни малѣйшей помощи. Отвѣтственность за дисциплину, поэтому, всецѣло ложилась на инспектора. Каждый учитель, отбывши свои часы въ гимназіи, спѣшилъ на уроки въ другія заведенія, нисколько не заботясь о томъ, что творилось въ гимназіи во все остальное время, какія тамъ малыши претерпѣвали истязанія за тѣ единицы, которыя наставлены ими въ классныхъ журналахъ зря, безъ должнаго вниманія къ отвѣтамъ ученика и къ его слезнымъ оправданіямъ своей неуспѣшности.

Старѣйшимъ между преподавателями былъ учитель русскаго языка *Ѳ. В. Березницкій*, товарищъ Гренкова по педагогическому институту, человѣкъ не безъ способностей, извѣстный даже въ печати составленнымъ имъ учебникомъ ариѳметики, но сильно зашибавшій хмелемъ. Во все продолженіе своей кіевской службы, я ни разу не видѣлъ его совершенно трезвымъ; полупьяное состояніе у него было нормальнымъ; такимъ онъ являлся и на уроки. Ученики такъ привыкли къ этому, что совершенно мирились съ самыми безобразными его выходками.

Замѣчательно, что Ѳедоръ Васильевичъ года два почти ежедневно занимался съ дочерьми памятнаго Кіеву строителя милліонныхъ башенъ крѣпости печерской Клименка; вѣроятно, и тамъ къ нему привыкли.

— Господа!—обращался онъ къ ученикамъ,—у меня малина поспѣла, приходите ко мнѣ въ садъ да приносите съ собой побольше сахару!

Ученики шли къ нему въ садъ и несли сахаръ.

Учителемъ латинскаго языка и старшимъ надзирателемъ общей ученической квартиры былъ *И. Д. Юскевичъ-Красковскій*, бывшій во время бно и моимъ учителемъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи при директорѣ Тимковскомъ, которому покойникъ былъ обязанъ весьма полезными совѣтами по части преподаванія латинскаго языка. На долю Ивана Даниловича выпала скромная доля педагога въ такое время, когда трудъ воспитателя юношества цѣнился не по достоинству, низводимый на степень поденной работы за весьма скудное вознагражденіе. О немъ будетъ еще рѣчь впереди.

Учитель математики и физики *Д. О. Бѣлоусовъ*, собутыльникъ Березницкаго, тоже любилъ приношенія учениковъ, главнымъ образомъ ромомъ и виномъ; но любя горькое, не отказывался и отъ сладкаго. Ученикъ V класса, получивъ на экзаменѣ двойку, пошелъ къ нему на домъ переэкзаменоваться, захвативъ съ собой головку сахару. Оставивъ въ передней сахаръ, онъ вошелъ въ пріемную и сталъ просить г. учителя выдать записку къ инспектору съ переводною отмѣткой. Димитрій Осиповичъ, заглянувъ въ переднюю и усмотрѣвъ тамъ голову сахару, не переэкзаменовывая, немедленно написалъ на бумажкѣ требуемую отмѣтку и вручилъ ее просителю. Ученикъ разсыпался въ благодарности и, уходя, беретъ принесенный сахаръ.

— А что жъ-это вы?—спрашиваетъ наставникъ.

— А это папаша велѣлъ купить для дому,—отвѣчалъ проказникъ.

— Ахъ ты подлецъ!—выругался наставникъ.

Въ первый годъ послѣ перемѣщенія моего изъ Немирова у меня жили два пансіонера V и VI класса. Одинъ изъ нихъ, Грохольскій, никакъ не могъ получить у Бѣлоусова удовлетворительную отмѣтку, а малый довольно способный.

Спрашиваю товарищей, что мнѣ дѣлать съ Бѣлоусовымъ?

— Очень просто,—отвѣчаютъ,—пригласи его на чай, да купи сперва бутылку ямайскаго—и дѣло въ шляпѣ.

Дѣйствительно, ромъ отлично подѣйствовалъ: послѣ чаю мои питомцы должны были отвесть своего наставника на квартиру, взявши его подъ руки, какъ архіерея. Затѣмъ передъ подачей инспектору мѣсячныхъ вѣдомостей я долженъ былъ купить еще бутылку и вторично пригласить на чай Б.

Второй преподаватель математики *Маврикій Павловичъ Байеръ*—аккуратнѣйшій и честнѣйшій учитель, занимавшійся съ учениками безвозмездно, даже внѣ класснаго времени—явленіе, сколько я помню, исключительное между математиками, угнетавшими учениковъ вымогательствомъ частныхъ уроковъ. Какъ нѣмецъ, онъ былъ большой формалистъ. При немъ находились во всякое время карманные „списочки“, гдѣ были записаны мельчайшія подробности относительно отвѣтовъ каждаго ученика. Жаль только, что своимъ кропотливымъ усердіемъ онъ не только не возбуждалъ въ ученикахъ любви къ своему предмету, но требованіемъ буквальнаго заучиванья учебника отбивалъ охоту къ изученію его. Вѣчно недовольный дѣйствіями надзирателей и критически относясь къ распоряженіямъ инспектора, неугомонный нашъ Маврикій постоянно твердилъ о необходимости введенія въ число предметовъ гимназическаго курса особой науки, которую онъ называлъ „моралами“. Впродолженіе всей своей службы во 2-й гимназіи онъ постоянно имѣлъ богатыхъ пансіонеровъ и при своей скупости сколотилъ порядочный капиталецъ. Въ концѣ своей службы онъ женился и послѣдніе годы жизни вѣчно нуждался въ деньгахъ и умеръ почти нищимъ.

До Пирогова законоучителемъ во 2-й гимназіи былъ о. *Ѳедоръ Мисловскій*, настоятель Георгіевской церкви и большой пріятель Березницкаго и Бѣлоусова. Но у о. Ѳедора былъ еще

одинъ домашній другъ, товарищъ его по академіи, приснопамятный Викторъ Ипатьичъ Аскоченскій. Овдовѣвъ дважды и трижды перемѣнивъ службу, онъ былъ окончательно уволенъ въ отставку и, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, пріютился у о. Ѳедора. Живя у него на полномъ иждивеніи, В. И. постоянно на его счетъ приглашалъ гостей, а во дни храмового праздника, именинъ своихъ и хозяина, собиралъ такое множество духовенства—и бѣлаго, и чернаго, иногда даже съ архіереемъ во главѣ, что нашему батюшкѣ каждый пріемъ обходился не менѣе ста рублей. Случалось и мнѣ посѣщать своего сослуживца „не ради рома и арака“, а совсѣмъ съ другою цѣлію. Дѣло въ томъ, что къ Аскоченскому, великому знатоку церковнаго пѣнія, приходилъ иногда знаменитый въ то время теноръ, студентъ духовной академіи Чумачевскій. Они-то вдвоемъ весь вечеръ услаждали мой слухъ превосходнымъ исполненіемъ духовныхъ концертовъ, дуэтовъ, отрывковъ изъ оперъ и т. п. Иногда Чумачевскій приводилъ съ собой еще двухъ студентовъ; тогда формировался цѣлый хоръ. Наконецъ, пребываніе Виктора Ипатьевича у пріятеля стало ужъ черезчуръ накладно для него, и онъ, пожертвовавъ единовременно нѣкоторой суммой для предпринятаго В. И—чемъ путешествія въ Петербургъ, освободился отъ засидѣвшагося у него гостя. Получивъ субсидію, Аскоченскій началъ издавать свою, исполненную мракобѣсія, „Домашнюю бесѣду“.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ просвѣщали русское юношество два брата грекосы, выходцы изъ турецкой провинціи, воспитанники смирнской семинаріи—*Павелъ* и *Николай Христофоровичи Іеропесы*. Старшій изъ нихъ Павелъ былъ нѣкоторое время инспекторомъ 2-й гимназіи, потомъ лицея кн. Безбородка, а младшій—Николай Христофоровичъ былъ сперва младшимъ профессоромъ въ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, а потомъ учителемъ греческаго языка во 2-й кіевской гимназіи. Этотъ Н. Х—чъ любилъ часто вспоминать, какъ они съ братомъ учились въ смирнскомъ университетѣ: „оба мы хорошо учились и кончили

заведеніе—братъ Павелъ кандидатомъ, а я—дѣйствительнымъ студентомъ, потому что у меня по чистописанію не вышли кандидатскіе балы".

На урокахъ Николай Христофоровичъ иногда пускался въ филологическія тонкости. Однажды онъ сталъ превозносить богатство русскаго языка въ сравненіи съ греческимъ:

„По гречески слово γίγνω—значитъ родить; для всѣхъ людей и животныхъ существуетъ одно это слово и человѣкъ—родилъ, и собака—родилъ, и корова—родилъ, и свиня—родилъ, а по-русски говорятъ: собака—окотенился, корова—опоросился, свиня—отелился: очень, очень богаты русскій языкъ".

Николая Христофоровича Іеропеса смѣнилъ *В. В. Ѳедоровъ*, человѣкъ несомнѣнно умный, основательно знавшій древніе языки, не исключая, разумѣется, и родного языка еврейскаго; обладалъ сверхъ того чисто жидовскою изворотливостію и пронырствомъ. Онъ ловко обошелъ не только такого недальновиднаго господина, какимъ былъ нашъ директоръ, но успѣлъ провесть и нѣкоторыхъ попечителей, не исключая и самого Пирогова. Всѣ видѣли въ немъ недосягаемое для другихъ учителей совершенство.

— Отчего у васъ, господа, такъ много единицъ и двоекъ наставлено въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ и классныхъ журналахъ? Посмотрите у г. Ѳедорова—одни пятерки!—не переставалъ приставать директоръ къ преподавателямъ.

Но ему наконецъ заявили, что греческій языкъ „во первыхъ, предметъ необязательный; во-вторыхъ, къ Ѳедорову шли только такіе ученики-добровольцы, у которыхъ и по всѣмъ другимъ предметамъ имѣлись отмѣтки не менѣе $4^1/_2$,—значитъ только самые способные, какихъ въ каждомъ классѣ не болѣе пяти-семи человѣкъ; старались же они получить и по-гречески высшую отмѣтку изъ-за того, что за это при выпускѣ давался чинъ XIV класса. Очевидно, съ полдюжиной учениковъ и притомъ самыхъ способныхъ, заниматься несравненно легче и пріятнѣе, чѣмъ съ 60-ю или 80-ю. Но не смотря на очевидность такого факта, Ѳедоровъ сумѣлъ пустить пыль въ глаза начальству блистательными успѣхами своихъ учениковъ.

Учитель географіи—*Ѳ. В. Коленко*, сынъ Новгородъ-Сѣверскаго казначея, одинъ изъ пяти братьевъ, изъ коихъ только старшій не попалъ въ педагоги; и онъ нисколько не сожалѣлъ объ этомъ, оставаясь всю жизнь дѣлопроизводителемъ въ управленіи Шостенскаго порохового завода при нѣсколькихъ генералахъ-начальникахъ; тамъ онъ нажилъ громадное состояніе. Нашъ Ѳедотъ былъ третьимъ сыномъ казначея Василія Ивановича. Обремененный большимъ семействомъ, онъ принужденъ былъ давать много частныхъ уроковъ по всему Кіеву и умеръ въ ранніе годы отъ истощенія силъ.

И. М. Звонниковъ—изъ Кіево-Подольскихъ старожиловъ, преподавалъ большею частью въ параллельныхъ классахъ русскій языкъ и географію, имѣлъ тоже не менѣе 40 уроковъ въ недѣлю въ разныхъ частяхъ города. Живя въ домѣ родителей на Кирилловской улицѣ, онъ обыкновенно приходилъ на службу съ пятикопѣечной булкой въ карманѣ и, обѣгавъ городъ, возвращался домой въ 9 часовъ вечера. Затѣмъ, свободное отъ такой каторжной работы время, т. е. праздники и каникулы, онъ употреблялъ на изученіе латинскаго языка, подъ руководствомъ своего бывшаго профессора, А. К. Деллена. Латынь дала ему возможность сдѣлать карьеру: Кн. Ширинскій—Шихматовъ, перейдя въ Московскій округъ, потянулъ его за собой и сдѣлалъ Окружнымъ инспекторомъ. Такое небывалое повышеніе смутило и самого Звонникова, такъ что по пріѣздѣ въ Москву, онъ просилъ попечителя дать ему болѣе скромную должность, и тотъ назначилъ его директоромъ Ярославской гимназіи. Прослуживъ 37 лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Острѣ, гдѣ года черезъ два умеръ.

Другой учитель русскаго и славянскаго языка *Ковалевскій*, переведенный изъ Бѣлой Церкви, человѣкъ отъ природы робкій и какой-то загнанный, обладая при томъ неказистой наружностью, былъ вѣчнымъ мученикомъ безжалостныхъ мальчиковъ, (сей возрастъ жалости не знаетъ,—сказалъ Крыловъ), получая въ прибавку послѣ каждаго урока выговоръ директора за неумѣнье удержать порядокъ въ классѣ. Сознавая свое безсиліе

укротить маленькихъ звѣрьковъ, онъ нерѣдко плакалъ во время уроковъ. Не надѣясь наконецъ ни на защиту инспектора, ни на строгія взысканія за учиненныя ему пакости, онъ однажды, выбившись изъ силъ, палъ на колѣни предъ образомъ Божіей Матери и обратился съ мольбой къ защитницѣ всѣхъ скорбящихъ: „Матерь Божія!—взмолился наставникъ:—накажи ихъ, негодныхъ!“ А негодяи все-таки продолжали дѣлать ему всевозможныя пакости: то воробья выпустятъ во время урока, то зазвонятъ на послѣдней скамьѣ въ колокольчикъ, то заведутъ машинку съ веселой музыкой.

Про этого горемыку-педагога ученики сочинили такіе стишки:

Колокольчикъ звенитъ—
Ковалевскій бѣжитъ,
Садится за столъ
И объясняетъ глаголъ:

Глаголъ есть такая часть рѣчи,
Что Ковалевскій упалъ съ печи,
Ударился о-полъ
И выскочилъ глаголъ.

Не нашелъ этотъ злосчастный труженикъ счастья и по выходѣ въ отставку: избавившись отъ мучительства дѣтей и отслуживши благодарственный молебенъ, онъ недолго пользовался свободой: черезъ годъ онъ ослѣпъ и окончилъ жизнь въ богадѣльнѣ.

Учитель латинскаго языка въ параллельныхъ отдѣленіяхъ *И. С. Семяновскій*, одинъ изъ трехъ братьевъ, хорошо мнѣ знакомыхъ: старшій былъ городовымъ врачемъ въ Винницѣ, второй—вдовый священникъ Покровской церкви на Подолѣ.

Мой коллега Иванъ Степановичъ жилъ въ церковномъ домѣ, вмѣстѣ съ матерью, сестрой и священникомъ о. Василіемъ. Каждый изъ членовъ этого благодушнаго семейства имѣлъ свои собственныя средства, и потому никто изъ нихъ не былъ въ тягость другимъ, внося въ общую складчину на продовольствіе извѣстную сумму. Жили они между собой очень дружно, не зная никакихъ развлеченій. И. С. зналъ только одну въ Кіевѣ улицу, ведущую изъ Подола въ гимназію, одно занятіе—уроки латинскаго языка. Это патріархальное семейство принадлежало каѳедральному протоіерею Кіево-Софійскаго собора о. Стефану,

оставившему своимъ дѣтямъ въ наслѣдство, вмѣсто обезпеченнаго состоянія, органическій порокъ сердца, сократившій жизнь всѣхъ четырехъ дѣтей: и самъ онъ, и всѣ дѣти его умерли скоропостижно.

Преподаватель французскаго языка въ низшихъ классахъ, сынъ польскаго эмигранта *Лабенскій* служилъ для дѣтей такою же мишенью всевозможныхъ проказъ, какъ и Ковалевскій.

При началѣ каждаго учебнаго года, съ перваго же урока онъ приказывалъ ученикамъ 1-го класса запастись тетрадями, въ которыя они должны были вписывать тянувшееся цѣлый годъ спряженіе глаголовъ avoir и être (не зная еще ни одной буквы по-французски). Неимѣніе тетради влекло за собой наказаніе, причемъ г. учитель покушался даже на остроуміе: „тетрадь нема, глова пуста—на коляна, пожалуста!“

Урокъ обыкновенно начинался у него перекличкою, при чемъ каждый разъ у него въ классѣ оказывался „новый ученикъ“. Дѣло въ томъ, что у Лабенскаго находился карманный списокъ учениковъ, который онъ ежедневно свѣрялъ во время перемѣнъ съ класснымъ журналомъ. Операцію эту онъ производилъ, застромивъ перо за ухо и водя обѣими руками по журналу и списку, отмѣчая крестиками фамилію, причемъ въ концѣ неизбѣжно оказывался „новый ученикъ“, котораго онъ и вносилъ въ свой списокъ; но этотъ „новый ученикъ“ сидѣлъ уже второй годъ въ томъ же классѣ. Такое недоразумѣніе происходило отъ того, что надзиратель, приготовляя классный журналъ на будущую недѣлю и помѣщая фамилію по алфавиту, иногда по ошибкѣ пропускалъ какого-нибудь ученика въ срединѣ и записывалъ его въ концѣ. Этотъ-то субъектъ и оказывался „новымъ ученикомъ“. Окончивъ перекличку, учитель занимался пересмотромъ тетрадей, что, при многолюдствѣ классовъ, продолжалось болѣе получаса, послѣ чего для упражненія въ чтеніи (а это самое важное для 1-го класса) оставалось нѣсколько минутъ.

Нечего говорить, что пользы отъ такого преподаванія не было ни малѣйшей.

Въ высшихъ классахъ французскій языкъ преподавалъ *Малэрбъ*—родомъ полякъ, получившій образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и потому обладавшій знаніемъ русскаго языка, вслѣдствіе чего и преподаваніе у него шло довольно успѣшно.

Учитель нѣмецкаго языка *Сигизмундъ* пользовался заслуженною извѣстностію въ Округѣ. Составленная имъ грамматика употреблялась во всѣхъ гимназіяхъ. Какъ преподаватель, онъ однако-жъ не могъ похвалиться успѣхами своихъ учениковъ: не обладая здоровьемъ, онъ часто пропускалъ уроки, и скоро по болѣзни вышелъ въ отставку.

Второй учитель нѣмецкаго языка *Гаазе*—тупоумное и упрямое созданіе, доставлявшее не мало возни съ учениками Инспектору, надоѣдая ему своими жалобами на ихъ проказы. Ученикъ VI класса Ш—ій выкинулъ ему такое колѣнце: когда нѣмецъ, по окончаніи уроковъ выходилъ изъ класса, онъ схватилъ его за хвостики фрака и одинъ изъ нихъ остался у него въ рукахъ. Инспекторъ страшно разсвирѣпѣлъ. (Директоръ въ то время былъ въ деревнѣ). Призвавъ Ш—аго въ инспекторскую комнату, онъ объявилъ ему, что исключитъ изъ гимназіи съ оповѣщеніемъ по Округу. 20-лѣтній юноша, какъ оказалось, былъ шкодливъ, какъ котъ, а трусливъ, какъ заяцъ: онъ ударился въ слезы, прося замѣнить исключеніе какимъ-нибудь другимъ наказаніемъ, напр., заключеніемъ на двѣ недѣли въ карцерѣ. Но инспекторъ вопросъ о наказаніи поставилъ иначе: или исключеніе, или розги. Послѣ долгихъ упрашиваній ученикъ наконецъ согласился на розги, подъ условіемъ, чтобы о наказаніи не знали товарищи. Инспекторъ беретъ листъ бумаги, кладетъ передъ Ш—мъ на столъ и диктуетъ ему просьбу о томъ, чтобы его высѣкли. Послѣ этого раба Божія повели въ сторожку и всыпали ему 25 горячихъ. Хотя онъ подъ розгами и силился не кричать, искусавши языкъ до крови, но товарищи провѣдали какимъ-то способомъ о его позорномъ наказаніи и выгнали его изъ класса: какъ, дескать, ты подлецъ, позволилъ себя высѣчь?

Вопросъ: какъ рѣшился Гренковъ, въ противность уставу, допускавшему тѣлесныя наказанія только въ трехъ низшихъ классахъ, наказать розгами ученика VI класса? Да, рѣшился, ничто-же сумняшеся; значитъ, это практиковалось не въ одной 2-й гимназіи, а то же самое, какъ мы видимъ, продѣлывалось и у Зимовскаго и у Китченка, не говоря уже о кадетскихъ корпусахъ и духовныхъ училищахъ.

Попечитель фонъ-Брадке сильно настаивалъ въ Министерствѣ на томъ, чтобы это позорное наказаніе распространить еще на IV и V классы. „Находясь въ нѣжномъ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ, ученики этихъ классовъ, естественно (?), не могутъ понимать собственной пользы и надлежаще управлять своими поступками“,—писалъ онъ Министру въ 1837 году. Да, жестокіе, сударь, нравы были у моихъ современниковъ!

Ученикъ Щ—скій былъ не послѣднею жертвой этихъ жестокостей. Благодаря безтактности того же безтолковаго Гаазе, у него случилась на урокѣ въ V классѣ новая исторія. Спрашиваетъ онъ ученика Шварца урокъ, а тотъ отвѣчаетъ: „не знаю“.

— Ну, то имѣешь единицу! порѣшилъ учитель.

— За что же единицу?

— Ну, то имѣешь нулъ!

Шварцъ подбѣгаетъ къ каѳедрѣ и даетъ нѣмцу пощечину. Наказаніе послѣдовало жестокое въ присутствіи Юзефовича и жандармовъ; затѣмъ опредѣлено отдать Шварца въ барабанщики.

Отбарабанивъ положенный срокъ, онъ принялся за ремесло своего отца—единственнаго въ то время въ Кіевѣ зубнаго врача—и сталъ вставлять зубы искусственные, тогда какъ прежде онъ умѣлъ лишь выбивать натуральные. Братъ новаго дантиста, впослѣдствіи извѣстный акушеръ, находился въ то время въ VII классѣ.

Старѣйшій аборигенъ 2-й кіевской гимназіи *И. Я. Красно-кутскій* началъ свою службу учителемъ чистописанія и рисованія въ 1836 году. Выслуживъ пенсію, онъ оставался на службѣ по найму до 1863 года только учителемъ одного чистописанія; купилъ себѣ на Жилянской улицѣ $2^1/_2$ десятины земли за 250

рубл., выстроилъ домъ и развелъ садъ. За 30 лѣтъ своей службы онъ никого не научилъ ни чистописанію, ни рисованію, за то лучшіе сады въ Кіевѣ, съ превосходными берами разныхъ сортовъ обязаны своимъ существованіемъ школѣ фруктовыхъ деревъ Ивана Яковлевича. Настроивъ себѣ домовъ, выростивъ и устроивъ судьбу полдюжины дѣтей, все изъ доходовъ своего сада, онъ безвозмездно уступилъ городу значительную часть своего сада подъ нынѣшнюю Маріинско-Благовѣщенскую улицу; образовавшіяся же по обѣимъ сторонамъ новой улицы усадьбы (самая большая изъ которыхъ принадлежитъ Обществу Краснаго Креста), проданы за 25 тысячъ. Распредѣливъ эту сумму между дѣтьми по духовному завѣщанію, онъ умеръ на 90 году своей жизни.

Иванъ Яковлевичъ былъ человѣкъ стариннаго покроя. Служебный его костюмъ—какого-то пѣгаго цвѣта вицмундиръ, суконный съ форменными пуговицами жилетъ, панталоны съ желтыми пятнами и яко-бы бѣлый галстухъ, который занашивался до того, что дѣлался почти желтымъ. Подтруниванья сослуживцевъ и нетонкіе намеки начальства позаботиться о своей внѣшности—на него не дѣйствовали, а извѣстный буффонъ Березницкій продѣлалъ съ нимъ такую шутку: однажды на большой перемѣнѣ, въ сборную учительскую комнату сторожъ передалъ пакетъ на имя И. Я. Краснокутскаго. Вынимаетъ И. Я. перевязанныя веревочкой очки, надѣваетъ съ подобающею важностію на носъ и читаетъ: „М. Г. Слава объ изяществѣ вашего костюма, сшитаго всегда со вкусомъ, по послѣдней парижской картинкѣ, дошла до Петербурга; вслѣдствіе чего честь имѣю обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою осчастливить и мою фирму заказомъ, и проч. Съ почтеніемъ Альшвангъ“.

Окончивъ чтеніе и окинувъ всѣхъ присутствующихъ поверхъ очковъ сердитымъ взглядомъ, И. Я. передалъ инспектору письмо, а тотъ и радъ стараться, сейчасъ же приступилъ къ разслѣдованію. Но Березницкій остановилъ его: „это я, Н. М., пошутилъ“.

Учитель рисованія *Алексѣевъ*, по свидѣтельству художника Іордана (Р. Старина 91 года), еще въ академіи „подвергался

пагубной страсти пьянства, за что̀ не разъ сидѣлъ въ карцерѣ". Изъ академіи художествъ онъ попалъ въ одно изъ дворянскихъ училищъ Кіевской губерніи и тамъ женился. Директоръ 2-й гимназіи (тогда губернской) проф. Богородскій перемѣстилъ его въ Кіевъ, поближе къ своей резиденціи. Семейная жизнь этого горемыки, начавшая благодѣтельно вліять на него послѣ столичнаго безпутства, съ перемѣщеніемъ въ Кіевъ, погибла безвозвратно.

Съ этого времени три-четыре дня каждаго мѣсяца, а иногда и цѣлую недѣлю, получивъ 1-го числа жалованье, Алексѣевъ пилъ безъ просыпу и являлся на службу въ самомъ жалкомъ видѣ: въ затасканномъ вицмундирѣ, съ налитыми кровью глазами, весь трясущійся, разслабленный. Какое тутъ могло быть преподаваніе—объ этомъ никто не заботился; хорошо, что ученики, изъ жалости къ учителю, сидѣли смирно и не дѣлали ему никакихъ пакостей. Всѣ сослуживцы его чуждались, не съ кѣмъ ему было слова сказать. Замѣтивъ, что я къ нему отнесся участливо, къ чему этотъ отверженникъ не привыкъ, онъ сразу какъ-то прильнулъ ко мнѣ и сталъ навѣщать меня, каждый разъ прося водочки. Я ставилъ на столъ графинчикъ съ двумя-тремя рюмками очищенной; самъ себѣ наливая, онъ осушалъ стклянницу и уходилъ отъ меня всегда довольный и веселый въ свою „Швейцарію".

Наканунѣ Пасхи, получивъ отъ своей хозяйки Елисаветы Григорьевны двѣ превосходно испеченныя бабы, я вспомнилъ бѣднягу Алексѣева, которому, подумалъ я, и разговѣться вѣрно нечѣмъ, порѣшилъ пожертвовать ему на бѣдность одну бабу. Жилъ онъ въ концѣ Фундуклеевской улицы наискось противъ анатомическаго театра въ т. н. Швейцаріи, гдѣ обыкновенно ютились студенты-медики, въ домикѣ подъ деревянной крышей (такихъ домовъ теперь и слѣда не осталось). Вхожу въ первую комнату—за столомъ ничѣмъ неприкрытымъ, сидитъ сѣдоусый кавалеръ, протянувъ впередъ свою деревяшку, а противъ него женщина нищая; на столѣ шкаликъ, стаканъ и полба, сильно засохшая. Я въ другую комнату—и мнѣ представилась такая картина: на обшарпанномъ диванѣ возлежитъ самъ хозяинъ въ

засаленномъ халатѣ, надѣтомъ на голое тѣло, по столу и по полу разсыпана мука, надъ диваномъ виситъ „китара“, а по комнатѣ бѣгаетъ хрюкая и повизгивая, поросенокъ.

— Не правда-ли, Михаилъ Корнѣевичъ, вѣдь это натура! заливаясь добродушнымъ смѣхомъ, отозвался художникъ.

Н. М. Гренковъ, въ ожиданіи директорства, порѣшилъ было представить Алексѣева къ увольненію, но я упросилъ его пообождать съ этимъ, пока я спишусь съ И. М. Сошенкомъ, который около 10-ти лѣтъ, уйдя отъ Зимовского, оставался безъ службы, и ссорясь съ батюшками изъ-за нелѣпыхъ антихудожественныхъ требованій. Инспекторъ согласился. И вотъ, получивъ 75 рублей пособія, да выручивъ столько-же за разыгранную въ лотетрею картину, Алексѣевъ былъ готовъ къ переселенію въ Новгородъ-сѣверскую гимназію. Денегъ ему, конечно, я на руки не далъ, а сдѣлавъ ему приличный костюмъ, сдалъ его на руки студенту Каменецкому, который взялся довезти его до мѣста и тамъ водворить на пріисканной для него квартирѣ. И. М. Сошенко, пріятель Шевченка, поступилъ на его мѣсто и прослужилъ во 2-й гимназіи до самой смерти—до 1877 года. [1])

По выходѣ въ отставку Н. А. Ригельмана, Гренковъ вступилъ въ исправленіе должности директора, а мнѣ предложилъ исполнять обязанности инспектора, на что я согласился подъ условіемъ—не совершать субботнихъ сѣкуцій, которыя остались за нимъ. Старые аборигены-учителя были обижены такимъ предпочтеніемъ имъ пришельца, сравнительно молодого человѣка, и повели было противъ меня интригу. Но мое quasi-инспекторство продолжалось недолго, такъ-какъ, съ назначеніемъ новаго директора, инспекторомъ назначенъ завѣдующій землемѣрскимъ училищемъ подполковникъ *И. Я. Монаховъ*. Гренкову на сей разъ не удалось попасть въ директоры; тутъ и пріятель Лазовъ не могъ ничего подѣлать, потому что крупныя назначенія по

---

[1]) Желающимъ ближе ознакомиться съ недюжинною личностью этого художника рекомендуемъ его «Біографич. очеркъ» 1877 г.

Округу, въ попечительство кн. Васильчикова съ княгиней Екатериной Алексѣевной, совершались въ кружкѣ аристократіи въ Липкахъ, къ обществу которой поповичъ Гренковъ не принадлежалъ; тамъ фигурировалъ инспекторъ 1-й гимназіи Е. П. Стеблинъ-Каменскій, хотя самъ не аристократъ, но женатый на аристократкѣ. Нашъ Николай Михайловичъ долженъ былъ уступить насиженное мѣстечко своему великосвѣтскому сопернику и занять его мѣсто—инспектора 1-й гимназіи.

Вступивъ въ должность директора, Егоръ Павловичъ сейчасъ-же отмѣнилъ сѣченіе по субботамъ и вообще сильно ослабилъ бразды правленія, уже черезчуръ натянутыя Гренковымъ.

Стеблинъ-Каменскій свысока относился къ своимъ новымъ сослуживцамъ и очень небрежно къ своимъ обязанностямъ. Приходилъ онъ въ гимназію только на большой перемѣнѣ—побесѣдовать съ преподавателями, и никогда не заглядывалъ въ классы. Стараясь поддержать связи съ обитателями Липокъ, но не имѣя на то матеріальныхъ средствъ, онъ промышлялъ счастливой игрой въ карты, такъ-какъ казеннаго жалованья, по его словамъ, не хватало даже на жалованье прислугѣ.

Съ назначеніемъ Могилянскаго директоромъ Лицея кн. Безбородка, ему предложена была вакансія инспектора казенныхъ училищъ, и только тогда Гренкову удалось получить директорство во 2-й гимназіи, которое принадлежало ему, по праву долголѣтняго служенія этому заведенію, еще прежде. Сдѣлавшись самовластнымъ распорядителемъ судебъ нашей гимназіи, Н. М. нашелъ въ ней, за весьма короткое свое отсутствіе, многое измѣнившимся. Безучастное отношеніе Стеблина-Каменскаго къ своимъ обязанностямъ и слишкомъ слабый надзоръ за учащимися инспектора Монахова не могли не повліять на состояніе дисциплины въ заведеніи, вслѣдствіе чего суровый режимъ недавняго прошлаго возобновился еще въ сильнѣйшей степени.

И. Я. Монаховъ, переименованный изъ подполковника въ коллежскіе совѣтники, получилъ первоначальное образованіе въ заведенной Аракчеевымъ для солдатскихъ дѣтей школѣ Кан-

тонистовъ, откуда за отличные успѣхи былъ отправленъ въ Петербургское училище топографовъ, по окончаніи котораго вернулся въ Кіевъ и получилъ должность преподавателя въ землемѣрскомъ училищѣ. Хотя самъ Иванъ Яковлевичъ прошелъ суровую школу, но на учениковъ любилъ дѣйствовать больше убѣжденіемъ и внушеніемъ, чѣмъ тѣлесными наказаніями, при чемъ постоянно приводилъ имъ въ примѣръ своего сына, воспитанника 1-й гимназіи, отличившагося, по его мнѣнію, безукоризненною нравственностію; это тотъ самый Монаховъ, который впослѣдствіи сталъ знаменитымъ артистомъ императорскихъ театровъ. Но мораль инспектора до того иногда надоѣдала ученикамъ, что иной забіяка готовъ былъ подвергнуться самому строгому взысканію, чтобы избѣжать этой морали. Юношей живого темперамента И. Я. терпѣть не могъ и не прощалъ имъ ни малѣйшей шалости, не смотря на ихъ выдающіяся способности и отличные успѣхи въ наукахъ.

Нѣкоторые воспитанники, достигшіе впослѣдствіи извѣстности на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, были имъ гонимы и преслѣдуемы за строптивость: такъ, извѣстный этнографъ Чубинскій не вылазилъ изъ карцера и долженъ былъ выйти изъ VI класса; нынѣшній директоръ Батумской гимназіи А. И. Стояновъ лишенъ былъ золотой медали, благодаря аттестаціи инспектора.

И. Я. Монаховъ, человѣкъ по характеру мягкій и добродушный, но упрямый и неподатливый, не могъ удовлетворить требованіямъ Гренкова, человѣка крутого и прямолинейнаго, не допускавшаго ни оправданій, ни компромиссовъ, а потому И. Я., тяготясь своею службою и сожалѣя о военномъ мундирѣ съ жирными эполетами, которому онъ измѣнилъ, промѣнявъ его на скромный костюмъ педагога, перешелъ въ кадетскій корпусъ преподавателемъ землемѣрія; тамъ его скоро сдѣлали генераломъ.

Помощниковъ у инспектора было шестеро: три по гимназіи и столько-же по общей квартирѣ. Кромѣ того въ общей квартирѣ былъ еще одинъ, т. н. старшій надзиратель, вѣдавшій учеб-

ную часть. Должность эту послѣдовательно занимали: Юскевичъ-Красковскій, Чалый и И. Ф. Хильчевскій.

В. Г. Садковскій, смѣнившій пьянчужку Вульфа, былъ прежде становымъ приставомъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ и потому обладалъ всѣми качествами полицейскаго сыщика. По тогдашнему взгляду на обязанности надзирателя, отъ него большаго и не требовалось. Живя въ гимназіи, онъ являлся на службу съ первымъ звонкомъ и наблюдалъ за учениками до прихода учителей. Шныряя безпрерывно по корридору и по классамъ, онъ прекращалъ ссоры, предупреждалъ драки, разнималъ дерущихся мальчугановъ, защищая слабосильныхъ отъ взрослыхъ буяновъ и т. п. Мальчики скромные и почтительные пользовались его особеннымъ благоволеніемъ, а къ дерзкимъ грубіянамъ онъ питалъ неумолимую строгость, рапортуя инспектору о самыхъ ничтожныхъ проступкахъ, даже преувеличивая ихъ. По размѣщеніи учениковъ по классамъ, для Садковскаго начинались болѣе спокойныя занятія: внесеніе въ штрафной журналъ проступковъ, опаздываніе и небытность въ гимназіи какъ учениковъ, такъ и преподавателей.

Л. П. Косницкій—лѣнивое, неповоротливое глупое созданіе, не приносившее заведенію ни малѣйшей пользы. Инспекторъ Монаховъ имѣлъ обыкновеніе, за болѣзнію какого-нибудь учителя, посылать въ классъ надзирателя для соблюденія тишины; но Косницкій своей смѣшной фигурой возбуждалъ только шумъ при своемъ появленіи. Однажды, не будучи въ состояніи справиться съ IV классомъ, онъ прибѣжалъ къ инспектору съ жалобой. И. Я. съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ убѣдилъ учениковъ сидѣть смирно и, должно быть, на тотъ разъ подѣйствовалъ на нихъ: ученики присмирѣли. Но Косницкій снова прибѣжалъ въ инспекторскую:

— Какъ Вамъ,—говоритъ, угодно, И. Я—чъ, а я не могу быть въ классѣ.

— Да почему же Вы не можете? Кажется, они сидятъ тихо.

— Да, они тихо сидятъ, но если-бъ вы видѣли, какъ они на меня смотрятъ... Какъ вамъ угодно, а я не пойду къ нимъ.

Дѣло въ томъ, что проказники, послѣ наставленія, дѣйствительно перестали галдѣть, но сговорившись, устремили на него глаза всѣ до одного человѣка; такого присматриванья, магнетически дѣйствовавшаго на блюстителя тишины—онъ не могъ выдержать. Иногда, впрочемъ, при воцарившейся тишинѣ, Косницкій начиналъ кунять, тогда съ задней скамьи раздавались стихи:

Что вы спите, Левъ Петровичъ,
Вѣдь пріѣхалъ Юзефовичъ! и пр.

Лысый Козловскій съ учениками не имѣлъ никакихъ сношеній; онъ все время сидѣлъ въ инспекторской и пересчитывалъ собранныя за право ученія деньги.

Другіе три надзирателя дежурили въ общей ученической квартирѣ:

Высокопарнѣйшій *Софроній Семеновичъ Гриценко*, слушавшій Димитрія Гавриловича „съ уваженіемъ“.

Г—ій, sic dictus *Гичка*, которому воспитанники не разъ по ночамъ устраивали кошачьи концерты.

П. И. Романовскій—Сова, главный директорскій агентъ и поставщикъ по части построенія форменной одежды, бѣлья, отопленія, освѣщенія общей квартиры; человѣкъ пронырливый, который, по словамъ его сослуживца Гриценка, на семь саженъ видѣлъ, что подъ землею дѣлается.

Прожилъ я у Токарскаго на Кузнечной улицѣ съ небольшимъ годъ и затѣмъ переселился на Васильковскую улицу, вмѣстѣ со своими пансіонерами и своимъ Санчо-Пансой Ефимомъ. Это былъ большой оригиналъ, человѣкъ, впрочемъ, высокой честности, отставной николаевскій солдатъ и кавалеръ. Какъ у Токарскаго, такъ и на новой моей квартирѣ меня часто посѣщали студенты-пѣвцы, между которыми первенствующую роль игралъ извѣстный знатокъ пѣсенной литературы Степанъ Даниловичъ Носъ. Его постоянно сопровождалъ симпатичный юноша Сережа Пристюкъ, братъ моего товарища Тимоѳея, находившагося тогда въ Черниговѣ инспекторомъ гимназіи. Гости

мои иногда запѣвались за полночь и не разъ оставались у меня ночевать. Посѣщалъ меня еще одинъ студентъ-медикъ, мой бывшій ученикъ по Немировской гимназіи, Зиневичъ. Окончивъ гимназію въ 1846 г. и поступивъ въ университетъ, онъ впродолженіе 8 л. не могъ добиться званія лѣкаря, такъ что я засталъ его въ 1852 году 32-хъ-лѣтнимъ студіозомъ. Мало даровитый отъ природы и страшно близорукій, онъ кромѣ того подпалъ подъ опалу у пр. анатоміи Вальтера, часто вымещавшаго на студентахъ свои неудачи въ любовныхъ похожденіяхъ: по жалобѣ его метрессъ соперники профессора были прижимаемы на экзаменахъ. Но этотъ ученый мужъ былъ не волокита только, но и мстительный господинъ, любившій наушничество. Между студентами нашелся претендентъ на руку его сестры—студентъ Эргардтъ, который впослѣдствіи и женился на ней. Съ нимъ у Зиневича были свои счеты; заподозривъ его въ наушничествѣ, Зиневичъ далъ ему пощечину, обозвавъ его жидомъ, и тѣмъ вооружилъ противъ себя Вальтера, который три года сряду обрѣзывалъ его на окончательномъ экзаменѣ—на препаратѣ, котораго З., по своей близорукости, не могъ приготовить.

Войдя въ положеніе бѣдняка неудачника, я черезъ знакомыхъ профессоровъ повліялъ на Вальтера, и онъ далъ слово не вредить ему больше.

Этотъ Зиневичъ однажды зимой зашелъ ко мнѣ на чай прямо изъ анатомическаго театра. Сидимъ мы съ нимъ за самоваромъ и балагуримъ. Въ передней послышался сильный стукъ и затѣмъ сердитое ворчанье, харканье и отплевываніе моего вѣрнаго слуги.

— Что тамъ случилось, Ефимушка?—спрашиваю его.

— Онъ принесъ въ комнату стерву!—отвѣчаетъ Ефимъ, указывая на гостя, не переставая плеваться.

Дѣло въ томъ, что Зиневичъ изъ анатомическаго театра притащилъ подъ шинелью мерзлую человѣческую ногу, которую ему препарировали для экзамена товарищи, и онъ, идя на квартиру, зашелъ ко мнѣ и поставилъ ее за дверьми въ передней;

нога оттаяла и упала на полъ. Понесъ онъ на другой день эту драгоцѣнную ногу на экзаменъ. Началось испытаніе: „Укажите мнѣ такой-то нервъ, такой-то мускулъ“ и т. д. Зиневичъ скальпелью указываетъ; наконецъ, по своей близорукости, вмѣсто требуемаго нерва мертвой ноги онъ пырнулъ скальпелью въ здоровую руку профессора; кровь брызнула фонтаномъ, и Вальтеръ наглядно убѣдился въ близорукости испытуемаго.

— Довольно!—сказалъ онъ, задерживая текущую кровь.— Теперь я дѣйствительно вижу, что вы очень близоруки.

И тутъ-же товарищи поздравили Зиневича лѣкаремъ.

До открытія повсемѣстно по всей Россіи женскихъ гимназій и прогимназій, немногіе институты благородныхъ дѣвицъ были единственными заведеніями, удовлетворявшими потребностямъ образованія русской женщины. Въ Кіевѣ въ 50-хъ годахъ, кромѣ института и училища графини Левашовой, существовали два частные пансіона: г-жъ Залѣской и Ганфъ, находившіеся подъ наблюденіемъ директора 1-й гимназіи Любимова, который появлялся туда только на торжественные акты. Образованіе, получаемое въ этихъ частныхъ училищахъ, было, какъ извѣстно, весьма жалкое. Содержательницы ихъ взялись за воспитаніе дѣвицъ не по призванію, а изъ цѣлей спекулятивныхъ. Главными предметами въ нихъ считались: французскій яз., музыка и танцы, а главнѣйшимъ—„наука страсти нѣжной, которую воспѣлъ Назонъ“.

Въ началѣ 1854—55 года меня пригласили преподавать русскую словесность дѣвицамъ 3-го высшаго класса въ пансіонъ г-жи Ганфъ. Мои ученицы круглый годъ во время моихъ уроковъ занимались щипаніемъ корпіи, и потому большихъ успѣховъ отъ моего преподаванія трудно было ожидать. Все напоминало тогда о томъ, что тамъ далеко на югѣ льется кровь моихъ соотечественниковъ: по улицамъ безпрерывно двигались нестройныя массы сѣраго люду новобранцевъ, сопровождаемыхъ плачущими женщинами; по дворамъ вездѣ слышались грубые голоса унтеровъ, обучающихъ рекрутъ.

Мнѣ становились невтерпежъ подобныя сцены, и я бросилъ квартиру къ великому огорченію хозяйки-вдовицы и постарался отыскать домъ, гдѣ не было солдатъ. Въ тѣ времена солдатскихъ казармъ не было: войска размѣщались по частнымъ домамъ.

Въ слѣдующемъ учебномъ году меня пригласилъ В. Я. Шульгинъ преподавать русскій языкъ и словесность въ училищѣ гр. Левашовой. Въ это время вездѣсущая княгиня Екатерина Алексѣевна пріискивала между кіевскими педагогами подходящаго преподавателя русской словесности для своей дочери, и вотъ, въ сопровожденіи своего адъютанта Селецкаго и инспектора Института, она неожиданно явилась ко мнѣ на урокъ; но такъ какъ у меня въ ту пору былъ сильнѣйшій насморкъ, какъ извѣстно весьма неблагопріятствующій краснорѣчію, то чтеніе мое Ея Сіятельству не понравилось, и я не удостоился приглашенія на уроки Сіятельной ученицы. Но мнѣ почти въ томъ-же мѣсяцѣ случился не менѣе выгодный урокъ у предсѣдателя Казен. Палаты Кобылина, а у княгини занялъ уроки извѣстный святоша, учитель 1-й гимназіи Богатиновъ, который по своему благочестію болѣе пришелся ко двору, сдѣлавшись въ домѣ княгини почти домашнимъ человѣкомъ.

18 февраля 1855 года по Кіеву пронеслась печальная вѣсть о кончинѣ Государя Николая Павловича... Когда я въ этотъ памятный для Россіи день пришелъ въ обычный часъ на урокъ въ Левашовскій пансіонъ, то засталъ все населеніе его поголовно плачущимъ. Постоявъ нѣсколько минутъ у своего учительскаго стола и не дождавшись конца рыданію своей аудиторіи, я ушелъ въ Софійскій соборъ учинить присягу на вѣрную службу новому Императору, Александру II.

Со вступленіемъ на престолъ Царя-Освободителя, въ общественной атмосферѣ нашего Отечества почуялось новое вѣяніе духа жизни. Съ арены государственной дѣятельности сошли долго до того царившіе администраторы; суровость Николаевскаго режима съ военной дисциплиной смѣнилась болѣе мягкимъ управленіемъ гражданскаго персонала. Клеймихели, Бибиковы, Дубельты, не

соотвѣтствовавшіе гуманному направленію новаго царствованія, замѣнены другими лицами.

Въ то-же время соединеніе должности Генералъ-Губернатора и попечителя учебнаго округа въ одномъ лицѣ признано несовмѣстимымъ. Попечителемъ назначенъ къ намъ кяхтинскій градоначальникъ, женатый вторымъ бракомъ на дочери знаменитаго декабриста кн. Трубецкаго, Н. Р. Ребиндеръ.

Вскорѣ послѣ вступленія въ должность нашъ новый начальникъ отправился въ Петербургъ, въ сопровожденіи чиновника особыхъ порученій Л. И. Кулжинскаго. Въ департаментѣ Министер. Народн. Просвѣщ. онъ узналъ, что помимо его вѣдома, министръ Норовъ назначилъ директоромъ Новгородсѣверской гимназіи нѣкоего Ардаліона Каллистратова, вытѣсненнаго за негодностію изъ какого-то другого вѣдомства. Ребиндеръ вломился въ амбицію и заявилъ министру, что если Каллистратовъ останется директоромъ, то онъ выйдетъ въ отставку.

„Ну, давайте намъ своего кандидата,—сказалъ министръ,—и мы его назначимъ вмѣсто Каллистратова"!

Застигнутый врасплохъ, Николай Романовичъ, никого въ округѣ еще не зная, недоумѣвалъ, какъ ему быть, а поставить на своемъ во что бы то ни стало хотѣлось. Кулжинскій, уловивши благопріятную минуту, поспѣшилъ вывести начальника изъ затрудненія, предложивши въ директоры гимназіи себя самого. „Быть по сему!" порѣшилъ попечитель, и Кулжинскій, прозябавшій 11 лѣтъ въ должности столоначальника канцеляріи попечителя, отправился управлять гимназіей на мѣсто Каллистратова, а сей послѣдній долженъ былъ занять его мѣсто—чиновника особыхъ порученій. Нечего сказать, промѣнялъ попечитель кукушку на ястреба!

Очутившись на посту, не имѣющемъ ничего общаго съ градоначальствомъ Сибирскаго городка, нашъ новый попечитель не могъ сразу оріентироваться и на первыхъ порахъ не зналъ, какъ ему быть. Ревностно, но неумѣло принялся онъ за дѣло: бѣгалъ по гимназіямъ съ французскими учебниками въ карманѣ, задавалъ ученикамъ довольно странные вопросы, на которые тѣ не

знали, что отвѣчать; заставлялъ малышей 2-го и 3-го класса рѣшать ариѳметическія задачи на французскомъ языкѣ или дѣлать переводы съ французскаго на нѣмецкій языкъ и т. п. фокусы.

Ища сближенія съ ученымъ сословіемъ, онъ завелъ у себя вечера исключительно для профессоровъ университета и учителей гимназій. Вечера эти долженствовали носить семейный характеръ. Приглашенные на эти вечера имѣли случай видѣть многострадальнаго старца съ длинною сѣдой бородой, возвращеннаго изъ Сибири послѣ 30-лѣтней каторги. Но, къ сожалѣнію, эти „семейные вечера“ продолжались недолго. Прекратились они какъ-то сами собой за отсутствіемъ гостей, которые перестали посѣщать любезнаго хозяина потому, что почувствовали себя въ положеніи весьма щекотливомъ, такъ что, не смотря на превосходный кяхтинскій чай, они должны были лишить себя удовольствія бывать у г. попечителя. Дѣло въ томъ, что нашъ либеральный начальникъ, подъ предлогомъ сближенія съ педагогическимъ персоналомъ, сталъ у каждаго изъ гостей выпытывать и вывѣдывать обо всемъ, что вовсе не относилось къ педагогіи. Значитъ, не смотря на новыя вѣянія и на близкое родство съ декабристомъ, кяхтинское градоначальничество взяло верхъ надъ попечительствомъ, полицейская жилка дала себя почувствовать на посту, который не долженъ-бы имѣть ничего общаго съ полицейскими замашками. Къ прискорбію, не всѣ педагоги оставили попечителя; нашлись и такіе, поддавшись искушенію, въ родѣ выкреста Ѳедорова, ханжи Богатинова и еще нѣкоторыхъ учителей, которые продолжали пить у попечителя чай, „свидѣтельствуя на други своя ложно“. Престижу попечительской власти не мало вредилъ и вывезенный Николаемъ Романовичемъ изъ Сибири Губеръ, смѣнившій всемогущаго въ округѣ А. А. Лазова: опутавъ начальниковъ заведеній ненужными формальностями, онъ еще больше уронилъ достоинство попечительской власти.

Оговорами наушниковъ объясняется неравность обращенія Николая Романовича съ педагогами. Тотъ самый учитель, ко-

тораго онъ еще вчера осыпалъ похвалами, приглашая на интимную бесѣду въ свой кабинетъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего попадалъ подъ опалу. Получивъ доносъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на чистоту, какъ подобаетъ человѣку прямому и правдивому, т. е. пригласить къ себѣ обвиняемаго и потребовать отъ него объясненія, нашъ попечитель прибѣгалъ къ способу, который практикуется агентами тайной полиціи. Около мѣсяца онъ производилъ повальный обыскъ: бѣгая по улицамъ, онъ каждаго встрѣчнаго спрашивалъ; „знаете ли вы такого-то NN? Что онъ за человѣкъ? Что вы за нимъ замѣтили?“ Если случалось ему попасть на человѣка, знающаго опальнаго субъекта съ хорошей стороны, онъ не желалъ съ нимъ долго разговаривать, а искалъ другого, отъ котораго ему хотѣлось непремѣнно услышать что-либо дурное—такого онъ выслушивалъ со вниманіемъ и одобреніемъ. Неизвѣстно, до какой несправедливости въ отношеніи своихъ подчиненныхъ дошелъ-бы въ своей подозрительности нашъ кяхтинскій городничій, если-бы его пребываніе у насъ продлилось долѣе; но онъ не пробылъ въ Кіевѣ и полныхъ двухъ лѣтъ. Осенью 1859 года онъ оставилъ насъ, получивъ другое назначеніе, а въ 1865 году, послѣ смерти жены, изъ любви къ дѣтямъ, принялъ православіе и скоропостижно скончался отъ истощенія силъ, въ званіи сенатора.

Вторая гимназія до 1850 года собственнаго зданія не имѣла и послѣ своего открытія въ 1836 году помѣстилась въ домѣ Гербеля, а потомъ въ д. Киселевскаго (что нынѣ Дегтерева—уголъ Крещатика и Анненковской улицы). Затѣмъ, едва успѣла занять выстроенное собственно для нея зданіе, гдѣ нынѣ помѣщается 1-я гимназія, какъ приказано-бы ей оттуда убраться опять въ наемное помѣщеніе—домъ бывшій Козлова, гдѣ нынѣ Военный окружный судъ, а въ построенномъ для нея зданіи помѣстился неранжированный кадетскій корпусъ, впредь до окончанія нынѣшняго корпуснаго зданія. Въ 1853-мъ году для 2-й гимназіи начали постройкой другой собственный домъ, уже довольно скромныхъ размѣровъ. Между тѣмъ въ томъ же 53 году неранжированныя роты кадетскаго корпуса водворены

въ собственномъ помѣщеніи, а тутъ случился пожаръ, отъ котораго сгорѣло зданіе 1-ой гимназіи, вслѣдствіе чего она перешла въ оставшееся свободнымъ, послѣ выхода корпуса, вовсе не для нея построенное зданіе; а возобновленное послѣ пожара бывшее зданіе 1-й гимназіи въ Липкахъ поступило въ духовное вѣдомство.

Еще не вполнѣ оконченный домъ для 2-й гимназіи директоръ Гренковъ, ревностный блюститель казенныхъ интересовъ, поспѣшилъ занять. Жертвой такой поспѣшности былъ, во-первыхъ, самъ директоръ, схватившій тифъ; затѣмъ больница общей ученической квартиры переполнилась тифозными воспитанниками, и только благодаря пріѣзду въ Кіевъ министра Норова, поднявшаго весь медицинскій факультетъ, съ Мерингомъ во главѣ,—изъ 30 человѣкъ заболѣвшихъ тифомъ, только одинъ ученикъ умеръ.

Хотя гимназія водворилась въ собственномъ помѣщеніи, но зданіе не было принято дирекціей формально. Главный строитель его, окружной архитекторъ П. И. Шлейферъ, чтобы скрыть нѣкоторые дефекты своего дѣтища, затѣялъ передачу зданія во время болѣзни директора Гренкова; но инспекторъ Монаховъ наотрѣзъ отказался отъ пріема, вслѣдстіе чего мнѣ, тогда еще учителю, предписано было управляющимъ округомъ М. М. Могилянскимъ принять оное на законномъ основаніи, хотя въ такомъ распоряженія законность вовсе отсутствовала. Не желая вооружать противъ себя начальство, я принялъ на себя обязанность, ко мнѣ вовсе не относившуюся. Тому же управляющему округомъ Могилянскому я обязанъ назначеніемъ меня инспекторомъ 9 августа 1858 года.

М. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПЕРЕДЪ ВОЛЕЮ.

Драма въ 5 діяхъ.

(*Дієтся въ 1860 и 1861 рокахъ*).

ЛЫЦЕДІИ:

Арыстархъ Рафаиловычъ Пидгайный, багатый помищыкъ.
Орыся, ёго дочка, панна.
Шкорупськый, помищыкъ, старый панъ.
Пани Шкорупська, ёго жинка.
Деревьянка, бидный помищыкъ.
Гордецька, помищыця.
Буба } іи дочкы, панны.
Кука }
Помпеенко, старый панъ, багатый помищыкъ.
Ёго сынъ, юнкеръ.
Головацька, помищыця.
Сынъ іи, хлопець 10-ты рокивъ.
Макарюкъ, на мылыци, бидный помищыкъ.
Перепичка, панъ, багатенькый помищыкъ.
Завойко, помищыкъ.
1-й студентъ.
2-й студентъ.
Панычъ.

Панна.
1-й пидпанокъ.
2-й пидпанокъ.
Становый пристав.
Диброва Петро Петровычъ. Капельмейстеръ.

Крепакы Пидгайного:

Юрко, скрыпачъ, молодый хлопець.
Бухветчыкъ.
Вартоломей, отаманъ.
Дося, горнышна.
Нянька.
Сохвія.
Прохоръ.
Баба Репыха.
Яшка, башмашныкъ.
Потапъ.
Сылыхвонъ.
Мокрына.
Хведько, хлопець.
Палажка.
1-й и 2-й чоловикы.

Васылына, крипосна Перепичкы.
Васыль, *Семенъ*, *Остапъ* } бродягы.
1-й и 2-й перевожчыкы.
Пысарь.
Десятныкъ.
Паны, поромщыкы, кучери, музыкы, слугы и народъ.

ДІЯ 1-я.

Писля обида. Зало. Столы покрыти скатержамы, скризь посуда, пляшкы, ножи, вылкы, чаркы, стаканы. Зъ правого боку фортепіано, биля нёго пюпитръ. Обстанова багата и роскишна.

Ява 1-я.

Сылыхвонъ, Потапъ, Дося и други слугы збирають посуду зъ столивъ, скатерки, пляшкы и инче.

Сылыхвонъ. Ну, й сыла гостей сёгодня до насъ зйихалось!

Дося. Ще тилькы це панночка наша прыйихалы зъ учення и вже такый бенкетъ, а що-жъ то буде, якъ замижъ выдаватымуть?

Сылыхвонъ. Справжнихъ панивъ сыдило за столомъ мабутьне меньшъ якъ на пивъ-сотни; а-що полупанкивъ та пидпанкивъ...

Дося. Одніеи птыци попоризано ажъ страшно вымовыть... (*Понеслы ложкы и вылкы.*)

Потапъ. Цыплятъ мало не сотню перевелы, десятка зо два каплунивъ, гындыкивъ...

Сылыхвонъ. А поросятъ хиба мало?

Потапъ. Трое телятъ, пьятеро ягнятъ...

Сылыхв. А скилько горилкы выпыто та вынъ усякыхъ? Шампанського мабуть пляшокъ десятка зо два?... Бухветчыкъ одныхъ недопыткивъ позлывавъ пляшокъ зъ чотыри...

Потапъ. Мени на шампанське такъ хочъ и наплювать, а отъ до солодкого йиства то разъ-у-разъ такъ и верне мени рота: здается, колы-бъ моя воля, то и въ день, и въ-ночи тилько одне солодке и йивъ-бы, тилько солодкымъ и годувався-бъ.

Сылыхв. А въ мене гостець солодкого зовсимъ не прыйма: якъ зйимъ хочъ шматочокъ меду, заразъ и губы пухнуть, и нисъ набряка...

Потапъ. Кому ты оце натякаешъ? Хто позавчора у кладовій варення трискавъ, що ажъ за вухамы лящало?...

Сылыхв. Такъ то-жъ варення, а я тоби кажу про медъ...

Потапъ (*дражнытъ ёго*). „Про медъ"!.. Бачывъ я, якъ ты и медъ трискавъ.

Сылыхв. Сёгодня бухветчикъ зновъ укравъ тры срибныхъ ложкы.

Потапъ. Та ну?

Сылыхв. Передавъ жинци, а та вже потырыла ихъ додому.

Потапъ. Сылу винъ перекравъ панського добра!

Сылыхв. Що-разу якъ тилько зйидутся гости на обидъ, чы на балъ, винъ заразъ що-небудь и пидцупе... Отъ мы зъ тобою такъ дурни!...

Потапъ. Чого дурни?... И мы навчымось колысь...

Ява 2-я.

(*Ти-жъ и два пидпанкы*).

1-й пидпанокъ (*Гука*). Гей, подай вогню! (*Сылыхвонъ подае сирнычокъ*).

2-й пидпанокъ. И мени! (*закурюють*).

1-й пидпан. А ловки у Пидгайного цыгары!

2-й пидпан. У Помпеенка кращи!

1-й пидпан. Мы зъ тобою сёгодня ни разу и не чокнулысь.

2-й пидпан. Невже? Такъ давай чокнемся. (*Налывають выно и чокаются*).

1-й пидпан. (*пье*). Яке це выно?

2-й пидпанок. Та що тамъ розбирать, не однаково хиба? (*пьютъ*).

1-й пидпан. Чуешъ? Пидхожу я сёгодня до пыкатого Шкорупського та й кажу: „дозвольте зъ вамы чокнутысь?“ А винъ зареготавъ зъ-горда та й каже: „хочъ и не треба!“ Ну, постривай-же. Будешъ ты прохаты, щобъ я тебе на выборахъ пиддержавъ... Я-жъ тебе пиддержу: замисць одного—два чорняка покладу!..

2-й пидпан. А я маю зуба на самого пана-хозяина. Ты бачывъ, якъ винъ мене прывитавъ?

1-й пидпан. Ни, а якъ?

2-й пидпан. „Лыбонь, каже, я васъ у-перше бачу“?... Чы чуешъ, винъ мене у-перше бачыть!... И торикъ бувъ у нёго на полюванни, и позаторикъ на Велыкдень, и ще давнищъ на Ризднво... А винъ мене у-перше бачыть!... По загряныцяхъ щогода гасае, такъ вже винъ нашого брата не добача, велыке цабе!... Ну, постривай, я тоби колысь зибью пыху!... Чванытся тымъ, що жинчыне добро мотае...

1-й пидпан. Я зъ нымъ сёгодня и зовсимъ не прывитався, нехай буде вдячный мени за те, що я прыйихавъ до нёго...

2-й пидпан. А знаешъ, що я тоби скажу? Що не говоры, а дочка у нёго—гарненька.

1-й пидпан. Що, колы-бъ ты бувъ трохы молодчый?

2-й пидпан. Колы-бъ же-то, вона-бъ моихъ рукъ не мынула!

1-й пидпан. Невже?

2-й пидпан. Вирь мени!... (*Зитхнувъ*). Давай зъ досады выпьемъ.

2-й пидпан. Давай! (*Выпываютъ*).

2-й пидпан. Якъ-бы мени хочъ пьять годъ зъ плечей.... Одначе я бильшъ сюды а ни ногою,—калачемъ мене не заманыть! „Винъ мене у-перше бачыть“!...

1-й пидпан. А якъ попросыть прыйиздыть?

2-й пидпан. Хиба що попросыть. Ты куды звидци?

1-й пидпан. До Малышевськыхъ, тамъ завтра панна Пазя именынныця. А ты куды?

2-й пидпан. А я до Радышевськыхъ, сегодня тамъ панахыда.

1-й пидпан. Писля завтра у Назаровыхъ крестыны!

2-й пидпан. Прохалы?

1-й пидпан. Ни.

2-й пидпан. Пойидешъ.

1-й пидпан. Пойиду. Бува якъ не пойиду, щобъ не розгнивалысь?

2-й пидпан. Такъ мы тамъ мабудь зустринемось. Пойиду и я мабуть до Малышевськыхъ, тамъ сёгодня буде венгерське, а у Радышевськыхъ на вына скуповато.

1-й пидпан. Хиба? Такъ и я краще пойиду до Малышевськыхъ! (*побиглы*).

Потапъ. Що то воля?

Сылыхв. Та ще й панська: куды скортило, туды й пойихавъ!

Ява 3-я.

Ги-жъ и бухветчыкъ.

Бухветчыкъ. Вы й доси бабляетесь биля посуды, все зъ розсказнямы, а дила хочъ й не пытай; а бухветчыкъ подавай за васъ одвитъ. Ножи та вылкы и доси не вычыщени, самувари и доси не настановлены, а хто выненъ?—бухветчыкъ!—Сёгодня изъ столу ажъ тры срибныхъ ложкы украдено; звычайно, що це пидцупыла ота голота—пидпанкы, котра не мае свого прытулку, та тилько вештается по панахъ та пидцуплюе усячыну... Тамъ пообида, тамъ повечеря... Треба буде панови доложыть про ложкы, а то ще подумають на кого зъ насъ... Ну-жъ, воловодьтесь шпарчій... Успіете видлежаты бокы, якъ панъ у загряныцю пойидуть!.. Хто оту пляшку вже спорожнывъ, адже вона повна була?

Сылыхв. Тутъ заразъ прыбигло двое полупанкивъ, ось ти... якъ бо ихъ? Перченко та Репченко. Выпылы та й майнулы!..

Бухветчыкъ. Ну, и вйилыся-жъ мени оти полупанкы: не то що все повыпывають, а й повылызують. (*Потанъ и Сылыхвонъ пишлы зъ посудою*). Була повнисенька пляшка, якъ вже зъ-за столу повставали, а теперъ тилько на денци.

Сылыхв. (*ввиходе и бере знов посуду*). Чы панъ до Риздва выйидуть у загряныцю, чы писля Риздва?

Бухветч. А тоби що?

Сылыхв. Та я про Соньку хотивъ спытаты, чы й ии визьмуть зъ собою, якъ торикъ Дуньку?

Бухветч. Яка вона тоби Сонька, яка? Сохвія Мыколаевна, а не Сонька. „Сонька!“ Колы панъ ии прыблызылы до себе, такъ вже вона тоби стала не Сонькою, а Сохвіею Мыколаевною,—розумієшъ? Тебе прыблызять—и ты будешъ не Сылыхвономъ, а... Якъ твого батька звуть?

Сылыхв. Данылomъ.

Бухветч. Стало быть, тебе велычатымуть тоди: Сылыхвономъ Данылovычомъ. Бува часто такъ, що иноди и самъ чоловикъ не вгада, чымъ винъ завтра буде. Прымеромъ, сегодня заснувъ Грышкою чы Ванькою, а завтра прокынувся Грыгоріемъ Васылёвычемъ, або-жъ Иваномъ Семеновычемъ!..

Сылыхв. (*Идучы*) Хотивъ-бы я завтра прокынутысь Данылovычемъ.

Бухветч. (*Самъ*). Не ти вже часы настають, не ти, якъ колысь... Першъ паны пылы выно такъ, що бильшъ половыны ёго зоставалось у стаканахъ, та чаркахъ, а теперъ... Отъ и пожывляйсь теперъ зъ недопыткивъ! (*Пишовъ*).

Ява 4-я.

Два студента проходятъ.

1-й студентъ. Куды ты мене завизъ? Я тебе пытаю, куды це ты мене завизъ?

2-й студентъ. А хиба що?

1-й студентъ. Це якась дыка, варварська сторона!.. Тутъ не люде жывуть, а людоиды, звирякы!..

2-й студентъ. Правда, що цей кутокъ можна смилыво назвать медвежачымъ, сюды ще не скоро досягне промынь свита. За те-жъ тутъ панночкы яки гарненьки, чудо!..

1-й студентъ. Бабій ты й бильшъ ничого!.. Ни, я сюды бильшъ ни ногою; тутъ прывселюдно бьють людыну по морди, кровъ спускають!.. Отой, що на мылыци панокъ—Макарюкъ, винъ ударывъ свого лакея такъ, що той кровью умывся... Я не знаю, якъ не кынувся на нёго?.. Це варварство, инквызыція!...

2-й студентъ. Ты городянынъ, и тебе дывують сельски видносыны, а мы до того прызвычаилысь.

1-й студентъ. Я не хочу прызвычаюватысь, не хочу тутъ дали зоставатысь; я задыхаюсь въ цій атмосфери!.. Йидемъ мерщій звидци!.. Будь проклято и село, колы въ нёму таке звирство коится!.. (*Хутко идуть*).

2-й студентъ. Ходимъ попрощаемось.

1-й студентъ. Не пиду, нема мени зъ кымъ тутъ прощатысь! (*Пишлы*).

Ява 5-я.

Дося и бухветчыкъ.

Дося. Дывиться, дядю, яку стричку подарувала мени панночка?

Бухветч. А ты-жъ поцилувала ихъ у ручку?

Дося. А вже-жъ.

Бухветч. Вумныця.

Дося. Воны не давалы рукы, а я таки поцилувала!

Бухветч. Двичи вумныця! Именно—не дае, а ты наважайся поцилуваты и таки неодминно поцилуй. Вумныця! Бачыла, якъ я разъ-у-разъ панови цилую ручку, а потимъ у плече? Вумныця, по дядькови пишла.

Дося. Я-жъ такъ, якъ и вы...

Бухветч. Паны дуже люблять, щобъ имъ ручкы цилувать. Часомъ провынышъ, воны наважаются тебе вдарыты, вже

й замахнутся, а ты ухопы ихъ за ручку, поцилуй, и заразъ серце у ныхъ одійде!..

Дося. А якъ панночка ловко говорять по-простому—й не забулы!..

Бухветч. Чого-жъ бы воны забулы? на те воны людына!

Дося. У ныхъ и книжкы йе таки, зъ котрыхъ воны чытають по-простому... До всихъ двирськыхъ витаются, та такъ хороше.

Бухветч. По маменьци пишлы. И покійныця, царство имъ небесне, таки-жъ булы ласкави та прыятни. Не дожылы побачыты свою едыначку зрослою.

Дося. Скилько тоди литъ панночци було, якъ пани померла?

Бухветч. Годъ шисть, або симъ! Зъ тіеи добы все у насъ пишло шкереберть...

Дося. Вы тежъ, дядю, за покійною панею прыйшлы у прыдане, якъ наши татко?

Бухветч. А вже жъ!... Насъ трыста двадцять семей сюды перегнано зъ Полтавщыны; тутъ була земля пустопорожня. У нашыхъ панивъ було багато земли, по всихъ губерняхъ,—бильшъ двадцяты тысячъ десятынъ було.

Дося А у пана хиба не було своихъ людей та земли?

Бухветч. Це бъ-то у цёго пана, у папаши нашои панночкы, у Пидгайного?

Дося. Эге-жъ?

Бухветч. Було ще за батькивъ де-що, та й те загуло! (*дае ій пляшкы*). Несы оци пляшкы до бухвету, бо якъ набижать—повылызуютъ... (*Дося пишла*). Свое загуло, а це вже годивъ зъ десятокъ жинчыне мота та ніякъ не промота... Ажъ досада тебе бере, що отакъ марно добро пропада. Бачучы, що вси таскають, вси пожывляются, иноди и самъ зъ пересердя потягнешъ яку дурныцю: чы ложку срибну, чы салхветку... Бо то тилько й твого. По заграныцяхъ що года йиздыть, у карты грае, зъ дивчатамы воловодыться... Отъ вже Соньку накынувъ окомъ, а чы на довго? Горпыну залышывъ, якъ и Домку, або Прыську;

Дуньку десь загряницею кынувъ... Ненажерлывый!... Гараздъ хочъ за те, що переставъ навозыты чужыхъ, а то булы тутъ: и хранчужанкы, и аглычанкы, и всяки!.. И не потрапышъ бувало, якъ имъ и годыты...

Ява 6-я.

Орыся и бухветчыкъ.

Орыся. Здрастуйте, Сафронъ Васылёвычъ!

Бухветч. Якый я вамъ „Васылёвычъ?“ Сахронъ та й годи.

Орыся. Я васъ ще й не бачыла, якъ пожываете?

Бухветч. (*лове руку*). Подозвольте-бо! Та такы-жъ дозвольте.

Орыся. Ни, не треба, не хочу....

Бухветч. За вищо жъ вы гниваетесь на мене?

Орыся. Я не гниваюсь... Мени такъ не подобается.

Бухветч. (*цилуе ій руку*). А мы завжды повынни...

Орыся. Пожалуста, бильшъ такъ не робить, а то я й справди гниватымусь...

Бухветч. Такъ було и ваши маменька кажуть, царство небесне, вичный покій ихъ душеньци. „Не треба, кажуть, не смій цилувать“... А я все-такы не одійду, доки не поцилую имъ обохъ ручокъ.

Орыся. Мама доброю була до васъ?

Бухветч. И, Боже мій! До кого воны не булы доброю?.. Ангольска душа. Вы манёньки булы, не гараздъ памьятаете мамашу?... То булы благодушна душечка!

Орыся. Отакою и я буду до васъ, тилько просю въ памьять моеи мамы бильшъ николы не цилуйте мени рукъ (*иде до викна*). А якъ гарно въ сели,—куды не кынешъ окомъ, скризь краса!...

Бухветч. (*на бикъ*). Не вже й справди розгнивалась?... Ни, ни, не вирю!... Якъ-то можна, щобъ я гнивався, якъ мени ручкы цилуватымуть?.. Манижыться!... (*Пишовъ*).

Явa 7-я

Гордецька, Буба и Кика.

Гордецька (*до Орыси*). Щаслыви вы, Орысю, що йидете зъ папою загряныцю.

Орыся. Хто вамъ це сказавъ, що я йиду? Папа самъ йиде.

Гордецька. А чому-жъ бы вамъ не пойихать?

Буба. Побувать въ Парыжи?

Кика. Въ Вѣни, въ Берлыни?

Орыся. Папу я тилько стиснула-бъ... Та и колы-то ще винъ йиде: у генвари, або у феврали, а у насъ теперъ ще сентябрь. Я висимъ рокивъ не була дома и теперъ хочу пожыть въ сели, а на той рикъ може и мени скортыть въ Европу?

Буба. А мени село такъ спротывило!...

Кика. Я вже не разъ казала мами, що рада за першого женыха выйты, хто-бъ винъ не бувъ, тилько-бъ швыдче зъ села. (*Пишлы*).

Явa 8-я.

Шкорупський, Шкорупська и Деревьянка.

Шкорупський. Це вже щось тутъ не по моему зативають; якый ще тамъ концертъ? И такъ музыка ревла и пивчи горло дерлы за обидомъ, що й доси у вухахъ лунае.

Деревьянка. Дочка-жъ пана Пидгайного скинчила навуку, ну отцеви и кортыть похвастатысь передъ гостямы, якъ вона гра на фортепіани. Це похвально и нравоучытельно для другыхъ.

Шкорупський. Скризь ты носышся зъ своимъ нравоучытельствомъ, якъ дурень зъ пысаною торбою!.. Найкращый нравоучытель—черево... Найилысь гости—и одпусты ихъ додому; а концертъ—це вже насыліе...

Шкорупська. Та замовчы-бо, старый воркотуне! Тоби тилько-бъ видлежуваты бокы.

Шкорупський. И найкраще. Чоловикъ чымъ бильшъ спыть, тымъ меньшъ гришыть. У мене наймудрищый звычай: якъ тилько гости скинчылы обидъ, гукну на слугъ, щобъ гостямъ заразъ коней подавалы, а самъ на бокову. И гости вже знають, що имъ нiчого засыжуватысь, заразъ за шапкы и геть въ двору. А я заразъ звелю позачынять виконныци та повыгоняты мухъ; потимъ скыну зъ себе геть все чысто, зостанусь якъ маты вродыла, клычу двохъ покоёвокъ, щобъ пьяткы чесалы, а моя Мынодора Порхвыровна у головци мени ськае.

Шкорупська. Е чымъ хвалытысь!

Деревьянка. Пьяткы чесать и въ голови ськать—це було голивне дило ще за предкивъ нашыхъ, блаженои памьяты. О, благословенна старына, згадаешъ тебе и тилькы зитхнешъ!.. Именно-що жыття було: ни печали, ни воздыханія... А ловко спытся пидъ лоскитъ пьятокъ.

Шкорупський (*до жинкы*). Мыдосю, якъ ты думаешъ, чы не пойихаты намъ оце заразъ до-дому?

Шкорупська. Неловко... Адже прохалы зостатысь?...

Шкорупський. То-то що прохалы. Хотивъ-бы я теперъ буты краще на мисци непроханыхъ... (*Сида*). Ничого робыть... Та колы-бъ вже швыдче почыналы?

Деревьянка. Може звелить податы вамъ файку?

Шкорупський. Яку ще тамъ „файку“ выдумавъ? Люлька, або трубка, а то ще файка!.. А ну, гукны. Та нехай и тоби подадуть. Я зъ собою беру завжды тры-чотыри люлькы, докы одну докурю, щобъ друга вже була набыта. Ты Вахштабъ курышъ?

Деревьянка. Ни, Жукова.

Шкорупський. Покынь Жукова, куры Вахштабъ. Я сорокъ тры рокы курю тилько Вахштабъ и ненавыдю того, котрый куре Жукова.

Деревьянка. Та я можу и Вахштабъ... Гей! Кырыло! Люльку твоёму панови и мени. (*Слуга подае люлькы*).

Ява 9-я.

Гордецька, Буба и Кика.

Гордецька. И добре вона гра? (*Сида*).

Буба. Слухать можна.

Кика. У кого йе охота.

Буба. Ну, це вже ты, Кико, зъ заздрощивъ кажешъ!

Кика. Пожалуста, не выгадуй, Буба!.. Безъ всякыхъ заздрощивъ кажу, що вси ій таланты въ ій багатстви.

Гордецька. Годи вамъ сперечатысь. Звисно що багатство кожного дме и паддае пыхы.

Ява 10-я.

Помпеенко, сынъ его Юнкеръ и ще гости.

Помпеенко (*розгниваный*). Якый я старець? Я тебе пытаю: якый я старець?

Юнкеръ. Та це-жъ, тату, виршъ такый.

Помпеенко. Якый у чорта виршъ? Тыче на мене рукою и каже: „старець!“

Шкорупськый. Що вчынылось?

Помпеенко. Пани Головацька мене зневажыла; вывела проты мене свого сына и каже: „промовляй“! Той показуе отакечкы пучкою на мене и каже: „старець!“ Якый я старець? У мене 10 тысячъ десятынъ земли, а я „старець?“ Старець зъ торбамы ходыть, а я помищыкъ!..

Юнкеръ. Кажу-жъ вамъ, що то виршъ такый Ломоносова:

„Науки юношей пытають,
Отраду старцямъ подають!..“

Деревьянка. Це правда, що у господына Ломоносова йе такый виршъ. Старець означа: ветхый чоловикъ, преклонныхъ, або почтенныхъ литъ. А то ще йе и такый виршъ:

„О ты, что въ горести напрасной
На Бога ропщешь человѣкъ!..“

Помпеенко. Та воно справди! А хто жъ то такый той Ломоносовъ?

Деревьянка. Господынъ Ломоносовъ—то такый заслуженный чоловикъ и кавалеръ.

Помпеенко. А!.. А я думавъ... Ну, якъ що йе, то... Тилько до чого винъ той виршъ склавъ?

Деревьянка. Для вразумленія и назыданія.

Шкорупськый (*до жинкы*). Ну, Помпеенка ни якымъ виршомъ не вразумышъ, бо винъ зъ роду-вику ни однои книжкы не прочытавъ.

Шкорупська (*до нёго*). Та годи бо тоби!..

Шкорупськый (*Тыхо*). Малограмотный дворянынъ.

Ява 11-я.

Головацька зъ сыномъ.

Головацька (*до Помпеенка*). Вы безъ прычыны, Помпей Дорофеевычъ, розгнивалысь на мого Васю.

Помпеенко. Та то выйшло якось... Воно непорозуминня... Выбачайте мени. (*На бикъ*). Заслуженный чоловикъ и кавалеръ вирши склада,—за для чого?..

Ява 12-я.

Макарюкъ (*на мылыци*), *за нымъ слуга.*

Макарюкъ. Антуанъ, трубку! (*Слуга подае*). Ты, ты въ постолахъ? Хиба я тоби не прыказувавъ надить чоботы?

Антонъ. Захарко прыбигъ у поле: „кыдай, гука, плуга та швыдче иды зъ паномъ йихаты, надивай лирвею...“

Макарюкъ. Запорю!..

Антонъ. Хрестъ мене побый, винъ ничого не казавъ за чоботы. „Надивай, каже, лирвею!“...

Макарюкъ. Запорю, на смерть запорю!.. (*Сивъ*).

Ява 13-я.

Панна и панычъ.

Панна (*зъ квиточкою въ руци*). Чого вы бажаете оцій квиточци?

Панычъ. Бажаю ій увесь викъ цвисты и пышатысь красою.

Панна. А вгадайте, на кого я загадала?

Панычъ. Ни, не вгадаю.

Панна. Ця квиточка—це я.

Панычъ. Гараздъ, що я не побажавъ ій завьянуты!..

(*Силы и нышкомъ розмовляють*).

Явa 14-я.

Завойко, Перепичка и Васылына.

Завойко (*на порози*). Це буде всимъ зневага, велыка зневага!..

Перепичка. Кого я тымъ зневажу, кого? Панiи наши знають все, ихъ ничымъ не здывуешъ; панночкы-жъ настилько наивни, що ничого не знають; а у тебе, якъ и въ другыхъ, на кого тутъ не гляну,—йе своя Васылына; а у инчого дви, або й тры!.. Тилько вы ховаетесь зъ своимы, а я не ховаюсь. Не знаю, що чеснищъ? Слухайте, госпола дворяне, тверези—не пьяни! Хочъ я и пидъ чаркою, одначе не на стилько, щобъ забутысь: хто я и де я!.. Вы може сподиваетесь видъ мене дебошу, чы скандалу?.. Я знаю, де можна дебошырыть, а де й зась!. Дозвольте мени вамъ нызенько уклонытысь и попрохаты пробачення... Оце биля мене моя Васылына, моя крипостна, моя... Паны и панiи добре знають, хто вона мени, а панночкамъ не треба знаты... А все-жъ я ій не дозволю систы въ вашимъ прысутствiи: дысцыплына, субордынацiя и мордобытiе!.. Я хочу Васылыну просвитыты на щотъ музыкы, бо вона у мене дурна, якъ вивця,—вона тилько и чула, якъ чередныкъ грае на зубовій дудци *метелыцю*, а свынаръ на выграни „чоботы...“

Явa 15-я.

Пидгайный и Орыся.

Пидгайн. (*веде Орысю пидъ руку*). Не соромся, доню, и покажы гостямъ, що отець не даромъ объ тоби клопотався! (*Пидводе до фортепiано*).

Орыся. Я не соромлюсь... а тилько за для чого це?

Пидгайн. Я такъ того хочу.

Орыся. Хиба? (*Глянула на Васылыну*). Ахъ, яка-жъ чудова украинська одежа!.. А сорочка якъ гарно вышыта! (*Пидходе до Васылыны*). Хто вамъ такъ гарно вышывавъ?

Васылына. Я сама.

Перепичка (*Васылыни*). Ручку, ручку швыдчъ панни поцилуй!..

Васылына (*лове руку Орыси*). Подозвольте...

Орыся. Ни за що на свити! Такъ поцилуемся. (*Цилуется зъ Васылыною и потимъ иде до фортепіано*).

Перепичка (*до Завойка*). Бачывъ?

Завойко (*до нёго*). Така и ін маты була!

Пидгайн. Заграй-же намъ, Орысю,—мы хочемо слухаты. (*Сида. Орыся розгорта ноты и гра щось классычне; гости все бильшъ сходятся и сидаютъ. Вси слухаютъ знершу тыхо, а потимъ почынаютъ по-тыху гомониты*).

Помпеенко (*до сына*). Та колы-жъ вона гратыме?

Юнкеръ. Вона жъ вже грае.

Помпеенко. Чортъ батька-зна що брынькае!..

Завойко. Колы-бъ заграла Варшавського маршъ, а це щось...

Шкорупськый. Стоило зоставатысь, щобъ отаку нисенитныцю слухаты?..

Деревьянка. Музыка для слуха вразумытельна и назыдательна!.. (*Орыся скинчыла, почынаются оплески*).

Юнкеръ. Папенька, плещить-бо!

Помпеенко. Хиба треба? (*Плеще*).

Шкорупськый (*плеще*). А може воно и справди щось путяще?..

Завойко. А все-таки нема ничого кращого, якъ Варшавськый маршъ, або: „Ой не ходы Грыцю“... (*Плеще*).

Перепичка (*до Васылыны*). Ну, якъ тоби?

Васылына. На мени чогось усе тило терпне, неначе я на неби.

Пидгайн. Гей, поклычте сюды капельмейстера и Юрка.

Шкорупський. А це ще що буде?

Шкорупська. Та мовчы-бо.

Завойко. У, Юрко здорово гра Варшавського марша, або Кармалюка.

Помпеенко. Послухаемъ ще Юрка.

Шкорупський. А писля Юрка, може увійде свынаръ та заграе: „Свына въ рипи, поросята въ моркви?..“ (*Реюче*).

Шкорупська. Та й невгомонный же ты!

Ява 16-я.

Капельмейстеръ и Юрко зъ скрыпкою.

Пидгайн. Ну, Петро Петровычъ, похвастайте намъ вашымъ ученыкомъ!

Диброва (*Кланяючысь панамъ*). О, зъ гордостію скажу, що маю кымъ похвастаты. (*До Юрка*). Уклонысь панамъ! (*Юрко кланяется*).

Панна (*зъ квиточкою*). Якый красавець!

Буба. Крипакъ и така импозантна фыгура!..

Кика. Ему прыставъ-бы гусарський мундыръ!.. Ментикъ, долманъ, чикчири!..

Диброва (*Пидводе Юрка до фортепіано*). Панно Орысю! Колысь, якъ вы ще булы моею ученыцею, я постеригъ у васъ талантъ музыкальный и не помылывся. Дозвольте доручыты вашій ласци ось другый талантъ!

Орыся (*Не дывлячысь на Юрка*). Чы не про нёго мени татко говорылы?

Диброва. Певно про нёго. Проаккомпанируйте ёму серенаду Шуберта. (*Росклада ноты на пюпитри*). Уклонысь, Юрку, панночци. (*Юрко кланяется*).

Орыся (*глянула на Юрка*). Ты... давно граешъ?.. Якъ твое имня? (*на бикъ*) Ахъ, що за очи!..

Юрко (*глянувъ на неи и затремтивъ*). Давно граю?..

Диброва. Хиба ты не розумієшъ, про вищо тебе пытаютъ? Панночка пытають: чы давно ты на скрыпци граешъ и якъ твое имня. Кажы: чотыри рокы якъ граю, а имня—Юрко.

Юрко. Ходимъ звидци, ходимъ...

Диброва. Ц—съ! (*Тыхо ёму*). Ты ошаливъ, чы що?..

Юрко. У мене щось голова... въ очахъ... Тикаймо!..

Диброва (*ёму*). Опамьятайся! (*До панны*). Засоромывся бидный хлопець зовсимъ. Промовте до нёго слово, щобъ винъ набрався смилосты. (*До Юрка*). Опамьятайся!

Орыся. Не соромся, Юрку... Ну, прылагодься, заразъ гратымемъ... Чого ты такый?

Юрко. Я не знаю... не втямлю ничого...

Орыся. Заспокойся. Ну, почнемо?

Юрко. Почнемо. (*Граютъ. Юрко чымъ дали, все бильшъ забувается и виддается цилкомъ музыци. Вси навкругы затыхаютъ*).

Помпеенко (*тыхо*). Хочъ и не розумію, такъ почуваю!

Деревьянка (*деклямуе*). „О, ты, что въ горести напрасной
На Бога ропщешь человѣкъ!..“

Кика. Скильки экспрессіи!.. Яка техныка!..

Шкорупськый. Теперъ вже и я не шкодую, що зостався.

Перепичка. Чого ты, Васылыно, плачешъ? Годи, не соромъ мене!..

Васылына. Не можу!.. Нибы маты мене докоряе, нибы батько клене!.. (*Выбигла*).

Панна (*Зъ квиточкою*). Яка роскишна и чула душа у Шуберта!

Завойко. Чортъ ёго батька зна! Лыбонь це ще краще видъ Варшавського марша! (*Оплескы*).

Пидгайн. (*Пидійшовъ до Дибровы и стыска ёму руку, а Юрка хлопа по плечу*). Браво, браво!..

Диброва (*до Юрка*). Кланяйся!

Юрко. Кому?

Диброва. Кланяйся панамъ. Ты таки очмаривъ?.. (*Тымъ часомъ панны пидійшлы до Орыси и витаютъ ій*).

Юрко. Швыдчъ ходимъ... душно!..

Пидгайн. (*до гостей*). Прошу всихъ въ садъ,—тамъ чека насъ чай и кофе. (*Гости росходятся*).

Шкорупський (*до жинкы*). Николы не сподивався, щобъ у мужыка така чулисть була!.. (*Пишлы*).

Юнкеръ. Зостанемось, папенька, на вечеръ, певно и въ вечери гратымуть?

Помпеенко. Отъ и кажы писля цёго, що у скрыпци нема языка. (*Пишлы*).

Перепичка (*до Завойка*). Васылына, якъ корова, реве, та й у мене оказалысь очи на мокримъ мисци!.. (*Пишлы*).

Диброва. О, теперъ и мы ходимъ.

Орыся (*до Юрка*). Якый у тебе дужый и слухняный смычокъ!.. Честь вамъ, Петро Петровычъ! Честь и слава!..

Юрко. Такъ вже певно николы не заграю!..

Диброва. Винъ сёгодня якыйсь непрытомный!.. Визьмы-жъ ноты!.. (*Пишовъ*).

Орыся. Кажешъ, не заграешъ вже такъ? Чому-жъ то?

Юрко. Не заграю!..

Орыся. Чого ты такый?..

Юрко (*глянувъ ій въ вичи*). А вы на вищо таки?

Орыся. Яка-жъ я?

Юрко. Не вмію вымовыть...

Орыся (*дае ноты*). Визьмы оци ноты, передывысь, у вечери гратымемъ.

Юрко. Такъ вже николы не заграю!.. (*Бере ноты*).

Орыся. Черезъ що-жъ то?

Юрко. Никóлы, никóлы!.. (*Пишовъ хытаючысь*).

Зависа.

ДІЯ 2-я.

Черезъ рикъ. Збоку невелычкый домокъ, вкрытый гонтою зъ ганкомъ, зъ трёма викнамы; зъ другого боку, на другимъ плану, людська кухня; на останнимъ плану—задній фасадъ панськыхъ

хоромивъ, зъ балкономъ и террасою. Навкругы дому садъ, дали село, дали перелисочкы и поле.

Надъ вечиръ.

Я в а 1-я.

Репыха и Орыся. (*Выходятъ крадькома зъ хоромивъ до саду*).

О р ы с я. Огляньсь навкругы, щобъ не постереглы.

Р е п ы х а. Не бійтесь, нема никого. Дытына тамъ у саду,— нихто не побачыть.

О р ы с я. Ну, ходимъ вже!

Р е п ы х а. Досю треба задобрыты, щобъ держала языка за зубамы... Осьдечкы и вона. (*До Доси*) Ну?

Я в а 2-я.

Ти-жъ и Дося.

Д о с я (*иде зъ сада*). Не выдно никого.

Р е п ы х а (*до Орыси*). Ходимте-жъ мерщій!..

О р ы с я. Досю! Ты вміешъ держаты языка на прыпони?.. Мовчатымешъ, то й тоби краще буде.

Д о с я. Про вищо? (*Репыха и Орыся пишли въ садъ*). Куды це воны пишлы? Яка-жъ це болисть у панночкы, що бабу Репыху клыкалы? (*Оглядается*). А може вже?.. Панночка велять мени держать языка на прыпони... Ой, щось це не даромъ! А ну, пиду за нымы назырци... (*Пишла въ садъ*).

Я в а 3-я.

Вартоломей и тры хлопци (*идутъ видъ ворітъ*).

В а р т о л о м е й. Я-жъ скилько разивъ наказувавъ вамъ, щобъ не спалы?.. Бачъ, яку правылу соби взялы!..

Д в а х л о п ц и. Мы, дяденька, ій-Богу не спалы! То гедзъ росполохавъ телять, воны й побиглы въ горохъ!..

Вартол. Який гедзъ? Гедзъ тилько у Спасивку сиче скотыну. Ось я вамъ задамъ гедза!..

Два хлопци. Ій-Богу, дяденька, мы не спалы!..

Вартол. Ходимъ, ходимъ до конюшни!..

Два хлопци. Ій-Богу, дяденька, мы не выни.

Вартол. А хто-жъ выненъ? Хто, пытаю, выненъ? (*До третёго*). А ты чого мовчышъ?

3-й хлопець (*Хведька*). А що я казатыму? Все одно, бытымете!

Вартол. И бытыму, тебе бытыму!..

Хведька. Та мене-жъ...

Вартол. Бо ты й выненъ!

Хведька. Та я-жъ.

Два хлопци. Авже-жъ, винъ! Мы ёму кажемо: „давай, Хвѣдька, навернемо телятъ на стерни, щобъ въ горохъ не вперлысь...“ А винъ каже: „чортъ ёго поберы, горохъ: хиба винъ людськый? винъ панськый!..“

Хведька. Це-бъ то я отакечкы казавъ?

Вартол. Ахъ ты, харцызе! То ты такый?

Два хлопци. Винъ, дяденька, васъ лаявъ, ще такъ погано лаявъ: у батька-матиръ!.. И казавъ на васъ: „барыло“.

Хведька. Я казавъ?

Два хлопци. Та ты-жъ. Каже: „Вартоломей—Кутломей!“ Це у ныхъ, дяденька, йе така собака коштрюбата, Кутломеёмъ дражнять...

Вартол. Такъ ты такый, сучый сыну!

Хведька. Колы вирыте имъ, такъ быйте мене!..

Два хлопци. А не казавъ ты, що дяденька: „катъ, парло, котолупъ?..“

Вартол. (*вхопывъ Хведьку за вухо*). Ахъ ты-жъ, чортивъ вылупку! Я-жъ тоби заразомъ покажу: и ката, и парла, и кутломея!.. (*Повивъ до конюшни*).

Явa 4-я.

Дося (*бижытъ зъ саду*). Та невже-жъ це я бачыла своимы очыма? Мабуть я сплю, мабуть це мени у сни ввыжается?..

Я в а 5-я.

Мокрына и Дося.

М о к р ы н а (*зъ людской кухни*). Чого це ты, небого, все въ садъ бигаешъ? що тебе напало?

Д о с я. Не пытайте, не пытайте, бо все ривно ничого не допытаетесь, мовчатыму,—якъ камьяна, якъ нима!.. Не заступайте-бо мени дорогы, пустить!..

М о к р ы н а (*стала проты неи*). То ты такъ зо мною? Це ты й титци ридній не скажешъ? Спасыби! диждалась честы видъ небогы!..

Д о с я. Ой, Боженьку! Я зъ страху й забула, що вы мени титка!.. Ой, выбачте мени!.. Тилько жъ вы, тётю, Бога рады, никому а ни словечка. Ой! страшно и вымовыты!..

М о к р ы н а. Кажы вже швыдче!

Д о с я. Оцимы власнымы очыма бачыла, щобъ мени свита сонця не вздриты!..

М о к р ы н а. Що бачыла, що?

Д о с я. Заразъ баба Репыха прыходыла, бачылы?

М о к р ы н а. Чого-жъ то вона?

Д о с я. Чы насъ нихто не пидслуха?

М о к р ы н а. Ну, ну?

Д о с я. Прыходыла ото вчора надъ вечиръ баба Репыха до панночкы, и почалы воны вдвохъ шепотиты; я й насторожыла вуха, якъ мене дядё бухветчыкъ повчалы, щобъ завжды насторожувала вуха... Шепотять, та й шепотять... А дали пишлы кудысь у-двохъ. Зовсимъ вже пизно панночка повернулысь до дому, та таки слаби, що й на ногахъ не встоять.

М о к р ы н а. Ну, ну, розсказуй дали!

Д о с я. Стривайте-бо! А оце теперъ, якъ прыйшла зновъ баба Репыха, послалы мене въ садъ подывытысь, чы нема тамъ кого. Вертаюсь я зъ саду, ажъ воны обыдви вже идуть мени на зустричъ...

М о к р ы н а. Ну, ну?

Д о с я. Воны въ садъ, и я за нымы назырцемъ. Доходять до ричкы,—бачу, зупынылысь; и я соби оддаля зупынылась. Ажъ

дывлюсь: баба Репыха похылылась у кущъ и подае панночци дытыну. Памьятаете, казала я вамъ, що панночка Юрка покохалы, не вирылы?

Мокрына. Ну, ну, ну?

Дося (*оглянулась*). Богъ послявъ панночци сына!

Мокрына (*жахнулась и ажъ прысила*). Сына?..

Дося. Щобъ я свита сонця не вздрила!

Мокрына. Сына?!..

Дося. Эге-жъ. Репыха подала имъ дытыну, а панночка почалы ии годуваты... Сама бачыла своимы очыма... Цытьте! Ондечкы панночка вертаются въ хоромы.

Мокрына. Хи, сердешна! Ледве йде. Бачышъ, що то страхъ,—винъ пересылюе усяку болисть!...

Дося. Прысядьте! (*прысидають за плотомъ*).

Орыся. (*Ледве переступа*). Лыбонь нихто не постеригъ?.. Охъ, въ очахъ темніе!.. (*хытаючысь пишла въ хоромы*)..

Мокрына. А де-жъ дытя?

Дося. Певно, Репыха взяла до себе!

Мокрына. И ты вповаешъ, що якъ мы мовчатымемъ, то други не довидаются?

Дося. Нехай довидаются, нехай и плещуть, абы не мы.

Мокрына. Авже-жъ! Почнуть языкаты, вирь мени! У насъ народъ бузувирный! Глянь, хто ото крадется по-пидъ плотомъ? Бигты мерщій захожуватысь вечерю варыты!... (*побигла*).

Дося. Справди щось сюды надходе.

Ява 6 я.

Юрко и Дося.

Дося. Юрку, ты?

Юрко (*пидходе*). Якъ бачышъ.

Дося. Вернувся?

Юрко. Никуды втикаты безъ бумагы.

Дося. Панночка звелилы-жъ тоби, щобъ не вертався, доки сами тебе не розшукають; тебе-жъ, бороны Боже, тутъ закатують!.. Ой, що-жъ це буде?

Юрко. Що буде, того не обмыну!

Дося. Та ты-жъ и не знаешъ ничого. Адже панночка вже маты!

Юрко. Що, що ты сказала? Маты?..

Дося. Вчора сына породыла...

Юрко. Сына?.. Що-жъ теперъ?... Вона хвора, дуже хвора? Кажы, кажы!..

Дося. Хвора, а тилько-жъ и терпляча на вдывовыжу....

Юрко. Бидна, бидна мученыця, безщасна!.. Досю, я звиръ, лютый звиръ!... Досю, я мушу ии побачыты!... (*Ламае рукы*).

Дося. Я заразъ пиду, шепну панночци!..

Юрко. Стривай! Може не треба? Хвора, сполохается! Досю, я втеряюсь!.. Хто-жъ мене порадыть?... Одна ще надія... Чы капельмейстеръ дома?

Дося. Ёму здорово погиршало, мабуть скоро й помре. Винъ пытавъ про тебе, де ты.

Юрко. Пиду до нёго,—винъ мене, якъ батько, порадыть.

Дося. Змарнивъ ты якъ, ажъ почорнивъ!

Юрко. Голодъ—не титка! За трое день охлявъ та знемигся, хочъ жывымъ пропадай. Якъ сказала мени Орыся втикать, я й махнувъ—не взявшы навить и хлиба шматка; тилько водою и жывъ... Пиду до Петра Петровыча!.. (*Пишовъ у домокъ*).

Дося. Охъ, на чимъ воно все це окошыться? Не знаю, чы розсказаты дядькови бухветчыку? Мовчатыму, а якъ допытуваты-муть—прызнаюсь. Звисно, дядько,—грихъ имъ не сказаты!.. (*Пишла въ хоромы*).

Ява 7-я.

Сохвія и Палажка.

Сохвія. Куды це Юрко и справди подився? Трое день и очей въ село не наверне.

Палажка. А що тоби до Юрка?

Сохвія. Казала тоби не разъ.

Палажка. Казышся ты видъ жыру, отъ що я тоби скажу —казышся!

Сохвія. Спытай у мого серця, чы ёму до жырування?

Палажка. Ты-жъ панська полюбовныця, чы зручно-жъ тоби объ Юркови думаты? Ты повынна знаты одного пана.

Сохвія. А панъ хиба тилько мене одну зна?

Палажка. Мало чого... Винъ на те панъ, ты въ ёго воли

Сохвія. Я панова полюбовныця не по своій охоти, а Юрка я покохала своею волею.

Палажка. Мало кого тамъ не покохала!...

Сохвія. Цыть!.. Чуешъ? (*Кризь викна домка чутно мелодію на скрыпци*). Це винъ грае, винъ! Ій-Богу винъ!... Бачъ, капостный, винъ у двори, а я думала: змандрувавъ!.. Чуешъ, якъ жалибно выграе?

Палажка. Я ненавыдю жалибныхъ; колы-бъ пидъ ногу загравъ.

Сохвія. Охъ, якъ-же въ мени все сколошкалося, немовъ всю мене пожежою поняло!..

Палажка. Почны хвыгли-мыгли строить!..

Сохвія. Затаила-бъ въ соби духъ и слухала-бъ ёго безъ краю, безъ втомы!..

Палажка. Годи тоби шпандёрыть!

Сохвія. Вже замовкъ.... на вищо такъ скоро переставъ грать?

Палажка. Тынды-рынды!.. Ходимъ вже!

Сохвія. Палавю, выклычъ сюды Юрка.

Палажка. Отакои! Чого жъ я потёпаюсь у хвыгель: щобъ тамъ по шыи надавалы?

Сохвія. Бачышъ, яка ты? А скилько я тоби передавала канхветивъ и всякыхъ ласощивъ? А ты онъ яка!

Палажка. Вже тоби якъ чого замарудытся,—неначе малій дытыни! Ну, вже пиду. (*Пишла у домокъ*).

Сохвія (*сама*). Скажу ёму прямо, що не можу безъ нёго жыты: нехай або свата, або такъ бере... Виддалы-жъ панъ першыхъ своихъ полюбовныць замижъ, нехай и мене виддадуть. Хроську виддалы за Грышку лакея, Хыму за кучера Карпушку, Лукерію за...

Ява 8-я.

Мокрына и Сохвія.

Мокрына (*хутко вбигла*). Сохвіе, що я чула, що я чула?..

Сохвія. Вы завжды почуете ось стилько, а наговорыте онъ скилько!..

Мокрына. Думаешъ, скажу тоби? А що, кортыть! Отъже ни за що не скажу!

Сохвія. И я вамъ не скажу.

Мокрына (*цикаво*). Про вищо? Невже й ты чула! видъ кого-жъ?

Сохвія. Що треба було, те й чула, а видъ кого—хиба не однаково?

Мокрына. Росплескалы вже! И бачыла? А мени, Господы, якъ кортыть побачыты... Давай побижымо та хочъ у викно зазырнемъ?

Сохвія. Куды побижымо?

Мокрына. До бабы Репыхы. Дытына тамъ!..

Сохвія. Дытына?

Мокрына. Не манижся, ты знаешъ и я знаю... Побижымо-жъ та хочъ глянемо!.. (*Потяла Сохвію*).

Палажка (*выходе*). Не насмила поклыкаты Юрка, постояла въ синяхъ трохы та й вернулася... Де-жъ це Сохвія? Чы не капостна дивка—втикла! Бачъ, яку дурочку зъ мене встругнула!.. Я-жъ тоби виддячу, постривай! (*Пишла*).

Ява 10-я.

Диброва и Юрко.

Диброва. Бачышъ, зновъ блукавъ десь ажъ трое день, схудъ та змарнивъ... И що въ тебе за натура така? Забривъ кудысь и байдуже ёму, що тутъ объ нимъ пеклуются... Сёгодня зовсимъ невдало гравъ на скрыпци: хапанына якась, а не грання, несповій, раптовисть... И смычкомъ нибы зовсимъ не твоя рука водыла... Чымъ мы передъ паномъ похвастаемо?

Юрко. Болыть моя душа, мозокъ болыть!.. Лыбонь я вже не людына, а манія!...

Диброва. Що таке? Це вже щось нове выгадуешъ!.. Чы не про волю зновъ почавъ марыты? Пожды, хлопче, потерпы..., Дасть Богъ, прыйде вона!..

Юрко. Ни, вже воли мени не диждаты!

Диброва. Чому-жъ то такъ?

Юрко. Колы сподиваются нашого пана до дому?

Диброва. Якъ не сёгодня, то завтра.

Юрко. Справди?

Диброва. Позавчора прыйшовъ лыстъ до управляющого, щобъ цымы днямы дожыдалысь.

Юрко. Такъ рантово?

Диброва. Пора ёму й вернутысь. Бильшъ пивъ-року якъ зъ дому выйихавъ,—можна изйиздыты свитъ вдовжъ и вповперекъ. Та що це зъ тобою?

Юрко. Осьдечкы вона, смерть моя, вже передъ моимы очыма!..

Диброва. Смерть?... Що це ты?..

Юрко. Не счувсь и не зоглянувсь я, якъ погыбель вхопыла вже мене за горло!..

Диброва. Чы ты не стерявся часомъ?

Юрко. Охъ, краще-бъ я стерявся, щобъ разомъ позбутысь всёго и все забуты!

Диброва. Ховаешся зъ чымсь видъ мене?

Юрко. Сховаюсь видъ людей, а чы сховаюсь видъ Бога? (*Ламае руки*). А—а!.. Та на мылость же Божу, рады усёго найсвятійшого, покажить мени людыну юныхъ литъ зъ палкымъ серцемъ, зъ чулою душею, людыну, котра, уздривши ваблыву красу дивочу, почувшы ридну душу, щобъ не закохалася на вики, до забуття, не вважаючы, чы ривня та краса ёму, чы ни? Покажить, благаю васъ, таку мени людыну, и тоди я—злочынець, харцызъ, песыголовець!..

Диброва (*жахнувся*). Такъ ось воно що? А я-жъ тебе скилько разивъ допытувавъ, скилько разивъ остерегавъ!

Юрко. Яка сыла на свити може остеретгы серце?

Диброва. И вона тебе коха?

Юрко. О, колы-бъ ни, було-бъ ще пивъ-горя! Колы-бъ не кохала, чы стала-бъ матирью?

Диброва. Якъ? Що таке?!..

Юрко. Вчора породыла сына!

Диброва. Та це-жъ... Що-жъ оце таке?

Юрко. Смерть моя, погыбель!.. Якъ бачыте, я стою на краю прырвы: назадъ ходу нема, прыходытся плыгать у бакету!..

Диброва. Остается одне: свитъ за очи.

Юрко. Я й пишовъ бувъ та, якъ бачыте, вернувся!..

Диброва. Треба ратуватысь якось!.. Ахъ ты-жъ, бидолага, бидолага!..

Юрко. Памьятаете той ментъ, якъ гравъ я зъ нею серенаду Шуберта? Памьятаете,—выйшовъ я тоди зъ хоромивъ, мовъ пьяный, мовъ зачарованый...

Диброва. Такъ, такъ!..

Юрко. Якъ тилько зустрився я уперше зъ ii поглядомъ, якъ тилько почувъ уперше ii промову, видтоди мовъ заморокомъ якымсь мене оповыло, мовъ выхремъ закрутыло мене.... Видтоди очи мои скризь шукалы тилько ii одну, одну тилько ii воны скризь бачылы, одну тилько ii й хотилы бачыты,—вона одна заступыла мени весь ридъ и весь мыръ... Думкы про неи одну заволодилы всiею моею истотою!.. Якось равъ писля сумнои безсоннои ночы, пишовъ я ранкомъ въ садъ и ставъ пробыраться въ гущыну, щобъ десь далеко видъ людськыхъ очей повыснуты на котрiйсь гиляци. Звернувшы зъ стежкы въ кущи, почувъ я—хтось голосно вымовывъ мое имня. Я зразу пизнавъ той дорогый, незабутнiй поклыкъ. Чую—клыче у-другe. Обернувся я и весь затремтивъ: вона, якъ янголъ, стояла передо-мною и такъ ласкаво та хороше дывылася мени въ вичи. Дали забалакала до мене такъ прывитно та чуло, немовъ ридна маты. Ото й почала мене роспытувать про отця, про неньку, про ридъ... Колы довидалась, що батько мiй померъ, промовыла: „а въ мене мама померла!“ Тутъ раптомъ очи мои залылысь слёзамы, и я, ры-

даючы, упавъ передъ нею навколюшкы... Вона пидвела мене, вытерла мои очи своею хусточкою и стала заспокоювать. Черезъ невелыку годыну сказала: „пора до дому!“ Мени звелила зостатысь и прыстояты трохы, щобъ хто не постеригъ... Ось вамъ початокъ мого талану, а край вы знаете. Теперъ вы бачыте, якый стоить передъ вамы выродокъ, бузувиръ!.. Никчемный пиднижокъ, негидный рабъ, червякъ мерзенный—видважывся закохатысь у панну и самъ вподобавсь панни!.. Та на вищо-жъ Господь давъ цёму рабови таке палке, таке-жъ чуле серце, якъ и вильній людыни?

Дыброва. „На вищо“?.. Вика, друже, мынають, якъ люде здіймаючы рукы до неба, пытають: „на вищо и за вищо? За чіи грихы й провыны?“ А видповидь, якъ кажуть: „все въ хмари гуде та на землю не йде“!...

Юрко (*махнувъ рукою*). „Симъ бидъ—одынъ одвитъ!“ Щожъ, нехай панъ прыйиздыть. Я волію прыйняты найтяжчу кару, я того заслужывъ и я мушу самъ у всимъ прызнатысь. Такъ прямо и скажу: „Пане! Хотилы вы выховаты зъ вашого пидданка щось надзвычайне, пророкувалы, що колысь той пидданокъ своимъ музыкальнымъ талановъ дывуватыме миръ и тымъ наддасть вамъ пыхы, але вы помылылысь. Пидданокъ вашъ здывуе васъ нечуваным злочынствомъ, винъ ужалыть васъ въ самисиньке серце!“...

Дыброва. Цыть! ты здуривъ, ошаливъ!.. А панна якъ?... Про ій соромъ ты байдуже?

Юрко. О, Боже мій!... Такъ, такъ, я ошалилый, я божевильный!.. Радьте-жъ, радьте мене, що мени подіяты?...

Ява 11.

Ти-жъ и Дося.

Дося. Юрку! Иды, тебе панночка клычуть.

Юрко. Справди?.. (*Зрадивъ*). Я ій ще побачу!... (*Хутко пишовъ*).

Дыброва (*самъ*). Якъ-же винъ мене стревожывъ!.. Та що-жъ я ёму поражу?... Охъ, горе, горе! глыбоке ты, якъ море,—тымъ таке й ненажерлыве!.. Треба щось вдіять. (*Пишовъ въ домокъ*).

Явa 12.

Сохвія (*идучы зъ саду*). Мокрына божылась, що панночка вже маты, але дытыны такъ-таки мы й не бачылы,—певно Репыха выховуе!.. Такъ ондечкы де вси думкы Юркови, а я марыла?.. Не судылось певно мени щастя, мабуть мене маты проплакала!...

Явa 13-я.

Сохвія и Вартоломей зъ хлопцямы.

Вартоломей. А, здрастуйте! якъ здоровьячко? Чы ще пидскакуете, скажемъ, Сохвіе та ще й Мыколаевно?.. (*До хлопцивъ*). Гетьте по своимъ мисцямъ! (*Хлопци пишлы*).

Сохвія. (*до Вартоломея*). Я маю до васъ дило.

Вартол. А-я до васъ. Выходыть дило на дило, якъ шапка на голову!... Ге-ге-ге!..

Сохвія. Колы пана сподиваются до дому?

Вартол. Ага, скучылы?

Сохвія. Ще-бъ не скучыла? За кымъ же мени й скучать?

Вартол. Тошно и хорменно по всій правыли. Ачъ, по всій вашій лыци такъ и выдко, якъ те скучання, неначе патёкамы по тенесахъ розповзлося: и сюды и туды... Але видъ скучання вы на мои очи ще покращалы,—велыка втиха буде панови, якъ побачать васъ.

Сохвія. А може воны знайшлы соби тамъ кращу?

Вартол. Де, у загряныци? Та въ свити нема такои, якъ вы! Вы, сказать прямо, первосортня фыгура!.. Слухайте, Сохвіе, скажемъ ще й Мыколаевно! Якъ панъ прыйидуть,—будь ласка, попрохайте у ныхъ, щобъ подарувалы мени дубкивъ десятка зо два на сволокы до новои хаты. Скажить, що, мовлявъ, Вартоломей такъ старается, такъ старается!.. Якъ воны теперъ до васъ залають, то все за для васъ зроблять.

Сохвія. А якъ я не зумію выпрохаты?

Вартол. Хто, вы? Якъ вы не зуміете, то хто-жъ у насъ зуміе? Управляющый ще въ суботу видобравъ лыста, що панъ мають отъ-отъ прыбуты; на мою думку воны не сёгодня, то завтра въ-ранци прыбудуть.

Сохвія. Хотила-бъ я пойихаты имъ назустричъ?

Вартол. Невже? Отъ ловко вы прыдумалы!.. Иидьте, ій-Богу, йидьте!.. Ондечкы, якъ-разъ кони запрягають, котри идуть на пидставу панови; заразъ и йидьте. Не забудьте-жъ про дубкы. Скажить: такъ Вартоломей старается, такъ старается!..

Сохвія. Такъ я пойиду. (*Иде до конюшни*).

Вартол. Стійте, не такъ! Давайте руку. (*Сохвія дае*). И другу. (*Хутко цилуе ій руки*). Ось якъ треба!

Сохвія (*вырыва руки*). Що це вы, дядьку, зъ якои речи?.. Не треба!

Вартол. А я кажу, що треба. Скажете, що я не почытую васъ? Я цилую ручку тилько панови нашому, попови та попади, якъ и бухветчыкъ нашъ; а я, якъ бачыте, ще й вамъ. Ну, й краса-жъ вы,—прямо малёвана-писана!...

Сохвія. Годи вамъ улещатысь...

Вартол. Глядить-же, попрохайте за дубкы. Скажить: такъ Вартоломей старается, такъ старается...

Сохвія. Скажу, скажу. (*Пишла*).

Вартол. Якъ прыдывывся я до неи гарненько, такъ вона зовсимъ выходыть дивка хвасоныста!.. Мовлявъ, хочъ кому оскомыну зибье!..

Явa 14-я.

Якивъ и Вартоломей.

Якивъ. Слухай ты, котолупе! На вищо ото ты Степанового хлопчыну, Хведьку, такъ одшмагавъ, що ажъ кровъ позакипала?

Вартол. За дило. Ежелы когда загадаю тоби яку службу, такъ ты сповняй ій по всій хворменій правыли.

Якивъ. И тоби не грихъ отакъ знущатысь?

Вартол. Ты мени не пипъ и не дякъ, то й не тоби я сповидатымусь.

Якивъ. Воно-жъ дытя ще. А колы-бъ твого хлопця такъ сполосуваты?

Вартол. Чого ты оце уйидаешся?

Якивъ. Такъ спысавъ, що й прысисты хлопець не може...

Вартол. Нехай телятъ не пуска въ шкоду.

Якивъ. Не одынъ-же винъ пасе,—ихъ тамъ ажъ трое... Такъ тимъ двомъ ничого, а все на одному окошылось?

Вартол. Мени николы розбираты, хто зъ ныхъ бильшъ выненъ, я видшмагавъ того, на котрого моя думка впала; той выненъ, котрого першого мое око постерегло.

Якивъ. Але-жъ панъ не дозволывъ тоби такъ катувать?

Вартол. А ты спытай пана, якъ прыйиде, чы дозволывъ?

Якивъ. И спытаю!

Вартол. Спытай, спытай! Може звелять мени спысаты той опытъ на твоій спыни.

Якивъ. Нехай звелять,—не первына.

Вартол. Охъ, и постараюсь-же я спысать,—я вже добре насталывъ на тебе зубы!

Якивъ. Гей, Вартоломею, людойиде! Забруднывъ ты душу твою крывдою велыкою; схаменысь, чоловиче, бо буде тоби лыхо!

Вартол. Що ты мене полохаешъ? Що ты почавъ мени акахвысты чытать? Геть!..

Якивъ. Ховатымешъ ты колысь видъ людей очи!..

Вартол. Я панськый наказъ сповняю по всій хворменній правыли. Ты мене волею полохаешъ? Не буде воли!.. Та скоришъ у мене на долони волося выросте!..

Якивъ. Згадаю я тоби тоди вси смугы, котри ты позначывъ на моимъ тили,—воны у мене вси переличени й закарбовани; поставлю я ихъ тоби передъ очыма, якъ свичы!..

Вартол. Мени на все оте, що ты белькочешъ, наплювать! Отъ ыродъ, прычепывся. И колы ты, сатано, дійдешъ до розуму?

Якивъ. Якъ до такого, якъ у тебе, то не варто и доходыты.

Вартол. Який-же у мене розумъ?

Якивъ. Базарный!..

Вартол. Мелы, бисе,—чортъ тебе второпа!.. Та другый-бы на твоему мисци, бувшы такымъ майстромъ, що и чоботы пошыешъ и ботыкы, та ще трохы й грамоты утнешъ, такъ винъ онъ-якъ старався-бъ догодыты панови... Скилько разивъ и панъ казалы: „колы-бъ Яшка не пьянствувавъ, то я его озолотывъ-бы!..“

Якивъ. Нехай-бы тебе панъ озолотывъ, хочь до пупа, а дали посеребрывъ—ловкый выйшовъ бы болванъ!

Вартол. Самъ ты болванъ! Правдывый сатана—ыдолъ! Тьфу! (*Пишовъ*).

Якивъ. Якъ земля тилько держыть отакого гаспыда! (*Пишовъ у другый бикъ*).

Ява 15-я.

Юрко (*йдучы зъ хоромивъ*). Сердешна Орыся,—якъ тинь!.. Каже, щобъ я швыдче ишовъ зъ села, а куды я пиду? Воливъ-бы я краще загынуты тутъ, биля неи!.. Та куды-жъ мени прямувать? Цилкомъ замороченый я!..

Диброва (*у викни*). Юрку! я тебе жду!

Юрко. Га? Хто мене?.. А, це вы, Петро Петровычъ? (*Пишовъ въ домокъ*).

Ява 16-я.

Вартол. (*выходе зъ людськои, зъ полумыскомъ и ложкою*). Оце такъ галушечкы. Тутъ лыбонь йистымется ще смачнишъ, нижъ у хати; тутъ, сказать, и воздухы и не вйидаются мухы. (*Йисть*). У литку николы не зйисы до путя въ хати, а на двори краще йистся. (*Йисть*). Чы далеко-жъ то Сонька зустрине пана? Колы-бъ выпрохала у пана дубкы. Куховарко! А всыпь мени ще.

Ява 17-я.

Мокрына (*выходе зъ людьскои*). Невже ще йистымете? Пьятый полумысокъ? (*Пишла*).

Вартол. Хто багато робе, той багато и йисть. Всыпъ, всыпъ. А юшка яка смашна, що ажъ ложку хочется облызать. Ба такы й облыжу. (*Лыже ложку*).

Ява 18-я.

Якивъ, Вартоломей, потимъ Прохоръ.

Якивъ. Ты мыстець и ложкы лызать, а я думавъ, що тилько тарилкы?

Вартол. Чого прылизъ? Дай, рады Бога, хочъ пойисты до-путя.

Якивъ. А хиба мени не треба вечеряты? Трискай, трискай!..

Прохоръ (*подае Вартоломееви пляшку*). Пожалуйте.

Вартол. Справный ты, Прохоре! Тебе-бъ тилько за горилкою й посылать.

Прохоръ. Ге, що вы думаете? Горилка—це найкращый кинь, безъ батога везе!..

Вартол. (*Выпывъ*). На-жъ й тоби чарку! (*Дае*).

Прохоръ. Горилыця—мученыця! (*Выпывъ*). Нистеметна жывыця,—такъ все въ середыни й зворушыла. (*Почына йисты*).

Вартол. (*до Якова*). Може й тебе почастувать?

Якивъ (*сплёвуе*). Не частувавъ рапищъ, не частуватымешъ и до вику!

Вартол. Невже не диждусь такои чести?

Якивъ. Щобъ ты знавъ.

Вартол. (*пидносе*). Та ну вже, пый!

Прохоръ. Пый-бо, Якове! И чого-бъ ото я куражывся?

Вартол. Пый, кажу!

Якивъ. Колы такъ прылыпаешъ, то давай я самъ себе почастую.

Вартол. Ни, пый зъ моихъ рукъ

Якивъ. Не пытыму!

Прохоръ. И ненавыдю я, колы людына почне пышатысь, мовъ свыня на мотузци!..

Вартол. Ну на, почастуйся самъ.

Якивъ. Будьмо здорови! (*Взявъ пляшку и вылывъ зъ неи горилку до долу*).

Прохоръ. Глянь, сказывся чоловикъ!

Вартол. Виддай сюды!

Прохоръ. Дай, краще я допью! Грихъ розлывать горилку,—вона-жъ зъ хлиба святого!..

Якивъ (*виддае пляшку*). На, вылыжы подонкы!

Прохоръ (*бере пляшку*). Першъ, Якове, я тебе мавъ за розумного, ажъ бачу що ты адіётъ!.. Пысаный адіётъ!..

Якивъ. Бачывъ, Вартоломею, якый я? (*Пишовъ*).

Вартол. Но всій хворменій правыли марзавець!..

Прохоръ. Ось трошкы въ ямку набигло. (*Прыпада и пье*).

Вартол. Ну й ты свыняка, зъ калюжи прямо хлебчешъ?

Прохоръ. Воно ничого... Земля свята, а морду можна обмыть,—на вищо-жъ добро пропадатыме? Отъ и шабашъ. А теперъ пиду вмыюсь. (*Пишовъ*).

Вартол. Яки йе люде ненажерлыви!.. Куховарко! А всыпъ мени ще галушокъ. (*Мокрына взяла мыску*). Неначе й найився, а ще кортыть. (*Мокрына подае*). Ловка страва-галушкы!.. (*Мокрына пишла*).

Явa 19-я.

Юрко и Диброва.

Диброва. Ховай-же краще документъ и зъ Богомъ въ путь. Теперь ты вже не Юрко, а отставный Губернскый Регыстраторъ Петръ Петровичъ Диброва. Тилько не забудь казаты, що тоби 25 годивъ. Цыфру чотыри я переправывъ на два, а пьять пилкъ не переправышъ на едыныцю, або й на тры.

Юрко. То це прыходыться брехнею жыть?

Диброва. А що-жъ: „не можна черезъ тынъ—лизь по-пидъ тынъ". Мени документа не треба, Богъ и безъ нёго скоро вже мене прыйме...

Юрко. Господь зъ вамы, що це вы кажете?

Диброва. Правду, хлопче, кажу... Не гай часу. Та грошей даремно не розцвындрюй.

Юрко. Чымъ я вамъ за вашу ласку виддячу?

Диброва. Згадаешъ добрымъ словомъ, отъ и виддяка. Якъ дійдешъ до чужого села, наймай пидводу до Днипра, а за Днипромъ въ Херсонщыну та Катерынославщыни прыстроишся десь въ оркестръ и жытымешъ, якъ и люде!.. Иды!

Юрко. Прощайте! (*До хоромивъ*). Прощай, моя свята мученыце, моя скрухо!..

Вартол. (*до Юрка*). А куды ты, Юрку? Зновъ у байбузы?

Юрко (*здригнувъ*). Вартоломей?

Диброва (*до Вартоломея*). Оце вже не твое дило. Я маю право посылать своихъ ученыкывъ, куды схочу. (*Юрко пишовъ*).

Вартол. Та звисно... Я не то що, а...

Диброва. Ото-жъ и по розмови!.. (*Пишовъ въ домокъ*).

Вартол. Не хоче капальмейстеръ зо мною прыятылювать и проты бухветчыка надыма губу.. Ну, та якъ ты до насъ не дуже, то намъ на тебе хочъ и наплювать!.. (*Дойшовъ*). Ажъ ось колы неначе вдовольнывся. Куховарко, визьмы посудыну. (*Мокрына взяла*). Теперъ хочъ и до дому довидатысь, мабуть и жинка чогось зварыла на вечерю... Доки дійду, воно тамъ у середыны утрусыться, такъ йиство на йиство не завадыть. (*Пишовъ*).

Мокрына (*сама*). Чортивъ кабанюка, цилисенькый день триска та горлянку дере!.. Перемыю хутчій посуду та збигаю до Ренышынои хаты. (*Пишла въ хату. Хвылыну нема никого на жону*).

Ява 20-я.

Петро (*Верхы выйиздыть на двиръ*). Гей, чы чуете, челядынци й скарбовыкы! Мерщій сходьтесь, збирайтесь, панъ йидутъ, панъ йидутъ!.. Збирайтесь вси!.. (*Чутно дзвинкы й бубенчыкы, стукъ колесъ*).

Вартол. (*бижыть засапавшысь*). Що тутъ за гвалтъ?

Петро. Чуете-жъ, панъ йидутъ!

Вартол. Та невже? Отъ тоби и повечерявъ у друге!.. (*Крычыть и метушыться*). Гей, вы! Чы вси вы на своихъ мисцяхъ?.. Чому биля воритъ хвынари не засвичени? Я-жъ казавъ, я-жъ наказувавъ... Що за народъ бузувирный!.. Прохоре, де ты? Забувъ свое дило? Хвынари!..

Прохоръ. Не забувъ, а несподивано!.. (*Побигъ*).

Вартол. Хай въ хоромахъ свитять свитло!.. Де повари, лакеи?.. (*На бикъ*). А бухветчыкъ, лыбонь, у попа въ гостяхъ? Треба за нымъ послать... Гей, самувари ставляйте!.. А-ну жыво, хутко!.. Не грымны на васъ, не тюкны, то и вухомъ не поворухнете!.. Тилько жрать вамъ, та бокы видлежуваты!.. Я-жъ вамъ казавъ, я-жъ вамъ наказувавъ!.. Старалыся-бъ такъ, якъ я що-дня стараюсь!..

Ява 21-я.

Пидгайный и Вартоломей.

Пидгайн. (*зъ хоромивъ*). Гей, Вартоломею!..

Вартол. Чы ба, панъ вже й дома!.. Тутъ пане. Здравія желаемъ! (*Уклонывся и поцилувавъ руку*).

Пидгайн. Порядкуешъ?

Вартол. Такъ тошно!.. Стараюсь, щобъ все по хвормений какуратности!..

Пидгайн. Де управляющый?

Вартол. Позавчора пойихалы на ярмарокъ,—казалы, що якъ не въ недилю, то въ понедилокъ вернутся.

Пидгайн. Въ хозяйстви все благополучно?

Вартол. Слава Господеви! Такъ вже все благополучно, якъ краще й не треба.

Пидгайн. А въ дому якъ?

Вартол. По всій хворменій правыли...

Пидгайн. Гей, нянько! Позвать мени няньку!

Ява 22-я.

Ти-жъ и Нянька

Нянька. Я тутъ, ваша мылость! (*Тымъ часомъ сходятся двирськи, кланяются, цилуютъ Пидгайному руку*).

Пидгайн. Де панна? Невже такъ рано лягла спаты? чы може... въ гости куды пойихала?

Нянька. Ни, воны дома...

Ява 23-я.

Ти-жъ и Диброва.

Диброва (*зъявляется на ганку*) Арыстархъ Рафаиловычъ прыйихавъ!.. (*Тремтыть*).

Нянька. Воны трошкы нездужаютъ.

Пидгайн. Якъ?.. Ну, стара кочерго! ты мени одвитъ дасы за все! Ковальскымы щыпцямы звелю тоби останни зубы повысмыкуваты.

Ява 24-я.

Ти-жъ и Орыся.

Орыся (*пересылюе себе*). А, татусь, зъ щаслывымъ поворотомъ... А я гуляла въ саду, чую—якыйсь лементъ.

Пидгайн. Здравствуй, здравствуй, моя пташко, моя провынціалочко!.. Якъ же ты тутъ безъ мене? Чого неначе млява?

Орыся. Отъ, выгадкы!.. Пропасныця трусыла, теперъ кынула... (*Цилуется*).

Пидгайн. Що-жъ, посылала за ликаремъ?

Орыся. Ни... Писля трёхъ пароксызмивъ перестала трусыть.

Нянька (*на бикъ*). Сердешна, ледве на ногахъ стоить.

Орыся. Я така рада, що вы прыйихалы, що хочъ и зразъ пишла-бъ у танець.

Пидгайн. Справди? (*цилуе іи и голубыть*). А мени сказалы...

Орыся (*тревожно*). Що?

Пидгайн. Але-жъ я теперъ цилкомъ заспокоився... Радію, втихо моя, моя лялечко, що ты не хвора... Та яка-жъ ты гарненька. Нянько! скоришъ мени чаю.

Нянька (*иде шепочучы*). Боже, змылуйся надъ намы!

Пидгайн. Ну, моя провинціалочко! Замисць танцивъ я за чаемъ хочу послухаты твое грання... Я багато прывизъ тоби новыхъ нотъ.

Орыся. Гаразды, заграю.

Пидгайн. Прывизъ тоби ще одну новыну. (*До людей*). Идить по своихъ мисцяхъ. (*Люде пишлы*). Мы, серденько, на зблыженни велыкои реформы.

Орыся. Я чытала де-що...

Пидгайн. Треба намъ зважыты и обмиркуваты ти видносыны, въ яки незабаромъ мусымо статы въ тымы, котрыхъ до цёго часу жыття и смерть въ нашій влади, въ нашій воли, треба выробыты таки умовы, котри-бъ допомоглы намъ не опынытысь раптомъ въ безвыходнимъ и фальшывимъ становыщи.

Орыся. Найкраще заздалегидь проявыты людскисть и мылосердіе.

Пидгайн. Такъ, такъ... Гей, Вартоломею!

Вартол. (*зъявляется*). Я тутъ, пане.

Пидгайн. Тутъ повынна бугы у подвирьи Сохвія.

Вартол. Такъ тошно, воны тутъ.

Пидгайн. Нехай иде зъ двору... Ни, посадовы іи въ лёхъ!

Вартол. Сохвію, стало быть?.. Мыкола...

Пидгайн. Я по двичи не загадую!

Вартол. Слухаю, пане. (*На бикъ*). Отъ тоби и дубкы!.. (*Пишовъ*).

Пидгайн. Та заразъ поклычъ до мене Юрка.

Диброва (*скрыкнувъ*). Юрка? Ахъ! (*Захытався и впавъ*).

Орыся (*зъ лякомъ*). Боже мій!..

Пидгайн. Що, що таке?

Орыся. Не знаю... Тамъ, Петро Петровычъ...

Пидгайн. Що тамъ трапылось?

Прохоръ (*пидбигъ до Дибровы*). Погане дило, пане. Господынъ капольмейсторъ...

Пидгайн. (*хутко иде до домка*). Що зъ вамы, Петро Петровычъ? Розступитесь, дайте витру... (*Пидійма Диброву зъ Прохоромъ, Орыся и двирськи навкругы*).

Диброва (*ледве промовля*). Слава Богу, що диждавъ... Прыйихалы... Життя мене покыдае... Путь пройдено... Наставъ финалъ... А Юрка... Его я послявъ по ликаря,—не гнивайтесь...

Пидгайн. Вы малы на те право, за вищо-жъ гниватысь.

Диброва. Спизнытся ликарь... Арыстархъ Рафаиловычъ, простить... не догодывъ...

Пидгайн. Я завжды бувъ вамы довольный.

Диброва. Свитъ въ очахъ гасне... Де панна Орыся?.. Не бачу...

Орыся (*пидходе*). Я тутъ, Петро Петровычъ.

Диброва. Вповайте на Бога... Арыстархъ Рафаиловычъ, Юрко... Талантъ надзвычайный... Рады таланта, Богомъ заклынаю... Талантъ... (*Помырае*).

Пидгайн. Перомъ тоби земля, невтомный робитныку... Однесить-же небижчыка въ кимнату та прыберить его въ Божу дорогу. Вартоломею! Заразъ послать до попа, щобъ ударывъ у дзвинъ по помершому; дякъ щобъ заразъ ишовъ чытаты псалтыря. Скажы, щобъ трое день по селу не чутно було ни спививъ, ни танцивъ, бо це преставылась правдыва и щыра душа!.. (*Иде*).

Орыся (*падае батькови на плече*). Охъ, я слизъ здержаты не можу!...

Пидгайн. Поплачъ, поплачъ... Винъ стоить того, щобъ его оплакаты!..

Зависа.

ДІЯ 3-я.

Садъ. Зъ правого боку бесидка густо заросла виноградомъ, по середыни тополева доріжка, зъ лівого боку на першимъ плану прычилокъ панського будынку. Внызу у подвальнимъ этажи невелыке виконце зъ зализнымы граткамы.

Ява 1-я.

Сохвія, Палажка и Хлопець.

Сохвія (*у викни*). Бигай та скажы моій сестри Присьци, що я вже четвертый день сыжу въ лёху замкнена.

Хлопець. Заразъ побижу. (*Побигъ*).

Сохвія. Невже Мокрына мени набрехала про панночку? За вищо-жъ вона пидвела мене пидъ панській гнивъ? Пиды, роспытай ій, Палазю!

Палажка. Не пиду. Годи вже тоби зъ мене дурочку строить, не пиду!

Сохвія. Кажу-жъ тоби, що такъ любо панъ зо мною розмовлявъ, якъ зустрила я ёго на велыкимъ шляху, такъ прыгортавъ, цилувавъ, мылувавъ!.. Теперъ мене закынуто въ лёхъ, якъ злодійку, або душогубку!..

Палажка. Ось до речи, Якивъ иде,—ёго попрохай; а мене бильшъ и не клычъ до себе, не згожусь я тоби ни на яку посслугу, бо боюсь!.. Прощай! (*Побигла*).

Ява 2-я.

Якивъ и Сохвія.

Якивъ (*пидходе до викна*). Сыдышъ пташко-кынарко? А чому-жъ голосно не спиваешъ? Мене тежъ позавчора посадовылы, потимъ ослобонылы. Ослобонылы и не былы,—отъ такъ штука! Вартоломей и лозы намочывъ, и зубамы скрыпивъ... Що-жъ воно оце означа, що завжды былы, а теперъ не бьють? Загадка, та ще и не проста! А тебе за вищо держать?

Сохвія. Не знаю, мени зовсимъ не втямкы!

Якивъ. А я тоби скажу за вищо: панська ласка до порога, розумієшъ? Сёгодня ты люба, а завтра геть зъ очей!.. Вчора капольмейстора поховалы,—чула? Пивчи спивалы, музыкы гралы... Вси булы зодягнени въ чорне, брузументы... Сумно, такъ сумно було!.. Пивчи и музыкы плакалы, зъ двирськыхъ де-хто тежъ плакавъ... А спытай, чого воны плачуть? Неначе на цимъ свити краще, чы що? Я не плакавъ, не змигъ... Ще видтоди, якъ виддалы мене въ обученіе у городъ, такъ ще видтоди выбыто зъ мене вси слёзы. Дома я бувъ у матери одынчыкъ, пестованый; а хозяинъ попався мени катюга! Охъ, скилько винъ сылы зъ мене взявъ, ажъ страшно згадать!.. Мене двичи зъ петли вырятовувалы... Спасыби, одынъ пидмайстерный навчывъ. Каже: „выпый, Яшка, и не буде такъ бійка дошкулять!“ Зъ того разу я почавъ пыть, зъ чотырнадцяты литъ пью... Чымъ бильшъ мене хозяинъ бывъ, тымъ бильшъ я пывъ. Вернувся я зъ обученія и думавъ покынуть горилку, ажъ и тутъ за грубыянство мене зразу выхворостылы такъ, що зъ мисяць прокачався... Видтоди я що дня залываю за галстукъ. Давно залываю; мене бьють, деруть, а я залываю за галстукъ!.. А теперъ ни вчора, ни позавчора мене не былы. Правда загадка?

Сохвія. А панъ вчора бувъ на кладовыщи?

Якивъ. Бувъ. Такый сумный!.. Помремъ вси... И я помру, и панъ помре!.. Може панъ того и сумовавъ?.. Сумуй не сумуй, а не одвертышся. Я згоденъ хочъ и заразъ рукы скласты. Нема мени кого покыдаты, нема за кымъ и жалкуваты... И за мною нихто не пожалкуе. Стало буть кругомъ квытъ. Тилько одна думка ще цикавыть мене: що буде, якъ люде й справди диждутся воли? Подуріють, показятся!.. Хотивъ-бы я хочъ одынъ день дыхнуты волею, а тоди вже и вмерты!..

Сохвія. Вы чулы про панночкынъ грихъ?

Якивъ. Про якый грихъ?

Сохвія. Невже вы ничого не чулы?

Якивъ. Ни!..

Сохвія. А панна не хвора?

Якивъ. Здоровисенька,—сёгодня ій бачывъ. Правда що вчора на кладовыщи ій не було...

Сохвія. Де заразъ панъ?

Якивъ. Пойихавъ до кого-сь у гости, ще вчора на ничъ.

Сохвія. Якове, зробить мени одну ласку, я знаю—у васъ щыра душа!..

Якивъ? Горе мени зъ тією душою. Отъ колы-бъ мени Вартоломеева душа.

Сохвія. Зробыте?

Якивъ. Зроблю дви, або й тры. Кажы, яку?

Сохвія. Мени треба бачыты бабу Репыху. Нате вамъ ось карбованця, виднесить Репыси и скажить, щобъ заразъ прыйшла сюды.

Якивъ. Чы ты не чарувать часомъ задумала пана? Я не згоджуюсь на таку послугу. Правдою все зроблю, а брехнекы ни. Мій вхвалъ такый: по правди робы, по правди й очи вылизуть.

Сохвія. Бороны мене Боже, чаруваты!.. Ни, мени треба правды довидатысь про одне дило.

Якивъ. Гляды, не обдуры мене. Пиду и заразъ прытаскаю тоби Репыху. Слухай, Сохвіе! Ты може хочешъ втикты, такъ я тоби и безъ бабы дамъ пораду: сокыра, або терпугъ—и на воли!

Сохвія. Спершу треба зъ бабою порадытысь!

Якивъ. Якъ знаешъ. А я тоби и шляхъ покажу, куды и якъ втикаты. Ну, пиду по бабу. (*Взявъ карбованця и пишовъ*).

Ява 3-я.

Дося (*иде черезъ садъ*). Що це и доси не выдко Репыхы? Видколы панночка ій дожидають... Може дытя заслабло? Якъ на голкахъ мы зъ нянькою день и ничъ. И колы цёму край буде?

Сохвія. Здрастуй, Досю!

Д о с я. Цуръ тоби, якъ злякала!

С о х в і я. Пидійды блыжче.

Д о с я. Чого?

С о х в і я. Боишся?

Д о с я. Кого?

С о х в і я. Вартоломея.

Д о с я. Ну, це ще хто ёго зна, хто тутъ старшый—чы Вартоломей, чы мій дядько бухветчыкъ?

С о х в і я. Чы вже панъ довидався про панночкынъ грихъ?

Д о с я. Про якый грихъ? Слухай, Сохвіе! Я тоби не титка Мокрына,—отъ що. У мене языкъ коротчый... Може бувъ грихъ, а теперъ ёго нема!

С о х в і я. Хиба панночка задавыла дытыну?

Д о с я. Тыпать тоби ца языка, бешыха тоби на мордяку!.. Ачъ, зъ якого краю забигла!.. (*Хутко пишла*).

С о х в і я. Ага!.. Йе грихъ, йе!..

Я в а 4-я.

Вартоломей и Сохвія.

В а р т о л. Такъ онъ яка новына: Юрко втикъ! Я таки завжды, якъ гляну було на нёго, заразъ такъ и подумаю: втиче! И отъ на мое и выйшло!

С о х в і я. Вартоломею!

В а р т о л. А дали якъ? (*Одвертается*).

С о х в і я. Це вы такъ зо мною поводытесь?

В а р т о л. А ты-жъ хто така? (*Дывыться*). А, я й не пизнавъ вашого свынательства, выбачайте!.. (*Кланяется*). Така прымитна парсона, а я й шапкы не знявъ... Ще разъ выбачайте!

С о х в і я. Такои чести диждалысь?

В а р т о л. Кому честь, а кому й по потылыци. Я ій рукы цилувавъ, а вона онъ якъ мени виддячыла!.. Що ты таке панови наплела, що воны тебе зненавыдилы,—га? Дубкы выпрохала? я тебе теперъ тежъ ненавыжу!.. Я тоби дубкивъ по викъ не забуду!..

Сохвія. Воно мабуть и завжды такъ, що пры лыхій годыни й прыятели стають ворогамы!..

Вартол. Ну-ну, ты мени такого не кажы!.. Докы ты була пановою полюбовныцею, доты я тебе й почытувавъ, а теперъ якъ ты панови спротывылась, то й я тобою гыдую, по всій хворменій правыли гыдую!.. Ось постривай, завтра мы тебе зодягнемо у пистреву спидныцю та въ лычакы, обмажемо косу смолою, ще й пирьямъ прысыплемо, якъ колысь Присьци, та й гайда на хутиръ гындычатъ та гусятъ доглядаты.

Сохвія. Та швыдчъ удавлюсь, нижъ дамся на знущання!.. Не диждете!..

Вартол. Побачымо. Будуть тоби дубкы не разъ гыкатысь! (*Пишовъ*).

Сохвія. О, ыроде, выпортку чортячый!

Ява 6-я.

Якивъ, згодомъ Репыха.

Якивъ. Сохвіе, плачешъ?

Сохвія. Не до плачу мени. Де баба Репыха?

Якивъ. А я, Сохвіе, выпывъ... Осьдечкы и видьма повзе.

Репыха (*Выходе*). Самъ ты видьмакъ.

Якивъ. Дывы, дывы, якъ очи вырячыла!.. Хочешъ мене стрискаты? Чортового батька, вгрызешъ!..

Репыха. Скаженымъ бувъ змалку, такимъ зостався и до останку.

Якивъ. Я не гадючого кодла, то-жъ гадюка миняе шкуру... Пиду бунтовать!.. Бый шкуру барабанную, на те вона и шкура! Пидмочуй та дужчъ выколочуй!.. (*Пишовъ*).

Репыха (*Сохвіи*). Це-жъ за вищо на тебе напасть? Була полюбовныцею, теперъ стала колодныцею?..

Сохвія. Лыхо не по деревахъ ходыть, а по людяхъ... Рятуйте мене, бабусю!

Репыха. У чымъ-же ты провыныла?

Сохвія. Скажете вы мени правду?

Репыха. Чы людську правду, чы Божу? У котрій хати правда стоить за порогомъ, тамъ ій и на языци нема мисця... Божу-жъ правду кажуть тилько одному Богови...

Сохвія. Мени вы скажете правду?

Репыха. Яку зручно, таку й скажу.

Сохвія. Скажить мени про панночкынъ грихъ.

Репыха (*жахнулась*). Якый грихъ?

Сохвія. Де панночкына дытына?

Репыха. Ты певно збожеволила? Цуръ тоби, пекъ!.. Тикаты видъ тебе мерщій!..

Сохвія. Ага, ховаете очи?.. Мокрына казала!..

Репыха. Бодай Мокрыни послипыло!.. Брехня, симсотъ-десять сотъ разъ брехня!..

Сохвія. Докажу я, на всихъ докажу, не выховаетесь!..

Репыха. Навиженна, непрыторена!.. На тоби твого карбованця, хай ему врагъ! Брехня, симсотъ-десять сотъ разъ брехня! (*Кынула въ викно гроши и пишла*).

Сохвія. Йе, йе грихъ,—я певна въ тимъ!.. Швыдчъ вызволытысь треба зъ лёху!..

Ява 8-я.

Прохоръ и Сохвія.

Прохоръ (*Подае въ викно Сохвіи пырига*) На! Сестра прыслала тоби пырога, тилько никому не кажы, що я прынисъ,—чуешъ?

Сохвія. Дядьку Прохоре! Чы памьятаете вы, що я була до васъ доброю?

Прохоръ. Памьятаю и николы не забуду. Добра я николы не забувавъ. Ты завжды мене частувала... молодця!

Сохвія. Я дамъ вамъ пять карбованцивъ, ось нате карбованця на завдатокъ. (*Дае*).

Прохоръ. (*Дывыться на гроши*). Справди, карбованець.

Сохвія. Допоможить мени утикты звидци.

Прохоръ. Хи!.. (*Ажъ прысивъ зо страху*) Втикты? Таке страшне кажешъ.. Пять карбованцивъ дасы?

Сохвія. Прынесить мени сокыру, або терпуга.

Прохоръ. Я прынесу сокыру, або терпуга, а ты вызволышся, потимъ якъ тебе уніймають—выкажешъ на мене?

Сохвія. Щобъ я не диждала святого прычастя, щобъ мене земля не прыняла, колы выкажу!..

Прохоръ. Дасы, кажешъ, ще пять карбованцивъ, чы зъ оцымъ пьять?

Сохвія. Дамъ шисть ще!..

Прохоръ. Ого! Колы такъ,—стій!.. Я заразъ прынесу и сокыру и терпуга!.. Та якъ же ты втечешъ? Я цилый викъ збираюсь у бигà и вже скилькы разивъ зовсимъ бувъ зибрався, а отъ ни разу не втикъ. Якъ люде втикалы, дакъ и мене що-разý пидмовлялы, а я такы не втикъ... Разъ умовылы такы, й я зайшовъ зъ нымы ажъ за село... Колы це раптомъ неначе що поперебывало мени ногы, ей-ей!.. Не можу зъ мисця ступыты!.. Чы не штука—скажешъ? Упавъ на шляхъ та й кажу: що хочте робить зо мною, а дали не пиду. Воны вылаялы мене гарненько, ще й быть хотилы, та не було часу... Воны пишлы, а я полежавъ-полежавъ на шляху та якъ схоплюсь, акъ дремену назадъ, въ село!.. Отаке бува зъ людыною!.. Гляды-жъ—симъ цилковыхъ!.. (*Пишовъ*).

Сохвія. Вызволюсь и всихъ выведу на свижу воду!.. И Вартоломееви утру носа.

Ява 9-я.

Репыха и Орыся (проходятъ въ бесидку).

Репыха. Кажу-жъ вамъ, що такъ и галаснула „докажу, на всихъ докажу!“..

Орыся. Що, жъ, нехай доказуе... Не сёгодня—завтра выявытся... Бабусю! Якъ тилько смеркне, прынесы мени сына; якъ я ёго не бачу, то мени вмыкается, нибы винъ померъ, або занедужавъ...

Репыха. Не бійтесь, жывисенькый-здоровисенькый!..

Орыся. Я хочу ёго бачыты. Зъ учорашнёго вечора не бачыла ёго и скучыла,—прынесы!..

Р е п ы х а. Охъ, лыбонь слидкують вже де-котри.

О р ы с я. Що буде, то буде—прынесы! Я не можу такъ довго ёго не бачыты!..

Р е п ы х а. Ваша воля... Зустричайте жъ насъ въ кинци дорожкы, на мистку! (*Пишла*).

О р ы с я. (*Сама*) Ни, треба все це скинчыть и якъ найскорищъ: я мушу все выявыты отцеви—нехай судыть мене... Дали терпиты нестача здоровья... Надломалысь мои сылы, знемоглась я, знервнычалась... Де-жъ сылъ визьму для боротьбы зъ тымъ, що попереду мене чека?.. Може отець вже догадуется, може и винъ мучытся?.. О, певно! Учора обмовывся: „якъ-бы, каже, було тому правда, що мени про тебе набрехалы“.. И такъ страшно и жалибно глянувъ на мене!.. Догадуется, певно догадуется!.. Ну, що-жъ, нехай!.. Колы-бъ Репыха швыдче прынесла сына; мій сынъ буде зо мною и я зразу оздоровшаю, и страхъ, и соромъ одлыне видъ думокъ... Що я вчыныла соромлывого, що вдіяла страшного?.. Хиба серцемъ любыть грихъ, хиба серцемъ любыть соромъ?.. Ни, я не гришна! ни, я не преступна... Тилько покохала я не ривню, и хиба въ тимъ мій соромъ, хиба въ тимъ мій грихъ?.. Чый судъ справедлывищый и чьёго суда я повынна страшытысь—людського, чы Божого? Я-жъ не задавыла мого дытяты и не струила, и не видреклась я видъ нёго, и не кынула ёго въ прырву, якъ слипе щеня!.. Бога-жъ я тымъ не прогнывыла!.. А людськый судъ?.. Нехай люде судять, нехай отець мене судыть,—Богъ за мене! Ухылятысь и выховуватысь дали нема змогы!.. Я повынна швыдчъ прызнатысь, щобъ жыты вкупи зъ сыномъ, рады сына!.. Йе ще у мене тяжкый обовьязокъ: я мушу Юрка оборонты видъ отця,—надъ нымъ отець може проявыты свою владу въ страшенній сылы!... Ось передъ чымъ я обезсылюю, падаю духомъ... А може отець пожаліе мене, пожаліе мого сына, може змылуется надъ Юркомъ?.. Я-жъ одна у отця!... Одна!... (*Заплакала*). Охъ, таточку-жъ мій риднесенькый, пожалій же свою безщасну едыначку!.. Де-жъ ты барышся? Прыбудь же мерщій до-домоньку, пожалій ты свою доненьку!..

Ява 10-я.

Дося и Орыся.

Дося (*вбигае зъ хоромивъ*). Панночко! Панъ прыйихалы зъ гостей и таки сердыти. Мабуть багато грошей програлы!...

Орыся. Прыйихалы?.. Досю! На вищо ты розсказала людямъ? Не добра ты!..

Дося. Я-жъ тилько Мокрыни.

Орыся. Не хороше ты зробыла!..

Дося. Воны-жъ мени титка.

Орыся. Не хороше, не хороше!.. (*Прыслухается*). Татькивъ голосъ... (*На бикъ*). Чы теперъ прызнатысь, чы згодомъ?.. (*До Доси*). Досю! Бижы до бабы Репыхы, скажы щобъ швыдчъ несла мени сына!...

Дося. Ще-жъ рано, постережуть... Нехай, якъ смеркне!..

Орыся. Ни, пора! Ходимъ до мистка, може вже вона несе? (*Пишлы*).

Ява 11-я.

Пидгайный и Вартоломей.

Пидгайн. (*На балкони*). Такъ въ городи Юрка нема?

Вартолом. Нема!.. Я завжды думавъ, що Юрко неодминно втиче; було гляну на нёго та й кажу соби: втиче!..

Пидгайн. Не повынно-бъ?.. Гмъ! (*Помовчавъ*). А ты набрехавъ мени, що въ хозяйстви все благополучно!

Вартол. Якъ? Благополучно, именно благополучно по всій хорми и какуратно...

Пидгайн. Адже вилъ рябый здохъ?

Вартол. Тошно, що одійшовъ... Богъ ёго зна, зъ чого винъ: чы павука зйивъ, чы такои росы вхопывъ?

Пидгайн. И лошыця що одъ каплоухои?

Вартол. Тошно... росчахнулась... ожеледь... пидскобзнулась... Куповалы цыгане, давалы девьять карбованцивъ, такъ управляющый не продалы.

Пидгайн. А лошакъ видъ буланои?

Вартол. А, лошакъ?.. То вже звисно... Проты нёго й чоловикъ сылы ни которои... Ежелы не злюбыть, зведе усяку товарыну, хорменно зведе...

Пидгайн. Що ты варнякаешъ?

Вартол. Це вже кого завгодно спытайте... На те винъ хозяинъ.

Пидгайн. Якый хозяинъ?

Вартол. Домовый, стало быть. Сказать прямо, не злюбывъ лошака и затырывъ ёго у ясла... Я скилько разивъ казавъ управляющому: убыйте, кажу, пожалуста сороку. Высилабъ на бантыни сорока—не посмивъ-бы...

Пидгайн. Про яку ты мени сороку торочышъ, чортова ворона.

Вартол. Та я хочъ и прысягну!.. Не прыступе тоби, ни за що не прыступе, якъ сорока выситыме на бантыни.

Пидгайн. Не мишало-бъ тебе повисыты на бантыни, щобъ трохы одтухъ...

Вартол. Я старався, ночей не досыпавъ, хлиба не дойидавъ...

Ява 12-я.

Ти жъ и Якивъ.

Якивъ. (*За лаштункамы*) Бый кожухъ—буде теплищъ, бый мужыка—буде дурнищъ!.. (*Побачывъ Пидгайного*). Здравія желаемъ, зъ похмилля помыраемъ! Вы панъ нашъ, а мы пидданкы ваши; а колысь прыйде воля и усмихнется доля!.. А докы воли нема, пане, звелить Вартоломіёви спустыть мени кровъ, бо бунтуе!.. Бый шкуру барабанную!..

Пидгайн. Зновъ назюкався?

Вартол. (*Тыхо*). Винъ тутъ безъ вашои мылости що дня напывався, та все про волю бекавъ, бунтовавъ!.. Прыкажить всыпать ёму 25-ть.

Пидгайн. Чы не свербыть у тебе спына?..

Вартол. (*тыхо*). Винъ бунтарь!..

Пидгайн. Мовчы!

Якивъ. Ваше высокоблагородіе! Кажуть, що Юрко втикъ? И добре зробывъ!... Це я ёго навчывъ втикать: втикай, кажу, и шабашъ!.. Торикъ Дмытро втикъ, Петро каларнытыстъ, я й тихъ навчывъ. Втикайте, кажу, хлопци!..

Пидгайн. (*Вартоломею*). Скажы, щобъ ёго взялы звидци!

Якивъ. И щобъ выхворостылы!

Вартол. Гей, визьмить ёго! (*Два чоловика пидбигають до Якова и беруть ёго*).

Якивъ. Быйшкуру барабанную!.. Вартоломею! Я й тебе навчу, якъ втикаты!.. Барынъ!.. Прыкажить Вартоломееви, щобъ лозы намочывъ та видличывъ.

Пидгайн. Замкнить ёго зновъ въ лёхъ!

Якивъ. А быть и не треба? Отъ такъ штука: ведуть и не бьють!.. Я такъ не согласенъ!.. (*Его повелы*). Быйшкуру!... (*Спива*).

Куды мене поведете?
Пидъ лотокы.
А що мени постелыте?
Синъ осокы!...

Пидгайн. (*до Вартоломея*). Визьмы двохъ чоловикъ и йидь шукать Юрка. Тилькы я тоби Вартоломею, забороняю ёго быть, —чуешъ? Щобъ ты и пальцемъ ёго не зачепывъ! (*Пишовъ у хоромы*).

Вартол. (*Здывовано*). Щобъ и пальцемъ?.. Що воно таке? Лыбонь це и нашъ панъ, а нибы не нашъ!.. Яшку не звелилы быть, Юрка щобъ и пальцемъ не зачепыты... (*Пишовъ дывуючысь*).

Ява 13.

Прохоръ и Сохвія.

Прохоръ (*дае Сохвіи терпуга*). На, вызволяйся! Тилько памьятай, що висимъ карбованцивъ,—чуешъ? (*Пишовъ*).

Сохвія. Колы-бъ швыдче вже смеркало... (*Почына пылять граткы и прыслухатысь*). Охъ, клята неволе! умицны мои

сылы, допоможы вызволытысь, а воля насталыть мій розумъ и загартуе помсту!.. (*Смеркае. Въ аллеи зъявляются Репыха, Орыся и Дося. У Орыси дытына на рукахъ. Дося иде въ хоромы, а Орыся и Репыха въ бесидку*).

Ява 14-я.

Репыха и Орыся.

Орыся (*сида у бесидци*). Мое анголяточко, мое немовляточко! О, колы-бъ змогло промовыты,—ты-бъ найкраще и найщырше порадыло твою маму!.. (*Туле дытыну до серця*). Охъ, якъ же хороше мени зъ тобою, мій единчыку!.. Якымъ чарівнымъ тепломъ зогриваешъ ты мене!.. На вищо-жъ я зъ тобою, моя дытыно, такъ надовго розризняюсь, на вищо виддаю тебе чужымъ людямъ, въ чужу хату?.. Чому жъ ты, мій сыночку, мусышъ буты не въ своій, а въ чужій хати? Осьдечкы-жъ и наша хата, а тебе въ ній нема!.. Голубьяточко мое! Тулю тебе до серця и серце трипоче, радіе, сповняется сыламы й надіямы!.. Та чы довго-жъ я ще крадькома тулытыму тебе до лоня, выховуватыму по закуткахъ таемныхъ?.. Охъ, не сыла-жъ моя бильшъ розризнытысь!..

Репыха. Не сыла, та мусыте!..

Орыся. Та я-жъ зтеряюсь безъ тебе, занедужаю, помру, Колы ще хочъ на день розризнюсь зъ тобою!.. Та що-жъ я за мать буду, колы видъ тебе видречусь? Нехай-же иде сюды отець, нехай вси идуть, я пры всихъ голосно вымовлю, що ты мій сынъ!

Репыха. Що бо вы говорыте? А соромъ, а глумъ?

Орыся. Я швыдче переможу соромъ и глумъ, нижъ розлученя зъ моимъ сыномъ!

Репыха. Розлученя легче перемогты, нижъ те, що воно и доси не хрещене? Колы-бъ ёго намъ у хрестъ увесты? А то якъ, бороны Боже, обминыть у ночи!..

Орыся. Хто обминыть?

Репыха. Не знаете, хто? Я цилисеньки ночи не сплю та все стережу, всю колысочку хрестыкамы та божкамы обвишала...

Орыся. Я не пойму, про вищо вы кажете?

Репыха. Адже розсказують, що отутъ десь неподалечку, та черезъ якыйсь тамъ случай не вспилы дытыны охрестыты,— все бачте видкладалы зо дня-на день,—ажъ воно прыйшло якъразъ о-пивночи, якъ вси хатни поснулы та й переминыло... У ранци дывлятся, ажъ замисць дытыны—лежыть въ колысци немовъ кошеня, або немовъ цуценя, щось таке... А цытьте, що воно? Чуете, нибы щось стукнуло? (*Прыслухаются*).

Орыся. То вамъ вчулося!..

Сохвія. (*Вылазыть кризь викно*). У бесидци панна и Репыха!.. А що то у панны на рукахъ? Дытына!.. (*Побигла въ хоромы*).

Репыха. Давайте вже мени парубка, пора намъ и до дому. Хто ёго зна, якъ мы греблю перейдемъ, що вже зовсимъ стемнило, а воно не хрещене... У до-свита зновъ прыйдемо въ гости, а теперъ проведить насъ до мистка.

Орыся. Иождить ще!..

Ява 15 я.

Ти-жъ, Пидгайный и Сохвія.

Сохвія. (*Показуе*) Ондечкы, въ бесидци!

Орыся. (*Побачыла*) Татко?!.

Репыха. Давайте мерщій дытыну!

Орыся. Пизно вже! (*Репыха зныка*).

Пидгайн. (*До Орыси*). Такъ тому правда?

Сохвія. Бачыте, пане, що я не сплетныця!..

Орыся. Сохвіе, геть звидци!.. Мижъ батькомъ и дочкою полюбовныця не свидокъ!.. (*Сохвія зныка*).

Пидгайн. Такъ ось воно що?

Орыся. Я передъ вамы зъ усіею моею провыною!..

Пидгайн. Такъ ось якъ ты виддячыла за выховання и все пеклування! А де-жъ герой цёго срамотнёго роману, де винъ? Сховала? О, хамъ, гадына!.. Я-жъ на нёму помщусь за весь мій соромъ!..

Орыся. Я одна вынна! Помщайтесь па мени одній!.. Клянусь могылою матери—одна я вынна!..

Пидгайн. Не смій тревожыть праха твоеи матери. Твоимъ гыдкымъ вчынкомъ ты заплямыла ёго на вики.

Орыся. Вы булы завжды святи передъ моею мамою не тилько писля іи смерты, а й пры жызни?

Пидгайн. Ты сміешъ мене докоряты? Геть зъ очей моихъ!

Орыся. Правомъ батька, сылою державця, чы владою рабовладильця вы корыстуетесь, що прогоняете мене?

Пидгайн. Ты... ты найлютищій мій ворогъ!.. Ты потаскуха!.. (*Вхопывся за голову*).

Орыся. Потаскуха?!. Вы осмиляетесь такъ ображаты мене? Вы потаскухою мене звелычалы... А хиба въ мене нема сылы й права сказаты вамъ, що то неправда? Ни, йе Богъ—моя сыла и право! Я не потаскуха!.. Вертаю вамъ це слово!.. Що я непокирлыва, невдячна, своевольна—все це може й правда, тилько я не потаскуха!.. Я не виддала мого дытыны людямъ, не видреклась видъ нёго, не струила ёго и не задавыла,—совисть моя свитла передъ Богомъ...

Пидгайн. О, краще-бъ ты не родылась на свитъ Божый!..

Орыся. Вамъ про це зручнишъ знаты!... Ну, сыну, женуть насъ,—ходимъ, пора!.. (*Дытына начына пхыкать*).

Пидгайн. А, цей мени пыскъ!.. Стій, куды ты? Дытынячымъ плачемъ згвалтуешъ всю двирню!.. Ничъ вже!

Орыся. Теперъ мени и въ-ночи вси шляхы выдни!

Пидгайн. Такый соромъ, такый позоръ!..

Орыся. Не плачъ, сыну! Дамо слёзамъ волю, якъ опынымось на простори—мижъ небомъ та землею. Прощайте, тату.. на вики... (*Захыталась и вхопылась за стовбъ; дытына падае зъ рукъ*).

Пидгайн. (*Пидхоплюе дытыну*). Божевильна, ты вбьешъ дытыну!.. Що зъ нею? Гей, нянько!.. Нянько, скорій сюды!..

Ява 16-я.

Ти-жъ и нянька.

Н я н ь к а. Я тутъ, ваша мылость.

П и д г а й н. Визьмы ось цёго... вылупка!.. (*Дае ій дытыну*). Це ты, ты вынна! Це ты такъ доглядила!.. (*Пиддержуе Орысю*).

Н я н ь к а. (*Взяла дытыну*). А вже-жъ що я! Хто-жъ бильшъ и выненъ, якъ не я? Я була що-разу вынна и за покійну пани, котру выглядила и выпестыла. Вы мене й за неи докорялы, а теперъ...

П и д г а й н. Мовчы! Прынесы мерщій воды... (*Нянька побигла и черезъ мыть вертается зъ шклянкою зъ водою*) Вона не дыше!.. Ось до чого своя воля довела!.. (*До нянькы*). Жыва, дыше... Мерщій постиль прыготуй!..

Н я н ь к а. Такъ-бы и спочатку, а то хвору, немощну дытыну дорикаты почалы... Ій и такъ сердешній тяжко!..

П и д г а й н. Мовчы, беззуба!.. Тебе годылось-бы провчыты!.. Доглядила?

Н я н ь к а. Треба-жъ вамъ на комусь злисть зирвать, а то и йижа не така смашна буде,—то зирвить на мени...

П и д г а й н. А, замовчы!.. За ликаремъ треба-бъ... Прыйдется прывселюдно выявыты хатній соромъ!.. А покы що, за бабкою якою послаты? Яка у насъ бабка найкраща?

Н я н ь к а. Яка-жъ, якъ не Репыха? Найкорыстнищи ликы будуть, якъ вы прыголубыте іи й пожаліете.

П и д г а й н. Вчы, вчы мене!.. Поможы несты!.. (*Несуть Орысю*) О, такый каламутъ! о, таке поворыще!.. (*До нянькы*) Та хочъ никому не розбовтуй!..

З а в и с а.

ДІЯ 4-я.

Писчаный берегъ Днипра. Кущи, лозы, дали очереты. Въ глыбыни рыбальскый куринь и неводы; блыжче прымистъ до порома).

Ява 1-я.

Васылъ и Семенъ.

Васыль. (*Пидплыва до берега*). Дно, дно! Я намацавъ ногою дно, ставай смилыво!

Семенъ. (*Пидплыва*). Невже переплывлы! Слава Господеви!.. (*Выходе на беригъ и важко дыха, дали сида; на ногахъ у нёго пута*).

Васыль. (*Выходе зъ воды*). Спочынь, докы я знайду каменюку; розибьемо кайданы та й заразъ майнемъ, бо тутъ довго засыжуватысь не безпечно. Генъ-генъ тамъ, у плавняхъ, спочынемо та на всю ничъ и дремонемъ у Херсонщыну. Мени тутъ уси шляхы знаёми. (*Шука*).

Семенъ. (*Ледве дыха*). Охъ, якъ серце стука. На середыни якъ пидхопыло мене быстрею,—я ажъ злякавсь... Думаю, закрутыть, потягне на дно,—тутъ мени жаба и пыть дасть... Почавъ вже „отчу-нашу“ проказуваты. А що воно за курени?

Васыль. (*Несе каменя*). Рыбальски. А ну, попробуемо ланцюга, чы мицно загартованый? (*Почына розбывать*).

Семенъ. Може-бъ не тутъ, а дали, що курени блызько?..

Васыль. Та промижъ рыбалокъ нашого брата-бурлачнй сыла; а що въ Херсонщыни та въ Бессарабіи, такъ тамъ однымъ нашымъ братомъ тилько и роблять. У рыбалокъ тилько ничого не зачипай, такъ и воны тебе не зачеплять; а пидцупышъ що—бытымуть, доженуть и виддубасять!.. Воны завжды на ничъ биля куриня кладуть окраець хлиба, а часто й кулишу зоставляють, щобъ якый мандривець погодувався...

Семенъ. И що воно зъ тымъ човномъ сталося, що винъ розвалывся?

Васыль. То не човенъ, а душогубка проклята! Литвынкы кынулы якъ никчемную, а мы поласалыся на неи. Доки за водою плывлы—держалося, а якъ повернулы проты воды—такъ и розвалылося. За себе я певенъ бувъ, що вырятуюсь, а за тебе, що ты въ зализахъ—страхъ боявся!

Семенъ. Ге, я ще змалку здорово плаваю. Якъ бувъ ще за пидпасыча биля панського яливныка, то якъ прыженемъ було яливныкъ на тырло, то я якъ улизу въ ставокъ, та плаваю ажъ до полудня... Я можу й горылыци, и зъ вымахомъ, и бокасá, и стовбуна... А що пурынаю, такъ бувало черезъ увесь ставокъ перепирну!..

Васыль. А за що це тебе спуталы?

Семенъ. Хотилы у москали запакуваты, а я и втикъ.

Васыль. А я, братъ, вже шостый разъ втикаю. Пять разивъ втикавъ все весною, а це попробувавъ ще въ осены. Мени дома не сыдытся... (*Розбывъ ланцюгы*). Готово! Иды-жъ, ланцюже, къ чортамъ на вырынкы!.. (*Жбурля въ ричку*). Якъ тилько весною зазеленіе по проталынахъ травыця, якъ тилько защебече жайворинокъ, то такъ мене и занудыть мандривка. Хотилы мене батько оженыты и дивчыну вже посваталы, и таку дивчыну акуратну... Завтра-бъ намъ до винця йихаты, такъ я й пишовъ у-вечери до неи. Сыдымо мы соби, балакаемо, ажъ чую хтось спива:

Та немае въ свити гиршъ никому,
Якъ бурлаци молодому...

Мене неначе щось невыдыме такъ раптомъ и видсунуло видъ неи. Глянувъ на дивчыну и нибы вже то не та, а якась друга... Дывысь, дывысь я на неи, а дали и кажу: „гарна ты дивчына, та не тоби я женышына“. Тоди прожогомъ видъ неи. Оглянувся вже, якъ наша дзвиныця ледве маячила... Отаке! Пора намъ пидгодуваться та й мандрувать дали. А де-жъ твоя торба?

Семенъ. На-жъ тоби—згубывъ! Отъ и пиджывылысь пырогамы, що маты далы на дорогу. Певно, мотузка перервалась и торба пишла на дно.

Васыль. У мене тилько и йе шматокъ цвилого сухаря та ложка. (*Выйма сухарь и ложку*).

Семенъ. Та й у мене зосталася тилько ложка, та голо́дный жывитъ.

Васыль. (*Грызе сухарь*). А добрячый сухарь,—якъ брусъ! скилько у води мокъ—и не розмокъ. Мабуть винъ позаторишній? Посёрбаемо хочъ водыци замисць борщу. Ов-ва! (*Маца въ кышени*). И соли нема, а ни дрибка!

Семенъ. Безъ соли не кортитыме пыты и згага не пектыме.

Васыль. На-жъ и тоби половыну, пиджывысь. (*Перебыва каменемъ сухаря и дае*). Я вже не вперше такъ обидаю. (*Бере зъ ричкы ложкою воду и зайида сухаремъ*). А правда, тутъ смачна вода?

Семенъ. На воли и вода смачнища видъ борщу.

Васыль. Ця ричка тече зъ вильного краю, черезъ те и вода въ ній солодка. А цыть! Що воно гупотыть?

Семенъ. (*Пиднявсь*). Сюды бижыть щось киньмы!..

Васыль. Въ шелюгы мерщій, за мною!... (*Побигы въ шелюгы*). Падай на землю!.. (*Помовчавшы, пидводе голову*). Що воно? Трое коней, а одынъ тилько вершныкъ? Стій, це нашъ чоловикъ, ей-ей нашъ!.. А ну, гукну! Остапе! О, оглянувся. Винъ и йе—Остапъ. Остапе! Куды поспишаешь, чы не на ярмарокъ?

Остапъ. (*Гука*). А ты-жъ хто такый?

Васыль. Прыдывысь.

Остапъ. Невже Васыль? Ты зновъ втикъ?

Васыль. А ты по якому былету?

Остапъ. Стривай, розскажу,—ось тилькы коней прыпну.

Васыль. Щось мени и кони ци по знаку.

Я в а 2-я.

Остапъ. Здоровъ! Давно тутъ?

Васыль. Оце свижо переплывлы, бачъ и доси не обсохлы.

Остапъ. (*На Семена*). А цей звидкы?

Семенъ. Зъ Благодыровои.

Остапъ. По воли?

Семенъ. Ни, навздогинци за волею.

Остапъ. Стало быть, намъ по дорози? Ну, здоровъ! (*Чоломкаются*).

Васыль. Чы йиство у тебе йе яке?

Остапъ. Два хлиба и чотыри тарани.

Васыль. А мы голодни!

Остапъ. Я васъ пидгодую. (*Хутко пишовъ за лаштунки*).

Семенъ. Выдко, що Остапъ друзяка.

Васыль. Въ неволи найщырше товарышування.

Остапъ. (*Вертается зъ окрайцемъ хлиба и двома таранямы*). Нате, годуйтесь. Колы-бъ ты знавъ, Васылю, якъ я ускочывъ бувъ у капканъ.

Васыль. Невже? (*йисть*). Оце такъ хлибъ!

Семенъ. И тарань ловка.

Остапъ. Прокрадався я въ ваше село, щобъ побачытысь зъ жинкою та дитьмы, та наризався на самого пана. Бачу—не перелывкы. Упавъ на вколюшкы и ставъ прохаты, щобъ помылувавъ... Такъ винъ гукнувъ на людей и звеливъ забыты мене у зализа. Э, думаю, колы ты такъ зо мною, то я-жъ тоби не пидданокъ. У-ночи продеръ стриху въ лёху, въ якый мене замкнулы, та въ конюшню,—бачу стоять гарни кони, такъ я замисць одніи конякы—зачепывъ ажъ трое. Пройиздю поузъ хоромы, ажъ це панъ кризь викно й пыта: „а хто то йиде?“ „Це я, кажу, пане. Спокойной вамъ ночи, прыятного сна!“ Та якъ дремену... Вже свитаты почало, якъ я прыпынывъ коней, дойизжаючы до Днипра. А оце тилько що переплывъ...

Васыль. Що-жъ ты теперъ робытымешъ зъ киньмы?

Остапъ. А те, що оце заразъ вси трое сядемо та й пойидемо, а тамъ десь коней продамо, и будуть у насъ гроши. Колы товарышувать, то товарышувать по правди!

Васыль. Оце—але!

Семенъ. Отъ спасенна душа!..

Остапъ. И ничого бильшъ и часу гаяты,—пидгодувалысь такъ и гайда. (*Пишлы*).

Я в а 3-я.

Юрко и два гребця.

Юрко. (*Зійшовъ зъ човна*). Спасыби, що перевезлы. Ось вамъ и плата за перевизъ. (*Дае гроши*).

1-й гребець. Два семыгрывенныка, чы не малувато?

Юрко. Такъ-же, договорылысь.

1-й гребець. Що-жъ що договорылысь? Мало чого не бува... Договорылысь! Договоръ договоромъ... А правда, Андрію, що малувато?

2-й гребець. Ще-бъ не малувато?.. Воно якъ що той... неначе такъ що й зовсимъ малувато.

Юрко. Скилько-жъ вамъ набавыть?

1-й гребець. Скилько-жъ?.. У такимъ, скажемо, выпадку, то вже коженъ мусыть тямыты... Бачыте, выходыть такъ, що мы оце перевезлы, а щобъ якъ пиде дило на опытъ, то й не знаемо, кого перевезлы?.. Звисно, опаска бере... Чы такъ, Андрію?..

2-й гребець. Авже-жъ... И опаска и началство... Якъ-же можна?.. Недзя!..

Юрко. Скилько-жъ, пытаю, набавыть?

1-й гребець. Набигають бува, началныкы, и беруть опытъ: „Што реблята, не перевозылы какого-такого?..“ А мы й не знаемо!

2-й гребець. Эге-жъ... А мы и не знаемо. Звисно, якъбы мы зналы.

Юрко. Я жъ вамъ сказавъ, що я чыновныкъ.

1-й гребець. А чого-жъ воно неначе не выдко, щобъ вы булы чыновныкъ. Чы правда, Андрію?

2-й гребець. Не выдко... Выходыть, скилько не вдывляйся, а не выдко...

Юрко. Вы грамотни?

1-й гребець. Богъ мылувавъ...

2-й гребець. Безъ надобности!..

Юрко. Якъ-же вы розберете мій документъ?

1-й гребець. Тамъ йе печати: одна зверху, друга зисподу.

2-й гребець. Безъ печативъ не можна. Начальство приказуе, щобъ по печатяхъ...

Юрко. Такъ мы й до вечора не порозуміемось. Кажить, скилько вамъ набавыть?

1-й гребець. А що, Андрію, якъ мы оце звьяжемо ёго та й повеземо назадъ?

2-й гребець. А таки звьяжемо.

Юрко. Що, звьяжете? (*Гризно*). Та якъ вы сміете?

1-й гребець. (*Несмилыво*). Ану, Андрію, берысь за нёго.

2-й гребець. (*тыхо*). Може у нёго падстолетъ захованный, або шпага?..

Юрко. Ану-ну попробуйте.

1-й гребець. Якъ самы не подужаемо,—гукнемо ондечкы до куренивъ,—рыбалкы допоможуть.

Юрко. И я гукну,—побачымо кому допоможуть?

1-й гребець. Андрію, чы гукать?

Юрко. Гукайте, гукайте!

2-й гребець. А що якъ воно справди чыновныкъ?

Юрко. Ну, гукайте-жъ, або я гукну?

1-й гребець. Може й справди?

2-й гребець. (*Тыхо*). Ще щобъ не креснувъ бува по зубахъ?

1-й гребець. Та вже дайте намъ якого тамъ грывеныка...

Юрко. Не стоило-бъ даваты... (*Дае*). Соромъ вамъ отакечкы робыть, соромъ!.. А ще й людьмы звутся.

1-й гребець. (*До другого*). Тикаймо.

2-й гребець. Прощавайте!..

Юрко. А якъ васъ звуть?

1-й гребець. (*Видступа до човна*). Якъ звуть?

2-й гребець. (*Сивъ въ човенъ*). Худчій Мытрохване!.. (*Колы перший гребець сивъ*). Ни, брате, не покурышъ!.. (*Хутко поплывлы*).

Юрко. Ачъ, дряпижныкы!.. (*Помовчавъ*). Докы бувъ на тимъ боци, хапався переплысты, а переплывшы, почуваю, якъ сумъ и отчай обступа мене... Одынокый, видкынутый далеко видъ усёго дорогого и ридного. И навкругы тутъ такъ сумно: писокъ, шелюгы, верболозъ... Витеръ гуде!.. А той беригъ якый зеленый, якъ тамъ сонечко ясно свите!.. Ондечкы й шляхъ, котрымъ я йихавъ, генъ повысся пидъ гору; а тамъ дали мижъ вербамы то счезне, то зновъ стежечкою заманячіе... Село Писчане мріе, генъ Ганивка... У Покотыловій тилько крыла витрячкивъ маячáть... А наше село тамъ десь далеко нибы потонуло въ сыній имли. Я тутъ вольный, а душа моя немовъ закута въ тяжки кайданы!.. Та чы пережыву-жъ я розлученя зъ Орысею? А сына мого я й не бачывъ!.. Я тутъ стеряюсь, помру!.. (*Ухопывся за голову*).

Ява 4-я.

Пысарь и десятныкъ.

Пысарь. Треба поспишаты до порома, бо вже ондечкы наблыжается. А докы що, зробымо й на цимъ боци опросъ.

Десятныкъ. Вы лыбонь зовсимъ залылы слипы!.. Намъ же велено не зъ сёгобочныхъ опыты брать, а зъ тогобочныхъ.

Пысарь. Мовчы! (*Пидходе до Юрка*). А позвольте васъ спытать, хто вы будете?

Юрко. Якъ? А вамъ на вищо?

Пысарь. Желаю спросыть.

Десятн. (*Тыхо до пысаря*). Та не чипайте! (*На бикъ*). Прыйдется тягты ёго до Днипра та голову змочыть... (*До пысаря*). Не чипайте-бо!

Пысарь. (*Десятныкови*). Ц-съ!.. Мовчать! (*До Юрка*). Хто вы такый-и яке ваше званіе?

Юрко. Я чыновныкъ.

Десятн. О, бачыте!

Пысарь. (*До Десятныка*). Ц-съ! (*До Юрка*). Чыновныкъ! Ого-го! Которого класса?

Юрко. Класса?.. Хиба вамъ не однаково!

Десятн. Та не прысикуйтесь.

Пысарь. Не розсуждай! Розсужденіе положено власти, сиречъ мени, а подчиненому едыное повыновеніе! (*До Юрка*). Я тежь чыновныкъ. Якый на васъ чынъ?

Юрко. Той... губернсвій регыстраторъ.

Пысарь. (*Радисно*) Невже? И авъ въ тимъ же чыни обритаюсь. Губернскихъ регыстраторивъ не багато чыслытця на лыце, лыбонь на всю Россію насъ тилько двое и йе. Позвольте зъ вамы почоломкатысь. (*Чоломкаются*).

Десятн. Ну, якъ що той, то... (*До Юрка*). Доброго здоровьячка! (*Простяга руку*).

Пысарь. Осады подчыненіе и безмовствуй! (*До Юрка*). Де прохожденіе службы совершалы?

Юрко. Тамъ, де треба було.

Пысарь. А именно?

Юрко. Служывъ у Полтави... Годи вже балакаты, мени николы.

Пысарь. А знавалы вы тамъ тытулярного совитныка Ныкодыма Трыхвоновыча Кулябку?

Юрко. Ни, не знававъ!

Пысарь. Не може быть. То бувъ чоловикъ—ума палата! А знавалы вы коллежскаго ассесора Тымохвія Васылывича Жарка?

Юрко. Не знававъ.

Пысарь. И Жарка не знавалы? Та хто-жъ Жарка не знававъ? Мала дытына знала... А знавалы вы?

Десятн. Ондечкы вже поромъ нидходыть. Ходимте, я вамъ трохы намочу голову, бо вы вже здорово росхытались.

Пысарь. Пиды, намочы соби мордяку! Мовчы пивстоловый истуканъ!.. (*До Юрка*). А позвольте заглянуть у вашъ документъ?

Юрко. (*Выйма корбованыця и дае*). Ось вамъ.

Пысарь. Ага!.. Теперь выдко, хто вы... (*Одходыть зъ Десятныкомъ*).

Ява 5-я.

До прымиста пидходе поромъ, зъ берега сунувъ людъ; на пороми гра музыка.

Кучеръ. Ондечкы нашъ панъ, а за нымъ цила юрба панивъ.

Завойко. (*Гука зъ порома*). Чы кони йе?

Кучеръ. Йе, пане!

Завойко. А скилько троёкъ?

Кучеръ. Чотыри, пане!

Завойко. И хургонъ йе?

Кучеръ. А якъ-же! Карета, натычанка, довгуша, шарабанъ и дви пидводы прости.

Завойко. О, розмистымось вси! Панивъ въ окопажи, а музыкъ на просту пидводу.

Юрко. (*Вдывляется*). Панъ Завойко! Колы-бъ мене не прымитывъ? (*Одвертается*). Пиду пидводу пошукаю! (*Иде*).

Завойко. (*Бижыть зъ порома*). Юрку, пидожды... Я тебе ще здалеку пизнавъ. (*За Завойкомъ идуть паны, дали музыкы, народъ. Пысарь и десятныкъ промижъ народомъ ходять и беруть хаповыну*).

Юрко. Охъ, халепа! (*На бикъ*). Треба буты смилищымъ. (*До него*). Помыляетесь... Вы мене не знаете.

Завойко. Що, я помиляюсь? (*До гостей*). Панове! Я васъ потишу дывомъ, якого вы ще й не чулы. Гей, а подайте сюды скрыпку! Ось хто намъ заграе!.. (*Прыносять скрыпку*). На, грай мени заразъ варьяціи: „Ой не ходы, Грыцю“... Або Варшавського марша заграй... Оцей, панове, грае—такъ грае!

Юрко. Кажу-жъ, що вы помыляетесь.

Завойко. Винъ такъ грае, що я ажъ плакавъ!..

Юрко. Выбачайте, мени мема часу бавытысь...

Завойко. Ни, Юрку, я тебе не пущу!.. (*Хапа его за руку*). Ты мени заграешъ. Не хочешъ грать Грыця, грай Кармалюка. (*спива*).

Повернувся я зъ Сибири—
Нема жъ мени доли;
Ой здается не въ кайданахъ,
А все у неволи.

Юрко. Що це за напасть?

Деревьянка. (*Зъ пидвязаным окомъ*). Слухай, не чипайбо кожного!.. Може бъ на два ока и мени винъ здався за Юрка...

Завойко. Та хиба-жъ це не Юрко?

Деревьянка. (*До Юрка*). Выбачте ему, винъ трохы пидпылый!.. Зъ-пьяну трохы мени ока не выбывъ!..

Завойко. Юрку, це ты, чы не ты? Прызнайся!

Юрко. Це напасть!

Завойко. Ну, похожый же на Юрка, якъ колесо на колесо!..

Деревьянка. (*До Юрка*). Знаете, якъ кажуть: звернить дурни пьяному... Выбачайте,—мы вси „елыко можаху"!..

Помпеенко. (*Гука виддаля*). Ходимъ, ходимъ,—пора йихать!..

Завойко. Отъ штука!

Помпеенко. Йидемъ, йидемъ, а то я такый, що розгниваюсь и заразъ назадъ голобли поверну!..

Завойко. (*До Юрка*). Ну й схожый же зъ Юркомъ якъ дви крапли горилкы!.. Ты граешъ на скрыпци?

Юрко. Зъ роду-вику не гравъ!..

Помпеенко. Огъ-же я вернусь на порома!

Завойко. Ну, якъ що такъ, то выбачайте! Гей, музыкы! Грайте марша!.. Трумъ, трумъ, трумъ!.. (*Бере пидъ руку Деревьянку*). Ходимъ, канцуре, я тоби друге око пидобью!.. (*Пишлы. Музыка грае*).

Пысарь. (*Пидходе до Юрка зъ десятникомъ*). Онъ якъ наше дворянство гулае! И такъ юрбою цилую осинь и зиму видъ одного до другого йиздять: полюють, у картъ грають, бенкетують!..

Юрко. А скилько буде звидцы до Павлыша?

Пысарь. До Павлыша? Заразъ вамъ выщытаю. (*Личыть на пальцяхъ*).

Поромщыкъ. (*Гука*). А ну, сходьтесь до порома, хто йиде на той беригъ, сходьтесь, бо заразъ рушымо!

Юрко. Заразъ рушать?.. (*Иде до порома*).

Пысарь. Куды жъ вы? До Павлыша онъ куды. Ходимъ тамъ за горбомъ йе корчма... Пидводу наймете. До Павлыша буде... (*Знову личыть*).

Явa 6-я.

Вартоломей иде видъ куриниv зъ двома чоловикамы.

Вартол. Пидгодувалысь у рыбалокъ, теперъ пойидемо дали. А стійте, чы то не Юрко?

Чоловикы. Винъ и йе. (*Хутко подходять до Юрка*).

Вартол. Здоровъ будь, Юрку.

Юрко. (*Зъ лякомъ*). Варта... Чого вамъ треба?

Вартол. Тебе намъ треба, хорменно тебе. А давайте путо, замкнемо єго!

Юрко. Якъ сміешъ!.. Я вильный чоловикъ!

Пысарь. (*До Юрка*). Оборонымо! (*До Вартоломея*). По-якому праву?

Юрко. (*Пысареви*). Ось, прочытайте мій документъ! (*Дае бумагу и карбованця*).

Пысарь. (*Зыглянувъ у документъ*). Такъ, вирно и безперечно! Отставный губернскій регыстраторъ!..

Вартол. Помылуйте, винъ нашъ биглый!

Пысарь. Мовчать! Ты хто такый?

Вартол. Началство єго! Я отаманъ!

Пысарь. Иды-жъ отаманувать до свого пана, а тутъ я началство! Забью тебе у кайданы и пошлю такымъ этапнымъ путемъ, що ты въ тры роки не дійдешъ до свого села.

Десятн. Мы, братъ, це можемо!

Вартол. Якъ, мене, началство?

Пысарь. Я тоби покажу начальство! Прысикався до губернского регыстратора. Ты знаешъ, що насъ тилько двое на всю Россію!.. (*Розмовля съ Юркомъ*).

Вартол. (*До чоловиковъ*). Штука?!

Чоловики. Дывына!

Вартол. Дви дывыны! Одна, що начальство на начальство наперлось, а вдруге, що думалы, що то Юрко, ажъ то не Юрко!..

Ява 7-а.

Зъ горы иде Перепичка зъ Васылыною и кучеромъ; его тяне за полу Завойко.

Перепичка. Пусты-бо, а то вылаю!

Юрко. (*На бикъ*). Панъ Перепичка! Нова халепа!..

Завойко. Йидемъ-бо до мене.

Перепичка. Не пойиду, пусты!...

Завойко. Все тилько зъ своею Васылыною возыться!

Перепичка. Кажу жъ тоби, що не маю часу.

Завойко. Теперь я розгнивався на тебе, такъ що вже мы зъ тобою розбрато-брато на вики вични!.. (*Пишовъ*).

Перепичка. Про мене, якъ соби хочешъ. Скорій, скорій, Васылыно. Чы ты налывку взяла? Свырыде, несы покупкы до порома. Отъ тоби й здрастуй, поромъ вже погналы. (*Гука*). Пидожды! Вернысь до берега!.. Га? Скилько? А дули зъ макомъ не хочешъ? Беры семыгрывенного!.. Га? Ни, пивъкарбованця не дамъ!.. Свырыде, забирай покупкы до корчмы, пождемо до завтра... (*Свырыдъ пишовъ*). Чого намъ хапатысь, хиба надъ намы капа? (*Побачывъ Юрка*). Знаёма людына!...

Юрко (*на бикъ*). Теперъ вже никуды!

Перепичка (*До Юрка*). Ты це куды? Васылыно, пизнаешъ?

Пысарь. Це губернскій регыстраторъ!

Перепичка. Це тоби, пысарю, зъ перепою регыстратыть въ очахъ. Винъ пидданный мого сусида, пана Пидгайного.

Юрко. Помыляетесь, пане!..

Вартол. И намъ здалось спершу, що це нашъ Юрко....

Перепичка. Це винъ и йе!

Пысаръ. (*до Юрка*). Дайте вашъ документъ...

Юрко (*дае*). Ось.

Пысаръ (*чыта*). Губернскій регыстраторъ въ отставкѣ, Петръ Петровычъ Диброва.

Перепичка. Диброва? Ха—ха—ха!

Вартол. Це бь то нашъ капольмейстеръ? Такъ винъ вже пьятый день якъ померъ?!..

Юрко. Померъ?!.

Перепичка (*до Вартоломея*). А ты въ погоню?

Вартол. Та оце жъ насъ трое.

Перепичка. Такъ и берить ёго.

Вартол. Давайте швыдчъ путо!

Перепичка. Хочъ ты, Юрку, и гарный музыка, а втикать зась... Подзвоны жъ за те кайданамы. Дысцыплына, субордынація и повыновеніе властямъ прыдержащимъ! Ходимъ, Васылыно! (*Пигилы*). (*На Юрка надиваютъ пута*).

Пысаръ. Я думавъ, що ты справди губернскій регыстраторъ, а ты рабъ, смердъ... Выходыть, що тилько я одынъ на всю Россію и зостався!..

Зависа.

ДІЯ 5-я.

Кимната Орыси.

Ява 1-я.

Орыся и нянька.

Орыся (*пыше биля столу, нянька качае люльку*). Напысала отцеви все, що пидсказало серце, все, на що навивъ мене розумъ, дали терпиты не сыла... Я повынна розшукать Юрка и обратуваты ёго. Може винъ де въ тюрми уже? Винъ такый не хытрый! Може вже упійманы и знущаются надъ нымъ?.. Ни,

такъ дали не слидъ... Винъ мій мужъ передъ Богомъ и передъ моимъ сыномъ и мусыть буты моимъ мужомъ и передъ людьмы. Нянько! Якъ тилько татко прыйидуть до дому, вы однесете ёму отъ-сей лыстъ.

Нянька. Воны зновъ мене проженуть и не дадуть ніякои видповиди.

Орыся. Тоди я сама пиду до нёго.

Нянька. И васъ не допустять на очи. Хиба я ихъ не знаю? Отакъ було воны и зъ покійною панею, вашою мамою, якъ розгниваются на ныхъ, то цилый мисяць, або и бильшъ, слова до ныхъ не промовлять. А спытайте, за вищо розгниваются?.. Було мама ваша плачуть, плачуть, ажъ занедужають... Краще-бъ винъ, кажуть, мене вылаявъ, або побывъ, а то мовчыть.

Орыся. Прытерпила моя мама?..

Нянька. И—и! Мабуть и вамъ не краща доля судылася. Поласалыся мама ваша на мундыръ та на чорни вуса... Выйшлы замижъ проты воли своихъ родытеливъ. Нигде правды диты: панаша ваши булы красыви на всю округу. Ото-жъ якъ скоро пожениылысь, то щось зъ годъ жылы дуже гарно, такъ гарно, що й сказать... Тыхо, любо та хороше. Все було цилуются та мылуются. Було ухоплять ихъ панаша на рукы та й носять по кимнатахъ, якъ дытыну... Бо таки дытыною й булы, навряд чы було й шистнадцять годивъ, якъ ихъ винчалы... На другый рикъ мамаша ваша пойихалы погостюваты до родытеливъ. Охъ, краще-бъ було имъ не йиздыты! Воны гостюють тамъ, а панаша тутъ бенкетують та въ карты грають... Найбильшъ любылы у картъ граты... А що воны тыхъ грошей попрогравалы!.. И хто ихъ тилько не обдыравъ?.. Бувало день и ничъ музыка реве, пивчи деруть горлянку!.. Наклыкають парубкивъ та дивчатъ... Огоди чортъ пиднисъ Луньку—красыва була! ну й вподобалась панови... Ажъ ось прыйихалы пани до дому, якъ разъ воны тоди важки ходылы вамы. Панъ спершу прыховувалы Луньку, а дали якось все й выяснылося... Видтоди почалысь сварки, слёзы, дорыкання!. Писля Луньки, зъявылась Пашка, дали Мотря... Та

всихъ ихъ и не переличишъ!.. И почалы ваша маты побыватысь. Було прыбижать у спальню, ухоплятся за груды та якъ закрычать: охъ, серце, серце!.. Ажъ ось и вы знайшлыся,—папаша нибы трохы схаменулысь; але черезъ скилько мисяцивъ зновъ пишло по-старому. Скилько разивъ хотилы мама кынуты папашу, такъ родытели ихъ, стало быть ваши дидушка и бабушка, якъ почнуть стыдыты ихъ та вговорюваты: „Хиба, кажуть, можна законъ ламать? Нихто тебе не сылувавъ, сама пишла за нёго; а колы пишла, такъ и жывы". А дидушка ще було й додатуть поговирку: „бачылы очи що куповалы!.." онъ-що. Якъ тамъ, кажуть, ни жытымешъ зъ мужомъ, та все-жъ у закони; а покынешъ ёго, то таке тоби прызвыще прылыплять, що мы того сорому не пережывемъ!.."

Орыся. Выходыть: хочъ жывцемъ пропадай, а жывы зъ чоловикомъ, котрый надъ тобою знущается, зневажае?...

Нянька. А вже-жъ. И въ церкви промовляють, якъ винчають, щобъ жона боялася мужа.

Орыся. Боятысь тоди, якъ йе за що боятысь.

Нянька. Хто ёго зна, якъ тамъ воно означа!.. Законъ вже такый.

Орыся. Ни, нянько, колы чоловикъ лама прысѣгу и жону миняе на другыхъ, то жона мае владу кынуты мужа.

Нянько. Ни, недзя, законъ!..

Орыся. Тилько що мама дуже любыла папу й не могла ёго кынуты; певно, вона дуже шанувала своихъ родытеливъ, не хотила ихъ зобидыты и прынесла себе въ жертву...

Нянька. Може й такъ... А тилько що проты закону никъ не можна—велыкый грихъ!.. Почалы ваша мама хвориты та сохнуты... Найбильшь жалувалысь на серце, що все воно имъ нимило... Якось у-литку взялы воны васъ за ручку й пишлы въ садъ проходытысь....

Орыся. Це я прыгадую... Якыйсь трапывся надзвычайный выпадокъ: мама плакала дуже, потимъ хутко повела мене въ домъ...

Нянька. Панъ бавився зъ Хроською у бесидци, а воны й побачылы... Якъ убиглы пани въ спальню, ухопылися за серце, та немовъ замерлы... Видтоди вже воны и не всталы зъ лижка... А черезъ тыждень и Богу душу виддалы. Царство небесне, вичный покій ихъ душечци...

Орыся. Вы таки новыны мени розсказалы, про котри мени й въ думкахъ не верзлося.. И писля цёго я мушу почытуваты мого отця?

Нянька. О, що це вы кажете? А якъ-же-жъ?

Орыся. За вищо?

Нянька. Та Господь зъ вамы, воны-жъ вамъ отець!...

Орыся. Винъ доконавъ мою матиръ, винъ!.. Ни, бильшъ нема мени за що ёго почытуваты!.. Вы жахаетесь.. Жахаетесь того, що не вмiете всёго того розумомъ обсягнуты, про вищо заразъ розсказалы мени А може й краще воно?.. Бо колы-бъ вси люде заразомъ прозрилы и змоглы зрозумиты, що йе промижъ ныхъ таки, у котрыхъ пидъ овечою шкурою ховается звиряча душа та жорстоке серце, то певно на свити вчынывся-бъ велыкый гвалтъ...

Нянька. Та мабуть таки оце чы не кинець свита?

Орыся. Може й справди мы на зблыженни нового стовпотворенняl..

Нянька. А якъ ховалы паню, зъ якою пыхою, такъ неначе у казци я те чула, або у сни бачыла. Вси музыкы, пивчи и двирськи булы зодягнени у чорне зъ билымы брозументамы. А попивъ-попивъ, то либонь ажъ шисть ихъ було!.. Зъ усiи околыци позъиздылысь паны, вси дывувалыся... Якъ прынеслы на кладовыще, постановылы домовыну биля склепу, заразъ одынъ попъ вынявъ зъ кышени бамажечку и почавъ чытать; довго, довго щось чытавъ, а паны все слухалы та хыталы головамы... У мене ажъ ногы зомлилы стоючы... Якъ проспивалы: „со святыми!„ папаша якъ прыпалы до домовыны, якъ почалы голосыты!.. Ледве, ледве ихъ видирвалы видъ трувы. Все крычалы: „просты мене, Мархвинько!..“

Орыся. Яке лыцемирство!.. Яка малёвныча забавка по чуттяхъ, яке лжыве повожденне!... (*Зарыдала и впала на подушкы*).

Нянька. Отакои! Чого-жъ плакаты? Не тревожте вже ихъ кисточокъ!.. Вы думаете, легко ихъ душеньци, якъ вы оце голосыте?.. Нехай имъ на тимъ свити полегкисть та спокій!..

Орыся. А таткови на цимъ?

Нянька. Не кажитъ такъ, голубонько! Може папаша каются, отъ—якъ каются!.. Почимъ знать?..

Ява 2-я.

Ти жъ и Дося.

Дося. Панночко! Тамъ прыйшовъ до васъ Якивъ башмашныкъ?

Орыся. Чого ёму?

Дося. Каже: „Пиды, скажы, щобъ дозволылы доступыты“...

Орыся. Пьяный певно?

Дося. Ни, не выдко, щобъ... Балака якъ-слидъ.

Орыся. Впусты ёго. (*Дося пишла*).

Нянька. А я-бъ не пустыла, завжды чортъ-зна що варняка, про волю то що... Ажъ боляче слухаты!.. Що ёго сердешного пополупылы за ту волю, отъ же не кается!.. Запекла людына! На мою думку, ни яка скотына не выдержала-бъ стильки бійкы, скильки ёго полосувалы.

Орыся. Що це вы кажете? Невже ёго такъ багато былы?

Нянька. Хиба тилько ёго?

Ява 3-я.

Ти жъ и Якивъ

Якивъ. Панночко! Позвольте промовыты до васъ слово. Якъ мы пиддани ваши, бо мы за вашою мамашою прыйшлы у прыдане, то надъ намы найвыща воля ваша. Такъ подозвольте мени постраждать,—я волію прыйняты всю кару!..

Орыся. Яку кару?

Якивъ. За Юрка! нехай мене панъ закатають на смерть, а Юрка нехай помилують.

Орыся. Ни, Якове, коженъ чоловикъ повыненъ самъ несты кару за свою провыну.

Якивъ. Якъ теперъ Юрка уніймалы...

Орыся. (*Зъ страхомъ*). Хто це вамъ сказавъ?

Якивъ. Заразъ Прохоръ прыйихавъ зъ городу й бачывъ своимы очыма, що Юрка вже ведуть.

Орыся. Ведуть?

Якивъ. Въ зализахъ ведуть.

Орыся. (*Крычыть*). Въ зализахъ? Спасыби, спасыби вамъ, Якове, за ваше добре серце... Але не вы, а я мушу захыстыты Юрка. Чы далеко ёго ведуть?

Якивъ. Ось-ось скоро и въ двиръ уведуть...

Орыся. Досю! Бижы назустричъ и скажы, щобъ Юрка заразъ сюды велы. Скажы, що я такъ велю,—я господыня!

Якивъ. Именно господыня, наша прырожденна господыня.

Орыся. Скажы, що якъ воны посміють не послухаты мене, то буде имъ горе!—Чуешъ?

Дося. Чую, панночко! (*Хутко пишла*).

Якивъ. А вже-жъ!.. Першъ усёго васъ повынни слухаты. Звелилы бъ вы мени що завгодно зробыть—васъ послухаю, вамъ скорюсь и все зроблю; а щобъ надо мною показувавъ владу Вартоломей, чы бухветчыкъ?.. (*Пада на вколюшкы*). Ще разъ благаю, подозвольте за Юрка постраждаты! Нехай влиплять мени 750 лозъ и буде якъ-разъ десять тысячъ. Я вси удары переличывъ, все у мене закарбовано!..

Орыся. Встаньте, Якове! (*Пидводыть ёго*). У васъ добре серце, благородна душа... Я дуже вдячна вамъ за вашу щыристь; але жертвы вашои я не прыйму. Въ Юрковій провыни половына провыны моеи, й мы мусымо вдвохъ одбуваты кару!..

Ява 4-я

Ти-жъ и Дося.

Дося (*вбигае*). Ведуть, ведуть Юрка!

Ява 5.

Ти-жъ, Юрко (въ зализахъ), Вартоломей, два чоловика и де-хто зъ двирни.

Орыся. Геть заразъ ланцюгы!..

Якивъ (*Вартоломееви*). Ты чуешъ, катюго! Панночка, прырожденна твоя господыня, прыказуютъ зализа знять?

Вартол. Щобъ не втикъ...

Юрко. Пидіймы, Вартоломею, очи до горы та глянь людямъ въ вичи. Хиба я зугаренъ втикты? Ты хотивъ показаты надо мною свою волю и сылу!...

Орыся. Здіймить заразъ зализа!

Вартол. Ежелы што... (*До людей*). Одимкнить. (*Здіймаютъ зализа*).

Орыся. До мене, Юрку! Ты мій мужъ,—я це прывселюдно кажу. Не сховався ты?.. Та все ривно я скоро сама бъ тебе видшукала.

Юрко. Не хытрый я... зразу впизналы...

Ява 6-я.

Ти-жъ и Сылыхвонъ

Сылыхвонъ. Панъ прыйихалы!

Орыся. Прыйихавъ?.. Стій, Юрку, тутъ биля мене.

Ява 7-я.

Ти-жъ и Пидгайный.

Пидгайн. (*входыть*). А, вніймалы? Зачимъ прывелы ёго въ хоромы? Въ холодну ёго!... (*Люде кыдаются на Юрка*).

Орыся Стійте! (*Заступа Юрка*). Ёго тутъ мисце, биля мене.

Пидгайн. Що? Ты сміешъ такъ казаты? Ведить ёго въ холодну!

Орыся (*хапае кинжалъ*). Ни, не поведете! Тату, скаменіться! Кого кажете весты? Мужа вашои дочкы, батька мого сына?—Не попущу!..

Пидгайн. Винъ мій пидданный? Винъ мій найлютищый ворогъ!.. Берить ёго!..

Орыся. А ни съ мисця! Я, ваша прырожденна господыня, велю вамъ не чипать Юрка!

Пидгайн. Такъ ты ось якъ? Ты тутъ господыня, а не я?.. (*Пидбига до Юрка и хоче его вхопыты*).

Якивъ (*кыдается ему въ ногы*). Пане! Быйте мене, а Юрка помылуйте!.. Вбыйте мене!..

Пидгайн. (*видкыда ногою Якова*). Геть! (*Бье Юрка по щоци*). Рабъ гыдкый, мерзенный!..

Орыся. Ахъ! Карай мене Боже!... (*Заносыть кинжалъ надъ батькомъ и падае мертвою*).

Пидгайный. На батька?!..

Юрко. Що зъ нею? (*Прыпада*). Мертва!.. Померла!.. Вона померла!..

Пидгайн. Померла? Не може буть!.. (*Прыпада до Орыси*). Не дыше!.. Холоне!.. (*Схопывся*). Що жъ це?..

Нянька. Це кара Господева!.. Убылы жинку, убылы дочку, убыйте-жъ ще й онука!.. (*Кыдается до люльки, бере дытыну и пидносыть до него*). А потимъ и насъ всихъ закатуйте!..

Пидгайн. Боже! гнивъ Твій праведный и кара Твоя занадто мала... (*Схопывся за голову*).

Явa 8-я.

Ти-жъ и бухветчыкъ.

Бухветчыкъ. Становый прыйихавъ, каже: по „неотложному дилу!“

Явa 9-я.

Ти-жъ и становый.

Становый. Прошу прощенія! Чиновникъ отъ министерства приглашаетъ васъ пожаловать завтра, въ 10-ть часовъ

утра, въ церковь для присутствованія при чтеніи Высочайшаго Манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Пидгайный. Свершилось!.. Ахъ, чому вы не зъявылысь хвылыною ранишъ,—я може не бувъ-бы прычыною смерты моеи едынои дочкы!..

Становый. Неужели?...

Крестьяне (*впалы на вколюшкы*). Боже Мылосердный! Ты вглянувся надъ намы биднымы! (*Прыпадаютъ лыцемъ до доливкы*).

Юрко. На вищо мени теперъ воля?.. (*Ламае рукы*). Орысю, Орысю!.. (*Хапае кинжалъ*) Не хочу, не можу я безъ тебе жыты!..

Пидгайн. (*одійма у него кинжалъ*). Ты мусышъ жыты за для твого сына и мого онука!..

Юрко (*прыпада до трупа*). Охъ, Орысю, Орысю!...

Зависа.

Л. М. Кропивницкій.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО НАУЧНАГО ОТКРЫТІЯ.

Русская ученая критика прошла почти полнымъ молчаніемъ и оставила незамѣченнымъ весьма любопытное и оригинальное „ученое“ открытіе, сдѣланное еще года 2—3 тому назадъ, въ 1897 и 1898 гг. Между тѣмъ это открытіе столь важно, оно до такой степени подрываетъ все то, что до сихъ поръ сдѣлано было какъ европейскими, такъ и русскими историками-экономистами и историками-статистиками, до такой степени идетъ въ разрѣзъ и съ ихъ выводами, и съ усвоенными ими методами изслѣдованія, что оставить его безъ оцѣнки, особенно на страницахъ журнала, посвященнаго главнымъ образомъ исторіи, было-бы крупнымъ и существеннымъ пробѣломъ. Спѣшимъ, хотя и нѣсколько поздно, исправить допущенный критикой промахъ, и это тѣмъ болѣе, что открытіе касается мѣстности, близкой къ южной Россіи и основано на изслѣдованіи одного изъ такихъ документовъ, которые были нерѣдки и въ южной Руси и могли-бы послужить въ свою очередь для ряда, быть можетъ, такихъ-же новыхъ „научныхъ“ открытій...

Среди рукописей Московскаго архива Министерства Юстиціи было найдено описаніе одной небольшой области, расположенной между Припятью и Бугомъ (верховьями р. Нурца) и носившей названіе *„берестейскаго старостваа“*. И изданіе этого описанія вмѣстѣ съ другими документами Литовской метрики, и изученіе его были поручены администраціей архива привать-до-

центу Московскаго университета, г. Довнару-Запольскому, который не только выполнилъ порученіе, данное ему, но и сдѣлался авторомъ указаннаго крупнаго открытія. Онъ изучилъ, видимо тщательно, изданный имъ документъ и какъ въ предисловіи къ первому тому «документовъ Московскаго архива Министерства Юстиціи» (Москва 1897 г.), такъ затѣмъ въ болѣе полномъ видѣ на страницахъ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій“ (1898 г., № 2) изложилъ это, сдѣланное имъ, „научное“ открытіе.

И дѣйствительно, имъ найдена, въ бѣдной, лѣсистой и болотистой мѣстности сѣверо-западной Руси, область, гдѣ, какъ онъ самъ говоритъ и въ предисловіи, и въ статьѣ, плотность населенія въ XVI в. была почти такой-же, какъ и въ настоящее время, гдѣ на одну квадратную *версту* приходилось около 10 семей или, по его разсчетамъ, около 51 души, гдѣ развитіе экономическое достигло такой сильной степени, что городское населеніе составляло уже болѣе половины всего населенія (51,7%), а на долю сельскаго приходилось только 48,3% и гдѣ, наконецъ,—и это наиболѣе крупное открытіе,—процентъ лицъ, занятыхъ промыслами и ремеслами въ городахъ, равнялся почти 70% (sic) всего городскаго населенія [1]).

Очевидно, что въ лицѣ берестейскаго староства мы имѣемъ страну, которая въ XVI вѣкѣ, въ 1566 г., выработала такія отношенія въ своей средѣ, которыхъ напрасно мы искали бы не только въ XVI, но даже и въ XVIII в. въ большей части европейскихъ странъ. То, что говорятъ намъ изслѣдователи европейскихъ отношеній, что сообщаютъ намъ данныя экономическія и статистическія и Германіи, и Франціи, и даже Англіи до половины XVIII в., показываетъ, что цѣлая пропасть раздѣляла ихъ отъ области берестейской. Плотность населенія въ этихъ странахъ возростала, какъ извѣстно, очень медленно и слабо, и лишь въ XVIII в. начала замѣтно увеличиваться; городское населеніе лишь въ XVIII только вѣкѣ нѣсколько уси-

[1]) Предисловіе, стр. XV—XVI; статья въ У. Изв., стр. 16, 18, 31 и сл.

лилось на счетъ сельскаго, но еще во Франціи во время революціи, по даннымъ, собраннымъ конституантой, колебалось (смотря по мѣстностямъ) между 12—22%, оставляя за сельскимъ населеніемъ преобладающую роль (въ видѣ 78—88%). Занятія промыслами и ремеслами поглощали сравнительно небольшое количество рукъ, и въ Англіи къ началу XVIII в., не говоря о XVI в., количество занятыхъ промыслами и ремеслами составляло едва 11,7% всего населенія и поднялось до 50% только во второй половинѣ XVIII в., въ эпоху сильнаго промышленнаго и торговаго развитія Англіи, созданія въ ней первыхъ проявленій капиталистическаго хозяйства.

Европейскіе изслѣдователи, а за ними и русскіе, отсюда заключили, что измѣненія въ отношеніяхъ какъ между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, такъ и между населеніемъ и лицами, занятыми исключительно ремесленно-промысловой дѣятельностью, всецѣло обусловливались измѣненіями въ экономическомъ развитіи и ростѣ каждой данной страны, прогрессомъ и улучшеніями въ производствѣ, развитіемъ и расширеніемъ торговыхъ сношеній, усиленіемъ спроса на произведенія промышленности, послѣдовательнымъ подъемомъ культуры страны, ея богатства и проч., и проч.; увѣрены они были, что гдѣ нѣтъ на лицо указанныхъ условій, гдѣ жизнь населенія складывается подъ вліяніемъ одного земледѣльческаго труда, гдѣ царитъ еще натуральное хозяйство, тамъ немыслимо преобладаніе городского населенія надъ сельскимъ, еще менѣе возможно значительное развитіе ремеслъ и промысловъ, поглощеніе ими значительнаго количества рукъ. Теперь, благодаря открытію, сдѣланному г. Довнаромъ-Запольскимъ, очевидно, оказываются несостоятельными всѣ такого рода соображенія и выводы европейской исторической науки. Съ помощью выводовъ изъ данныхъ берестейскаго старостваго, г. Д.-З. показываетъ всю фальшь и несостоятельность европейскихъ изслѣдователей.

Какъ видитъ читатель—„открытіе“ безспорно крупное, подрывающее все сдѣланное раньше, требующее полнаго пересмотра всѣхъ прежнихъ выводовъ европейской исторической науки.

Въ виду этого настоятельно необходимо подробнѣе взглянуть на ученые аргументы и научныя основанія, приводимые г. Д.-З. въ подкрѣпленіе его важнаго открытія.

Начнемъ съ вывода автора о плотности населенія староства. Въ „описаніи“ даны лишь свѣдѣнія о количествѣ земли подъ усадьбами, огородами, сѣнокосами и пахатью каждаго города и каждаго изъ селъ, входившихъ въ составъ староства. Г. Д.-З. произвелъ подсчетъ всему количеству такого рода земель. Сдѣлать большаго онъ не могъ, и не могъ потому, что во 1-хъ,—какъ самъ онъ говоритъ, въ описаніи имѣются только одни господарскія земли, а данныхъ о частновладѣльческихъ земляхъ нѣтъ; во 2-хъ,—скажемъ мы отъ себя,—въ описаніи нѣтъ, за немногими исключеніями, означенія ни количества выгоновъ, болотъ и т. п., ни, въ особенности, пространства земли, занятаго лѣсами и т. д. [1]).

Въ виду отсутствія данныхъ о частныхъ владѣніяхъ, географическая карта, по словамъ г. Д.-З., не можетъ дать точной цифры квадратныхъ верстъ, и онъ думаетъ, что даже обращаться къ ней „нѣтъ особенной надобности“ (стр. 1 статьи): достаточно „цифръ фактически занимаемой каждымъ селеніемъ или городомъ земли“, такъ какъ, „принявъ въ разсчетъ эти данныя, мы получимъ ту площадь, которая была заселена и находилась въ пользованіи у населенія“ (ib.). Такимъ образомъ,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ селахъ не означено пространство земель въ застѣнкахъ (документы 242, 244 и др.). То-же во многихъ деревняхъ можно сказать о лѣсахъ, пространство которыхъ не дано въ Берестьѣ (стр. 229), въ с. Прилукѣ (259), въ с. Старое и др. (стр. 263), въ с. Лаховци (стр. 302—303), въ с. Малая Рита (стр. 305), въ с. Медведка (стр. 313, относительно сѣнокосовъ), въ с. Радешъ (стр. 315—16), Збуражъ (стр. 323), въ Рутѣ Великой (325 стр.), въ войтовствѣ Прилуцкомъ (стр. 327, озера стр. 328), и т. д., и т. д. Размѣры пущъ также не даны. «Пуща двора киевецкаго, которое ачъ ест немало, нижли на тотъ часъ, яко для достатечнишое вѣдомости о широкости тоеи пущи зморгована, ани граница певная описана быти не можетъ» (стр. 335). Число такихъ примѣровъ можно привести изъ описанія не мало.

вслѣдъ за сознательнымъ исключеніемъ всего того, что касается частныхъ владѣній, г. Д.-З. такимъ-же—мы не знаемъ, сознательнымъ ли—способомъ обошелъ всѣ данныя о неизмѣренныхъ земляхъ господарскихъ въ видѣ пущъ, острововъ, озеръ, пустошей и т. д., и затѣмъ опредѣлилъ *территорію* староства, т. е. ту единицу, которая должна была послужить ему точкой опоры для вычисленія *плотности* населенія. Другими словами, г. Д.-З. создалъ *новый* статистическій пріемъ и рѣшилъ, что достаточно взять не всю, а часть территоріи [1]), чтобы опредѣлить плотность населенія, существовавшую въ 16 вѣкѣ въ изученной и проштудированной имъ описи берестейскаго староства. Ясно, что всѣ тѣ пріемы, которые для такой же цѣли употреблялись и употребляются статистиками, оказались негодными, и отсюда негодными оказались и оказываются ихъ выводы. Отсюда же, напр., нужно отнынѣ признать, что когда статистики увѣряютъ насъ, будто въ Архангельской губерніи приходится всего 14 душъ на одну квадратную *милю*, то это ошибка, такъ какъ необходимо лишь исчислять количество земли, занятой селами и городами, земли, находящейся въ пользованіи этихъ селъ и городовъ, и имъ руководиться при вычисленіи плотности населенія въ губерніи, такъ какъ только тогда получится „правильный“ и „научный“ выводъ, и мы поймемъ, что плотность населенія Архангельской губ. уравняется съ плотностью населенія Кіевской, напр., губерніи, какъ и староства берестейскаго и нынѣшнихъ с.-з. губерній.

Таковъ тотъ новый научный статистическій методъ, радикально противоположный общеупотребительному, при помощи котораго подготовлена почва для перваго изъ ученыхъ открытій г. Д.-З.

Другимъ элементомъ является населеніе области,—населеніе городское и сельское, исчисленное г. Д.-З. въ 5599 семей или въ 28000 душъ обоего пола. Исчисленіе это, въ еще большей

[1]) Г. Д.-З. прямо даже заявляетъ о томъ, что въ его исчисленіе территоріи не вошли господарскія земли (пущи и др.), а сосчитаны лишь земли, находивш. въ фактическомъ пользованіи членовъ семей (стр. 4 статьи).

мѣрѣ, чѣмъ исчисленіе территоріи, является у автора послѣдствіемъ совершенно новыхъ „научныхъ“ пріемовъ. Въ полную противоположность со всѣми современными историками-статистиками, пришедшими къ заключенію (вѣроятно, ошибочному съ точки зрѣнія г. Д.-З.), что для исчисленія количества душъ въ семьѣ даже цифра 4, какъ коэффиціентъ, является слишкомъ высокой, г. Д.-З. находитъ коэффиціентъ въ $5^1/_{10}$ душъ на семью [1]) совершенно правильнымъ и естественнымъ, и это до такой степени, что даже не считаетъ нужнымъ и необходимымъ выяснить, почему онъ принимаетъ такую, а не иную цифру. Этого мало. Рядомъ съ новымъ статистическимъ пріемомъ у автора идетъ и новый ариѳметическій пріемъ исчисленія населенія.

Система записей владѣльцевъ домовъ и дворовъ, принятая ревизорами, состояла въ томъ, что они обыкновенно отмѣчали одинъ дворъ за другимъ, какъ они слѣдовали другъ за другомъ, по мѣсту нахожденія (напр. въ городахъ по улицамъ). Отсюда, во первыхъ, записи одного и того же владѣльца могли повторяться два и большее количество разъ въ той или другой улицѣ или въ нѣсколькихъ улицахъ, во-вторыхъ, при записи только дворовъ отмѣчалась главная семья и дѣлались не всегда опредѣленныя сообщенія о другихъ семьяхъ и ихъ количествѣ въ каждомъ данномъ дворѣ. Отсюда, съ одной стороны, трудности исчисленія числа семей въ виду возможности ошибокъ при зачисленіи одной и той-же семьи два или большее число разъ въ счетъ общаго количества семей, а, съ другой, возможности дать лишь minimum числа семей.

Г. Д.-З. въ своей статьѣ, правда, отмѣчаетъ этотъ послѣдній фактъ и указываетъ, вполнѣ вѣрно, что въ селахъ на дворъ приходилось нерѣдко по 2—3 семьи и большее ихъ число. Онъ противополагаетъ затѣмъ села городамъ, гдѣ, по его вѣрному же замѣчанію, число односемейныхъ дворовъ преобладало въ сильной степени надъ многосемейными [2]),

[1]) Г. Д.-З. не говоритъ прямо о коэффиціентахъ въ 5,1 но изъ словъ его, что 5599 семей равно 28000 душъ обоего пола, коэффиціентъ этотъ вытекаетъ самъ собою.

[2]) См. статью въ Ун. Изв., стр. 9—10, 11.

но,—и это, вѣроятно, тоже новой статистическій пріемъ,—совершенно умалчиваетъ о томъ, были-ли у каждаго владѣльца только одинъ дворъ или огородъ, или онъ могъ владѣть и большимъ числомъ ихъ. Между тѣмъ, разсматривая описи городовъ берестейской области, мы постоянно почти сталкиваемся съ случаями владѣнія однимъ лицомъ то двумя, то тремя дворами, огородами и т. д. Иногда одно и то-же лицо отмѣчено, какъ владѣющее двумя, изрѣдка тремя дворами смежными [1]), въ большинствѣ случаевъ разбросанными въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, напр., въ г. Берестьѣ нѣкто „Ильяшъ Скиба“ владѣлъ дворомъ на рынкѣ, двумя дворами надъ гостинцемъ Теребунскимъ, 2 дворами въ улицѣ подлѣ церкви Михайловской; нѣкто Станиславъ Конвиссаръ—2 дворами на рынкѣ, дворомъ въ улицѣ Налазки, дворомъ—надъ гостинцемъ Теребунскимъ и т. д.

Въ м. Воинъ не трудно замѣтить, что по 6 дворовъ и огородовъ приходилось на 1 владѣльца, по 5—на 5 владѣльцевъ, по 4—на 7, по 3—16, по 2—44 [2]). Согласно тому историко-статистическому методу, который примѣняется къ вычисленію числа населенія въ томъ или иномъ европейскомъ городѣ или въ той или иной области, напр. Германіи въ XIV и др. стол., на основаніи подобныхъ нашему описанію или ревизіи документовъ, всѣ такіе случаи повторенія владѣній однихъ и тѣхъ-же лицъ тщательно исключаются изъ счета, по понятной причинѣ. Г. Довнаръ-Запольскій избралъ иного рода методъ, и вотъ какой. Онъ беретъ, напр., опись города Берестье, сосчитываетъ по описи подрядъ и всѣ дворы, и всѣ волоки и такимъ образомъ получаетъ число всѣхъ дворовъ въ 1135. Засимъ присчитываетъ къ нимъ то число семей, которыя являлись добавочными въ данномъ дворѣ, и даетъ цифру всѣхъ семей, равную по его исчисленію 1239. Методъ, какъ

---

[1]) Выраженіе, напр., часто повторяющееся въ описи: Иванъ Коваль владѣетъ $1^1/_2$ прутовъ усадьбы и вслѣдъ за тѣмъ: тотъ-же Иванъ опять $1^1/_2$ пр. усадьбы (см. Берестье, стр. 206, 209, 210, 211, 212 и т. д. и т. д.

[2]) Документы, стр. 370 и сл.

видимъ,—методъ простого подсчета, но оригинальнаго, такъ какъ дворовъ въ Берестьѣ (вмѣстѣ съ предмѣстьемъ) въ описи значится всего 862, огородовъ только безъ усадьбы—157, а сидѣвшихъ на волокахъ—85 семей, т. е. фактически насчитывалось въ городѣ меньше дворовъ, чѣмъ сколько исчислилъ г. Д.-З. Но и это количество еще очень значительно, такъ какъ изъ него необходимо исключить: 1) дворы и огороды, находившіеся во владѣніи однихъ и тѣхъ же лицъ, т. е. около 123 дворовъ и огородовъ [1]); 2) мѣста подъ церквами, костелами, площадью, типографіей и проч.,—всего 18 и 3) одинъ пустой дворъ. Такимъ образомъ вмѣсто 1019 владѣльцевъ дворовъ и огородовъ въ Берестьѣ получается всего 877 владѣльцевъ или семей; прибавляя добавочныя семьи [2]), мы получимъ всего 890 семей. Причислять сюда и 85 семей, сидѣвшихъ на волокахъ, тоже трудно, если слѣдовать старому статистическому методу, такъ какъ среди владѣльцевъ волокъ не мало такихъ, которые отмѣчены уже раньше въ числѣ владѣльцевъ дворовъ [3]), и едва 57 остается такихъ, которыя можно принять за отдѣльныя семьи. Такимъ образомъ, число всѣхъ семей въ Берестьѣ составляетъ 1239, по методу г. Д.-З., и всего около 947 семей, по методу обыкновенному, статистическому, или принимая по 5,1 даже на семью, (цифру г. Д.-З.)—не 6500 душъ, какъ онъ увѣряетъ въ предисловіи къ документамъ (стр. XVI), а всего около 4900 д. (de facto гораздо менѣе).

Совершенно по тому же методу произведено г. Д.-З. вычисленіе семей и въ другихъ городскихъ поселеніяхъ староства: вездѣ оно значительно увеличено противъ того ихъ дѣйствительнаго числа, какое могутъ получить обыкновенные смертные, знакомые съ пріемами исчисленія по даннымъ описей семей...

---

[1]) Такъ какъ они находились во владѣніи однихъ и тѣхъ же лицъ: Яско Олифировича, Михно Калиховича, Серафѣна Новосельскаго, Станислава оптикаря, Станислава Андреевскаго, Станислава Корвиссара, Ильяша Скибы и т. д. Док., стр. 204 и сл.

[2]) 9 въ самомъ городѣ и 4 въ предм. за Мухавцемъ.

[3]) Около 28 семей.

По специфическому методу, составленному г. Д.-З., въ м. Ломазы насчитано городскихъ семей 706, къ которымъ присоединены 196 семей на волокахъ, а всего 902 семьи (статья, 17 стр.); въ Воинѣ—495 городскихъ и 251 на волокахъ, а всего 746; въ Милейчицахъ—684 городскихъ и 234 на волокахъ, всего 918 семей; въ Дивинѣ—350 городскихъ и 134 на волокахъ и т. д. По старому, общепринятому методу, между тѣмъ, получаются цифры совершенно иного рода. Въ м. Дивинѣ, путемъ исчисленія повторяющихся однихъ и тѣхъ же владѣльцевъ, сумма собственно городскихъ семей всего 210, громадное количество сидитъ въ то-же время и на волокахъ. Въ числѣ владѣльцевъ волокъ, которые не имѣли-бы въ городѣ двора, мы едва насчитываемъ 18. Въ м. Ломазы—городскихъ семей всего 435, а почти всѣ сидящіе на волокахъ—суть владѣльцы и дворовъ, т. е. значатся въ числѣ 435 городскихъ семей. То-же и въ Воинѣ, гдѣ всего имѣлось 254 гор. семьи и гдѣ большинство владѣльцевъ полуволокъ были и владѣльцами дворовъ и т. д. Отсюда общая сумма городскихъ семей, исчисленная по методу г. Д.-З. въ 3786, падаетъ, при примѣненіи статистическаго метода, почти до 2400 семей.

Если-бы теперь мы приняли цифру, данную г. Д.-З. относительно количества сельскихъ семей [1]), и для селъ исчислили-бы общую сумму семей въ 4314, то оказались-бы на далекомъ разстояніи отъ блестящаго открытія о преобладаніи городского населенія надъ сельскимъ въ берестейскомъ старостве, такъ какъ вмѣсто 51,7% —для городского населенія получили-бы всего 35,7%. Что и эта послѣдняя цифра весьма сомнительна,—не

---

[1]) Семьи въ селахъ исчислены г. Д.-З. съ гораздо большей точностью, чѣмъ городскія. Ошибки въ счетѣ ничтожны. Такъ, по Кобылянскому войтовству ошибка всего въ 2 семьи, опущенныя при счетѣ; въ Сичавскомъ—3 (тоже опущенныхъ) и т. д. Здѣсь г. Д.-З. считалъ владѣльцевъ 2 дворовъ за единицу и откинулъ перечень семей въ нѣсколькихъ селахъ волости полѣсской (док., стр. 323—327), какъ повторяющихся въ соотв. селахъ въ описаніи. Но впрочемъ не всѣ семьи повторяются,—около 30 семей не значатся въ описи тѣхъ же селъ.

чего и говорить. Вѣдь у насъ вовсе не имѣется данныхъ о населенности селъ владѣльческихъ, о количествѣ семей, сидѣвшихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ! Впрочемъ, цифру въ 51,7% для городовъ можно получить и при данныхъ, опредѣленныхъ путемъ обыкновеннаго ариѳметическаго метода. Для этого стоитъ только помножить сумму городскихъ семей на 100 и раздѣлить на сумму не *всѣхъ* семей староства, а лишь *однихъ сельскихъ*. Быть можетъ и это возможно съ помощью какого-нибудь новооткрытаго метода?

Считаемъ излишнимъ останавливаться подробно на томъ открытіи, какое сдѣлано г. Д.-З. въ 1897 г. въ предисловіи къ изданію документовъ Литовской метрики относительно ремесленниковъ. Мы видѣли, что число этихъ послѣднихъ исчислено въ количествѣ 70% всего городского населенія. Если теперь взять цифру количества городскихъ семей, какъ оно исчислено г. Д.-З., т. е. 4871, то окажется, что въ 6 городахъ староства насчитывалось до 3410 семей,—другими словами, 1 семья ремесленниковъ работала на $1^2/_5$ семьи городской или 2 семьи ремесленниковъ почти на 3 семьи городскихъ. Очевидно, что жители тогдашнихъ городовъ староства были очень зажиточными людьми, если могли давать средства существованія почти цѣлой ремесленной семьѣ! А, можетъ быть, для издѣлій ремесленниковъ существовалъ и рынокъ, и они вывозили свои продукты и за предѣлы староства, въ другія страны? Вѣдь, при 51,7% городского населенія это вещь мыслимая. Къ сожалѣнію, о торговлѣ г. Д.-З. ничего нигдѣ не говоритъ. Но (опять къ сожалѣнію) въ описи отмѣчено весьма небольшое количество ремесленниковъ. Не всѣ семьи отмѣчены, какъ занятыя ремесломъ (шевскимъ, кушнерскимъ, малярнымъ, шапочнымъ, сапожнымъ и т. д.). Не болѣе въ общей сложности 10% ремесленниковъ мы насчитываемъ для дѣйствительнаго городского населенія того времени. Если г. Д.-З. исчислилъ ремесленниковъ въ 70%, то, очевидно, у него были какія то основанія для этого, о которыхъ онъ, къ сожалѣнію, ничего намъ не говоритъ. Но, разъ мы обращаемся къ точному перечню городскихъ населеній, разъ принимаемъ

даже 15,4% для земледѣльческаго населенія въ городахъ, какъ опредѣлилъ то г. Д.-З., и его же 9,8% для служекъ, конюховъ, бояръ [1]); разъ отчисляемъ 10%, какъ завѣдомыхъ ремесленниковъ, то, спрашивается, изъ кого же состояли остальные 60% яко бы ремесленниковъ. Цифры такого рода мы не могли получить иначе, какъ включивши въ число ремесленныхъ семей не только семьи, но и госпитали, церкви, костелы, пляцы замковые и т. д., и т. д.

Къ счастью, г. Д.-З. избавилъ насъ отъ затрудненій, созданныхъ въ его предисловіи. Предисловіе это было написано имъ, какъ резюме его изслѣдованія о берестейскомъ старостві. По крайней мѣрѣ, мы можемъ вывести это изъ одной фразы, находящейся въ его предисловіи [2]). Въ своемъ изслѣдованіи, помѣщенномъ въ Ун. Изв., г. Д.-З. уже, къ удивленію, ни однимъ словомъ не вспоминаетъ о выведенныхъ имъ 70% ремесленнаго населенія, а, напротивъ, повидимому, уже склоняется къ предположенію, что количество ремесленниковъ было относительно не велико. Какой изъ двухъ противоположныхъ выводовъ г. Д.-З. признаетъ самымъ правильнымъ—мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. И это тѣмъ болѣе, что по даннымъ г. Д.-З. въ его статьѣ, въ гор. Берестьѣ уже насчитывается имъ всего около 13,8%, въ Ломазы—4,2%, въ Милейчицахъ—6,4%, въ Воинѣ—6,7%, въ Дивинѣ—1,2%, въ Пещаткѣ—около 2,6%. А эти процентныя отношенія, вѣдь, не даютъ же 70%? Но и цифры ремесленниковъ исчислены г. Д.-З. не точно, такъ какъ и здѣсь онъ посчиталъ иногда 2 и 3 раза одну и ту-же ремесленную семью, напр., доктора Мордухая, Греся теслю и др. въ Берестьѣ и т. д. Въ Берестьѣ насчитывалось не 172, а всего около 136 рем. (считая въ томъ числѣ, по г. Д.-З., и докторовъ

---

[1]) Документы, стр. XVI.

[2]) Ів., стр. VI, прим. 2. «Опытъ *научной* разработки документовъ предлагается въ очеркѣ быта берестейскаго старостна въ XVI в., *печатаемомъ въ настоящее время* въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ».

(sic), и органистовъ, и рыболововъ); въ Дивинѣ—не 6, а всего три коваля [1]), въ Ломазахъ не 38, а всего 23 и т. д.

Таковы тѣ выводы, тѣ открытія, которые представлены г. Д.-З. и въ его ученомъ предисловіи, и въ его научномъ изслѣдованіи,—выводы и открытія, разрушающіе всѣ тѣ заключенія, къ какимъ пришла европейская наука. И эти выводы добыты имъ при помощи своеобразныхъ методовъ, являющихся не менѣе разрушительными и для существующихъ и выработанныхъ методовъ во всемъ, что касается исчисленія населенія, его плотности, отношеній городского населенія къ сельскому и т. д.

Мы не беремъ на себя смѣлости рѣшать вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ въ данномъ случаѣ истина. Предоставляемъ самому читателю сдѣлать выводъ о томъ, какіе методы и какіе выводы научны,—выводы-ли и методъ г. Д.-З., или работниковъ въ европейской и русской литературѣ.

И. Лучицкій.

---

[1]) Изъ того, что коваль живетъ съ сыновьями, еще не слѣдуетъ, чтобъ оба сына его были тоже кузнецами, какъ, видимо, думаетъ г. Д.-З. въ своей статьѣ.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Въ настоящее время отпечатаны и разосланы протоколы засѣданій Предварительнаго Комитета по устройству съѣзда, имѣвшихъ мѣсто въ Москвѣ, въ январѣ наст. года. Объ этихъ засѣданіяхъ мы своевременно уже сообщали [1]), а потому въ данномъ случаѣ сдѣлаемъ лишь небольшія дополненія и приведемъ названія вопросовъ и запросовъ, заявленныхъ въ комитетѣ и помѣщенныхъ вмѣстѣ съ протоколами. При этомъ оговариваемся, что въ нашемъ спискѣ вопросовъ и запросовъ будутъ помѣщены только имѣющіе общій характеръ или относящіеся къ южно-русской старинѣ.

Главная роль по подготовкѣ съѣзда на мѣстѣ, въ Харьковѣ, несомнѣнно будетъ принадлежать проф. Д. И. Багалѣю. Съ основными его положеніями о подготовительныхъ работахъ, археологическихъ экскурсіяхъ, устройствѣ выставокъ и т. п. читатели знакомы. Укажемъ здѣсь еще на пожеланіе проф. Багалѣя о снаряженіи экспедиціи съ цѣлью обслѣдованія археографическихъ памятниковъ въ губ. Харьковской и Полтавской, по примѣру такой-же экспедиціи г. Плохинскаго въ Черниговскую губ., совершенной по порученію Археографической комиссіи Московскаго Археологич. Общества, на желательность продолжить изслѣдованіе городища у д. Лихачевки, Богодуховскаго уѣзда, начатое И. И. Зарѣцкимъ, и стоянки каменнаго вѣка у

---

[1]) См. «Археологич. Лѣтопись», февраль наст. года.

Рай-Городка, а также выяснить и обслѣдовать Бѣлгородскую черту и Украинскую линію.

Сообщеніе проф. Багалѣя, затрогивая цѣлую массу вопросовъ, уже на засѣданіяхъ предварительнаго комитета вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній, намѣчавшихъ пути къ осуществленію указанныхъ цѣлей съѣзда или служившихъ дополненіями къ поставленнымъ дезидератамъ.

По очень важному вопросу о составленіи археологическихъ картъ, изъявили готовность составить таковыя: по Харьковской губ.—проф. Багалѣй, по Черниговской и Полтавской—проф. Самоквасовъ, по Воронежской—Л. М. Савеловъ, по Курской—В. К. Трутовскій и по Кубанской области—В. М. Сысоевъ, въ случаѣ отказа Г. Д. Фелицина, къ которому предположено обратиться. По вопросу о выясненіи пограничныхъ линій, среди другихъ заявленій, укажемъ на высказанное проф. Миклашевскимъ о столбцахъ и книгахъ Бѣлгородскаго стола въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи съ планами и чертежами,—ихъ очень желательно было-бы видѣть на выставкѣ съѣзда. Проф. Самоквасовъ указалъ на важность обслѣдованія 14 Донецкихъ городищъ, описанныхъ у Пассека; былъ поднятъ затѣмъ вопросъ объ осуществленіи полной инвентаризаціи каменныхъ бабъ, причемъ проф. Кочубинскій предложилъ обратиться за собираніемъ свѣдѣній къ народнымъ учителямъ, а проф. Анучинымъ и проф. фонъ-Штерномъ были указаны уже имѣющіеся цѣлые альбомы снимковъ съ каменныхъ бабъ.

Въ засѣданіи комитета было также доложено письмо проф. Н. П. Дашкевича, съ предложеніемъ, не найдетъ-ли удобнымъ Харьковскій комитетъ разослать въ раіоны, которые будутъ признаны подходящими, приглашенія къ собиранію остатковъ стараго козацкаго эпоса (думы), какіе могли уцѣлѣть до настоящаго времени, и свѣдѣній о послѣднихъ кобзаряхъ; а равно старинныхъ историческихъ легендъ и преданій (мѣстныхъ).

Существеннаго вопроса общей организаціи археологическихъ съѣздовъ касается письмо проф. Н. П. Кондакова, съ предложеніемъ установить для Харьковскаго съѣзда опредѣлен-

ную программу его занятій, въ формѣ общей задачи, и ограничить предѣлами ея содержаніе имѣющихъ быть заявленными вопросовъ, запросовъ и рефератовъ на съѣздѣ. Предложеніе это служитъ какъ-бы отвѣтомъ на высказываемыя нареканія по поводу отсутствія на съѣздахъ ясно поставленныхъ задачъ, или же, если такія задачи и ставятся, то на отступленія отъ нихъ, имѣвшія послѣдствіемъ сведеніе къ минимуму научныхъ результатовъ съѣздовъ. Такое положеніе зависѣло главнымъ образомъ отъ недостаточности критической оцѣнки рефератовъ, предлагаемыхъ для доклада. Вотъ что, напр., говоритъ по этому поводу одинъ изъ обозрѣвателей послѣдняго кіевскаго съѣзда [1]: „За рѣдкими исключеніями, рефераты были полною неожиданностью для бюро и членовъ съѣзда, являлись не отвѣтами на заранѣе поставленные вопросы, а случайными и очень спеціальными работами, которыя извлекались передъ самымъ отправленіемъ изъ старыхъ бумагъ или набрасывались во время съѣзда. Ихъ обычная черта—небрежность обработки, скудость содержанія, ненаучность пріемовъ. Во всей ихъ совокупности немыслимо уловить какую-нибудь идею, послѣдовательность и планъ". Вторая часть предложенія проф. Кондакова и имѣетъ въ виду исключить изъ съѣздовъ эту случайность преподносимыхъ публикѣ рефератовъ. На практикѣ, конечно, провести идею цѣльности съѣзда довольно трудно, но многое можно сдѣлать; повидимому, и самъ комитетъ по устройству Харьковскаго съѣзда „принялъ къ свѣдѣнію" заявленіе проф. Кондакова, такъ какъ въ правилахъ будущаго съѣзда находимъ существенное измѣненіе параграфа о рефератахъ, которые теперь будутъ докладываться лишь послѣ предварительнаго одобренія ихъ Ученымъ Комитетомъ съѣзда.

Вопросовъ и запросовъ, уже теперь заявленныхъ,—очень много; если-бы и третья часть ихъ такъ или иначе была рѣшена, съѣздъ исполнилъ-бы свое назначеніе. Но какъ будетъ въ

---

[1]) W.—«Нѣсколько словъ по поводу XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ». Русская Мысль, 1899 г., декабрь.

дѣйствительности—трудно предсказать: бывшіе примѣры не очень баловали насъ въ этомъ отношеніи.

Вопросы и запросы разбиты на группы по тѣмъ отдѣламъ, къ какимъ относятся по содержанію; этой системѣ послѣдуемъ и мы, упомянувъ, что изъ общихъ вопросовъ поставленъ только одинъ—*А. С. Раевскаго*—проектъ сѣти археологическихъ учебныхъ заведеній и ихъ нармальнаго учебнаго плана. Заявленъ также и одинъ запросъ общаго характера—*Н. И. Златоверховникова*—Какимъ способомъ можно было-бы осуществить изданіе карты кургановъ по губерніямъ, и не объявить-ли кургановъ заповѣдной собственностью? Общіе вопросы—больное мѣсто нашихъ съѣздовъ; каждый изъ послѣдующихъ съѣздовъ даетъ ихъ все меньше и меньше, хотя съ развитіемъ изслѣдованій, съ накопленіемъ матеріала должно было-бы быть наоборотъ. Фактъ этотъ представляется намъ необъяснимымъ. Неужели „гробокопательство" въ тѣсномъ смыслѣ, безцѣльное коллекціонерство отодвигаютъ на задній планъ существенные запросы науки въ формѣ научныхъ обобщеній? Плохо, если изъ за деревьевъ лѣса не видно...

Но обратимся къ вопросамъ и запросамъ [1]). Начнемъ съ *первобытныхъ древностей.*

В. Б. Антоновичъ. Вопросъ: Характеръ предметовъ бронзоваго вѣка, находимыхъ въ бассейнѣ Дона и въ лѣвой половинѣ бассейна Днѣпра, и отношеніе ихъ къ бронзовой культурѣ Кавказа. Запросы: 1. Стоянки и мастерскія каменнаго вѣка въ бассейнѣ Дона и въ лѣвой половинѣ бассейна Днѣпра и ихъ характеристика. 2. Что заключаютъ курганы съ каменными бабами, находящіеся въ придонскихъ степяхъ? 3. Типы и топографическое распредѣленіе городищъ въ бассейнѣ Дона. *Д. И. Багалѣй.* Запросы: Топографія городищъ Донецкаго бассейна по Книгѣ Большого Чертежа и современнымъ развѣдкамъ. *Н. Е. Бранденбургъ.* Вопросъ: Слѣды Печенѣговъ на Днѣстрѣ.

---

[1]) *Вопросы*—темы, на которыя поставившія ихъ лица обѣщаютъ дать на съѣздѣ отвѣты въ формѣ рефератовъ; *запросы*—темы, на которыя желательно получить разъясненія.

Н. И. Веселовскій. Запросы: 1. Каменныя бабы ближайшаго къ Харькову раіона или одной Харьковской губ. и ихъ описаніе. 2. Майданы; ихъ обслѣдованіе, раскопки и описаніе. *В. А. Городцовъ.* Запросъ: Отношеніе днѣпровской культуры Трипольскаго типа къ дюнной неолитической культурѣ Европейской Россіи. *Е. Н. Мельникъ.* Вопросы: Мегалитическіе памятники въ Новороссійскомъ краѣ. Запросы: 1. Типы славянскихъ кургановъ въ бассейнѣ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра: Сулы, Псла, Ворсклы и Орели. 2. Находятся-ли курганы славянскаго типа на территоріи бывшаго Тмутараканскаго княжества? 3. Возможно-ли установить погребальные типы кочевниковъ въ курганахъ южныхъ степей отъ Днѣпра до Дона. 4. Типы кургановъ каменнаго вѣка въ томъ-же раіонѣ. 5. Опредѣлить характеръ предметовъ каменнаго вѣка на этой-же территоріи. *Ѳ. Г. Мищенко.* Вопросъ: Скиѳскіе курганы и извѣстія древнихъ о скиѳахъ. *Д. Я. Самоквасовъ.* Вопросъ: Нельзя-ли по археологическимъ и историческимъ даннымъ признать кладбищемъ скиѳскихъ царей эпохи Геродота и послѣдующихъ столѣтій непрерывный курганный могильникъ, расположенный на протяженіи 50 вер. между с. Константиновкою и г. Глинскомъ, Роменскаго у. Полтавской губ. *А. А. Титовъ.* Запросъ: Курганы близъ р. Ворсклы, Полтавскаго у., не имѣютъ-ли сходства, по содержимому въ нихъ, съ курганами близъ рѣки Ворсклы, Ростовскаго у., Ярославской губ., разрытыми гр. А. С. Уваровымъ и П. С. Совельевымъ въ 50-хъ годахъ?

Довольно много намѣчено интересныхъ вопросовъ, а еще больше запросовъ, по отдѣлу *древностей историко-географическихъ и этнографическихъ*. *В. Б. Антоновичъ* поставилъ запросъ: Мѣстоположеніе лѣтописныхъ городовъ въ Донскомъ бассейнѣ: Шарукань, Сугровъ, Балинъ, Донецъ. *Д. И. Багалѣй.* Вопросы: Старинныя карты южной Россіи изъ Флоренціи. Запросы: 1. Составить коллекцію старинныхъ видовъ и плановъ г. Харькова. 2. Описать остатки въ Харьковской и Полтавской губ. нѣкогда знаменитой „Украинской линіи". *Н. Е. Бранденбургъ.* Запросъ: Не могутъ-ли быть достовѣрно указаны мѣста битвъ на Калкѣ

и Калкѣ? *А. И. Бунинъ* предложилъ цѣлый рядъ запросовъ по исторической топографіи княжескаго періода; за недостаткомъ мѣста, приводимъ лишь нѣкоторые изъ нихъ: 1. Къ какому времени можетъ быть отнесено существованіе и затѣмъ запустѣніе городовъ, отъ которыхъ остались цѣлые ряды городищъ по рр. Сѣверному Донцу, Пслу и Деснѣ? 2. Гдѣ находился валъ Половецкій, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ 1223 г.? *В. В. Ивановъ.* Запросъ: О картахъ Слободской Украины и Харьковскаго Намѣстничества. *И. М. Каманинъ.* Запросъ: О происхожденіи русскаго козачества вообще и запорожскаго въ частности. *В. Ѳ. Миллеръ.* Вопросъ: Къ вопросу объ Алланахъ. *Ѳ. Г. Мищенко.* Вопросъ: Пріемы этнографіи у древнегреческихъ историковъ. *С. Ѳ. Платоновъ.* Запросъ: Нельзя-ли составить подробную карту путей XVI—XVII вв. между Окой, лѣвыми притоками Днѣпра, Дономъ и Сѣвернымъ Донцомъ? *А. И. Соболевскій.* Запросы: 1. Кто были *севрюки*, упоминаемые въ актахъ XVII и начала XVIII вв., имѣющихъ въ виду Черниговскую область? 2. Почему въ Москвѣ XVI—XVII вв. называли жителей южной Россіи *черкассами*? Нѣтъ ли связи между этими названіями и тожественнымъ съ нимъ названіемъ сѣверныхъ кавказскихъ горцевъ? *В. М. Сысоевъ.* Вопросы: 1. Каменныя бабы, найденныя въ предѣлахъ Кубанской области. 2. Сводъ историческихъ данныхъ о Тьмутараканскомъ княжествѣ. 3. Обзоръ распространенія кургановъ въ Кубанской области. Запросъ: Географическое распространеніе и значеніе каменныхъ бабъ. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Вопросы: 1. О нѣкоторыхъ памятникахъ старины Ахтырскаго у. Харьковской губ. 2. Мѣстныя названія Харьковской губ., какъ матеріалъ для изученія старины. 3. Архаическія черты въ орнаментѣ писанокъ. *М. Г. Халанскій.* Вопросъ: О древне-русскихъ переводахъ географическихъ терминовъ и названій.

Мы покончили съ отдѣлами, самыми изобильными по числу; остальные, за нѣкоторыми исключеніями, даютъ гораздо меньше матеріала для того или другого рода изысканій; въ связи съ этимъ и вопросовъ выдвигается меньше.

Вообще на съѣздахъ *отдѣлъ памятниковъ искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики* бываетъ слабо представленъ. Если по отношенію къ двумъ послѣднимъ его подотдѣламъ обстоятельство это и не заслуживаетъ особой печали, то слѣдуетъ очень пожалѣть, что исторія нашего искусства привлекаетъ къ себѣ такъ мало вниманія. Особенно это относится къ памятникамъ южно-русскаго искусства, область эта— непочатый еще уголъ. Изъ заявленныхъ къ Харьковскому съѣзду, мы можемъ указать на вопросъ *М. П. Истомина*—Къ исторіи стѣнописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ; запросъ *Д. И. Багалѣя*—Нѣтъ-ли въ Академіи Художествъ, среди ея метрикъ со свѣдѣніями о храмахъ и о др. древнихъ зданіяхъ, матеріаловъ, относящихся къ Харьковской и сосѣднимъ епархіямъ? *Е. К. Рѣдинъ* предложилъ вопросы: 1. Памятники искусствъ и древности церквей въ Харьковской губ. 2. Матеріалы къ исторіи древне-русскаго искусства. О нѣкоторыхъ древнихъ лицевыхъ рукописяхъ. 3. Русскія лицевыя рукописи Козьмы Индикоплова въ связи съ византійскими. *В. В. Сусловъ*, кромѣ нѣсколькихъ запросовъ, поставилъ два вопроса: 1. Древне-русское военное и гражданское зодчество и 2. Старинное рѣзное дѣло на Руси.

Отдѣлъ, озаглавленный *бытъ домашній, хозяйственный, общественный, юридическій и военный*, затрогивая вопросы чисто историческіе, довольно богатъ по количеству и разнообразію темъ. *Д. И. Багалѣй* заявилъ вопросы: 1. Цехи и братства въ лѣвобережной и Слободской Украинѣ; 2. Исторія города Харькова: планъ и источники труда; важнѣйшіе моменты его исторической жизни. Запросы Д. И. Багалѣя имѣютъ характеръ обращеній съ просьбой о доставленіи предметовъ на выставку и различныхъ указаній, напр.: не можетъ-ли кто указать, гдѣ хранятся считающіеся теперь утерянными экстрактъ о Слободскихъ полкахъ, фамильныя записи Квитокъ, Тевяшовыхъ, Лесевицкихъ и вообще мемуары, касающіеся Харьковскаго края; нѣтъ-ли портретовъ харьковскихъ дѣятелей въ нашихъ столичныхъ хранилищахъ и т. п. *В. В. Ивановъ*. Вопро-

ся: 1. Безземельные Слободской Украины. 2. Новѣйшіе матеріалы по этнографіи и обычному праву Харьковской г. *Е. И. Ивановъ.* Вопросы: 1. Внутреннее состояніе Слободской Украйны наканунѣ преобразованія въ губернію. 2. Черты изъ исторіи землевладѣнія въ Слободской Украинѣ. *Н. А. Максимейко.* Вопросы: 1. Исторія землевладѣнія въ Слободской Украинѣ. 2. Исторія землевладѣнія у донскихъ козаковъ. *Д. П. Миллеръ.* Вопросы: 1. Цехи въ старой Гетманщинѣ. 2. Повинности мѣщанъ въ Малороссіи XVIII ст. 3. Сельскіе ремесленники въ старой Малороссіи. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Вопросы: 1. О выдѣленіи въ заговорахъ древнѣйшихъ бытовыхъ мотивовъ. 2. О литературныхъ нравахъ южно-русскихъ ученыхъ XVII ст. Въ ряду другихъ вопросовъ и запросовъ *В. Н. Сторожева,* отмѣтимъ вопросъ общаго характера—Что сдѣлано губернскими учеными архивными комиссіями для сохраненія и разработки источниковъ по исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XVIII и XIX вв., и такого-же характера запросъ: Основные моменты экономической исторіи Россіи до реформы 19 февраля 1861 года.

По отдѣлу *древностей церковныхъ* укажемъ на вопросы: *А. С. Лебедева*—Свѣдѣнія объ архіереяхъ Бѣлгородской епархіи, и *В. М. Сысоева*—Остатки запорожской церковной старины въ предѣлахъ Кубанской области. Запросы по этому отдѣлу: *Д. И. Багалѣя*—Нѣтъ-ли въ библіотекѣ Св. Синода описаній церковныхъ древностей, относящихся къ епархіямъ: Харьковской, Курской, Воронежской, Полтавской и др. (присылка этихъ описей была вызвана запискою московск. митроп. Филарета въ 1853 г.)? *В. Т. Георгіевскаго*—Памятники древне-русскаго литургическаго шитья золотомъ, шелками и пр., *С. Ѳ. Платонова*—Церковныя древности въ Екатеринославской губ. Проявляется-ли въ нихъ западное вліяніе и въ чемъ именно? *Н. В. Покровскаго*—Бытовыя особенности христіанской иконографіи въ Малороссіи.

По отдѣлу *памятниковъ языка и письма. Д. И. Багалѣй.* Вопросъ: О неизданныхъ сочиненіяхъ Сковороды. Запросъ: Сохранились-ли богослужебныя книги западно-русской печати, нѣкогда взятыя изъ Харьковской епархіи? *А. А. Кочубинскій.*

Вопросъ: Роль малорусскаго языка въ старѣйшей письменности Румынъ. Запросъ: Тувемность малорусскаго языка. *И. М. Каманинъ.* Запросъ: Особенности письма Слободской Украйны. Далѣе идутъ вопросы: *А. В. Лонгинова*: Значеніе Траяна въ русской исторіи, русскомъ правѣ и русской поэзіи, *В. Ѳ. Миллера*: Пересмотръ вопросовъ, вызываемыхъ личностью Иліи Муромца и былинами о немъ, *М. Г. Халанскаго*: 1. О происхожденіи имени и прозвища Иліи Муромца и 2. Сказаніе о Маркѣ Проклятомъ въ малорусской народной поэзіи.

По отдѣлу *древностей классическихъ, восточныхъ, византійскихъ и западно-европейскихъ.* Вопросы: *Д. В. Айналова*—Гдѣ и какъ была принимаема св. кн. Ольга въ Царьградѣ, *В. М. Сысоева*—Обзоръ древне-греческихъ колоній на восточномъ берегу Азовскаго и Чернаго морей, и его-же запросъ—Исторія Босфорскаго царства. *Г. М. Халанскаго*—О Руссахъ и русскомъ князѣ Иліасѣ въ германскомъ эпосѣ. *Э. Р. фонъ-Штерна*—Точное опредѣленіе раіона культурнаго вліянія греко-римскаго міра на народы юга Россіи по совокупности археологическихъ и историческихъ данныхъ.

Отдѣлъ *археографическій,* бывшій на Кіевскомъ съѣздѣ однимъ изъ болѣе содержательныхъ, обѣщаетъ быть такимъ-же и на Харьковскомъ; среди вопросовъ и запросовъ, мы находимъ такіе, которые служатъ какъ бы продолженіемъ поднятыхъ на послѣднемъ съѣздѣ. *Д. И. Багалѣй.* Запросы: Какіе матеріалы по исторіи Слободскихъ полковъ Харьковскаго края, въ болѣе позднее время, сохранились въ архивахъ Минист. Иностр. Дѣлъ, Главнаго Штаба въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и др. хранилищахъ? 2. Нѣтъ-ли документовъ, касающихся Харькова и его края, въ провинціальныхъ хранилищахъ и у частныхъ лицъ? *М. Н. Былова.* Вопросъ: Главнѣйшіе архивы Воронежскихъ губернскихъ учрежденій. *С. Е. Звѣрева.* Вопросъ: Монастырскіе архивы Воронежской губ. *В. Т. Георгіевскій.* Запросъ: о мѣрахъ къ охраненію старинныхъ архивовъ отъ уничтоженія. *И. М. Каманинъ.* Вопросы: 1. Возможна-ли, при централизаціи управленія архивами, централизація, общая въ государствѣ, исто-

рическаго матеріала? 2. Что должны заключать въ себѣ областные архивы и общій государственный? 3. Нужны-ли особые губернскіе центральные архивы для болѣе новыхъ дѣлъ? *А. С. Раевскій.* Вопросъ: Обзоръ попытокъ упорядочить архивъ Новороссійскаго генералъ-губернаторства. *В. Н. Сторожевъ.* Запросы: 1. О порядкѣ храненія и уничтоженія документовъ по исторіи Россіи XIX в. 2. Должны-ли быть абсолютно публичными архивы русскихъ органовъ самоуправленія XIX в.

Изъ вышеприведенныхъ вопросовъ, заявленныхъ къ Харьковскому съѣзду, можно судить объ обширности территоріи, охватываемой послѣднимъ, такъ какъ сюда входятъ: Лѣвобережная Украина, Слободская Украина, часть Новороссіи и области Донская и Кубанская. Въ научномъ отношеніи территорія эта представляетъ громадный интересъ: она была ареной, гдѣ сталкивались восточное и западное культурныя теченія,—очень важно уяснить границы этихъ теченій, ихъ взаимоотношенія, вліяніе одного на другое; въ связи съ этими выясненіями находится и рѣшеніе другихъ вопросовъ археологіи, по отношенію къ другимъ областямъ. Предшествующіе археологическіе съѣзды: Кіевскіе, Одесскій и Тифлисскій, значительно подвинули изученіе древностей нашего юга,—Харьковскій съѣздъ долженъ заполнить собой пробѣлъ, и пробѣлъ значительный, чтобы, наконецъ, весь югъ вошелъ въ сферу научнаго вліянія съѣздовъ. Въ виду обширности области, и въ виду сравнительно небольшого числа мѣстныхъ изслѣдованій, вліяніе это, главнымъ образомъ, въ видѣ возбужденія интереса, дастъ, путемъ подготовительныхъ къ съѣзду изслѣдованій, извѣстную долю матеріала и подвинетъ дѣло суммированія и научной обработки уже имѣющихся данныхъ. Но, въ виду именно вышеуказанныхъ причинъ, большаго отъ съѣзда, по отношенію къ мѣстнымъ памятникамъ старины, нельзя и требовать.

Б.

Документы, извѣстія и замѣтки.

За что былъ оштрафованъ сотникъ Д. Дараганъ „держаніемъ на пушкѣ“? [1]). Въ полкахъ Гетманщины существовалъ особый разрядъ козаковъ, которые отправляли свою войсковую службу „стрѣлецкимъ искусствомъ“, т. е. охотились за дичью и поставляли ее ко двору гетмана, который, въ свою очередь, отправлялъ добытую „дичину, звѣрину и птаство“ въ Петербургъ къ Высочайшему Двору. Но служба этихъ козаковъ охотниковъ, ихъ особыя права и обязанности не были опредѣленно регламентированы, самое число ихъ не было опредѣлено и часто было неизвѣстно полковому начальству Надо полагать, что „войсковую должность стрѣлецкимъ отправлять искусствомъ“ стремились козаки ради того, чтобы, „въ томъ стрѣлецкомъ званіи щитаясь, быть свободными отъ другихъ употребленій“. Такъ полагала и Войсковая Генеральная Канцелярія, предлагая гетману гр. К. Г. Разумовскому назначить надъ всѣми стрѣльцами, въ какомъ бы полку они ни жили, одного командира, подчиненнаго непосредственно Войсковой Генеральной Канцеляріи. Такое предложеніе признано было неудобнымъ и, по приказанію гетмана, въ февралѣ мѣсяцѣ 1756 г. затребованы были отъ Войсковой Генеральной Канцеляріи свѣдѣнія относительно имѣющихся въ данное время въ полкахъ стрѣльцовъ: „изъ какого они званія, изъ выборныхъ-ли козаковъ, или изъ подпомощниковъ, когда и кѣмъ и по какому указу или опре-

[1]) Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужило Дѣло 1756 г. Ген. Войск. Канц. „Объ оштрафованіи сотника Кропивянскаго Димитрія Дарагана за то, что онъ, опредѣля козаковъ в стрелци, от службъ ихъ уволилъ“.

дѣленію къ той должности опредѣлены, или издавна стрѣлецкаго званія были и суть, и сколько ихъ гдѣ находится".

Это требованіе о составленіи вѣдомости стрѣльцамъ повторено было особымъ письмомъ Андрея Безбородка къ генеральному обозному, который, отправляя изъ Глухова въ Петербургъ „для представленія въ надлежащее мѣсто привезенную отъ полку Лубенскаго дичину, именно: лося одного, олемовъ двохъ, сугаковъ пяти, козъ четирохъ, а дрофъ трохъ", писалъ, что такая доставка изъ полковъ дичины „малымъ числомъ" происходитъ исключительно отъ «нерадѣнія стрѣльцовъ, при полкахъ состоящихъ и подъ собою не имѣющихъ страху".

Согласно ордеру гетмана, Войсковая Генеральная Канцелярія потребовала отъ полковниковъ „учинить объ оныхъ стрѣльцахъ справки" и при этомъ „въ крѣпкихъ термѣнахъ ордеровала", чтобы стрѣльцы «все тое, что ими звѣрины и птаства ни получено будетъ, съ того ничего себѣ и въ полкахъ и сотнахъ и малѣйше не оставляя, отсылали въ Глуховъ къ отсылкѣ въ подлежащее мѣсто".

Очевидно, полковники сами не знали, кого именно признать за стрѣльцовъ и какое число ихъ показать въ требуемыхъ вѣдомостяхъ. Нѣкоторые изъ полковниковъ, очевидно, не сочувствовали такому выдѣленію стрѣльцовъ въ особый разрядъ съ освобожденіемъ ихъ отъ обыкновенныхъ козачьихъ нарядовъ. Стремившіеся-же къ такому освобожденію козаки обращались непосредственно въ Войсковую Генеральную Канцелярію съ соотвѣтствующими просьбами. По поводу одной изъ такихъ просьбъ, поданныхъ четырьмя козаками Миргородскаго полка, Генеральная Канцелярія въ октябрѣ мѣсяцѣ 1755 г. предписала Миргородскому полковнику испытать искусство просителей и затѣмъ, освободивъ ихъ „отъ прочихъ нарядовъ и посылокъ", приказать имъ всячески стараться о добычѣ „той дикой звѣрины и птаства, а паче дроховъ": „понеже вамъ не безъизвѣстно", писала В. Г. Канцелярія, „яко *по прежнимъ давнимъ обычаямъ* и нынѣ отъ его ясновельможности ежечасно требуется присылки дичины, звѣрины и птаства въ домъ его ясновельможности, откуда та дичина къ высочайшему двору Е. И. В. представляется, чего для и людей къ добычи оной дичины искусныхъ надобно". При этомъ требовалось прислать именную вѣдомость тѣхъ козаковъ стрѣльцовъ, „кои къ добытію оной дичины употребляются".

Надо думать, что въ каждой сотнѣ были козаки, свою службу козачью отправлявшіе „стрѣлецкимъ искусствомъ," но, не зачисляемые въ особый разрядъ, они освобождались отъ другихъ нарядовъ просто по личному усмотрѣнію ближайшихъ начальниковъ, сотниковъ и полковниковъ, которымъ они и доставляли свою добычу. Настойчивое требованіе Войск. Генер. Канцеляріи, вызванное ордеромъ гетмана и особыми письмами изъ Петербурга къ генеральному обозному, относительно учета стрѣльцовъ и представленія именной вѣдомости ихъ вызвало въ полкахъ собираніе справокъ. Эти то справки и показали, что ближайшее начальство и сами стрѣльцы не имѣли опредѣленнаго представленія о служебномъ положеніи стѣльцовъ. Собираніе же справокъ представило лишній поводъ начальствующимъ лицамъ свести и личные свои счеты. Переяславскій полковникъ Семенъ Сулима при этомъ случаѣ подвелъ Кропивянскаго сотника Димитрія Дарагана подъ весьма чувствительное наказаніе.

Сотникъ этотъ донесъ, что въ его сотнѣ „точно опредѣленныхъ стрѣльцовъ, кромѣ нѣкоторыхъ козаковъ самихъ охотниковъ, не имѣется". Но Полковая Канцелярія не повѣрила сотнику: „содержуя въ томъ его сотника Дарагана репортѣ сумнительство", она назначила особыхъ ревизоровъ, которые и должны были изслѣдовать число стрѣльцовъ въ Кропивянецкой сотнѣ и составить имъ именную вѣдомость. Оказалось въ этой сотнѣ шесть стрѣльцовъ, при чемъ всѣ они изъ выборныхъ козаковъ и одинъ изъ нихъ состоитъ въ „стрѣлецкой должности съ 1731 г., другой съ 1740, третій съ 1742, четвертый съ 1752 г. и два съ 1753 г. Сами-же они показали ревизорамъ, что „въ оніи стрелци опредѣлени отъ сотника Дарагана и употребляются сотникомъ къ добычи звѣрини и дичини всегда, и что когда нѣ получатъ въ добичь, то все отдавали ему сотнику, а сколко чего отдано, за давность упомнить не могутъ; общенародныхъ же службъ по очередѣ съ другими сотни Кропивянской козаками (кромѣ военныхъ походовъ) не отбуваютъ".

По всей вѣроятности, такъ это дѣло обстояло и въ другихъ сотняхъ: освобождаемые на извѣстное время, на извѣстную очередь отъ другихъ нарядовъ, козаки, извѣстные своимъ охотничьимъ искусствомъ, доставляли свою „добичь" сотнику, который уже въ дальнѣйшемъ распоряженіи этою добычью проявлялъ такое или иное личное усмотрѣніе и, слѣдовательно, и личный свой взглядъ на самую „службу" стрѣльцовъ.

Полковникъ Сулима, донося Генеральной Канцеляріи о произведенномъ имъ разслѣдованіи по рапорту сотника Дарагана, возбудившему „сумнительство“, обвинилъ послѣдняго въ томъ, что онъ, опредѣливъ козаковъ въ стрѣльцы, уволилъ ихъ отъ другихъ службъ козачьихъ и пользовался ихъ „искусствомъ“ исключительно для личныхъ своихъ надобностей.

Генеральная Войсковая Канцелярія въ іюнѣ мѣсяцѣ предписала полковнику Сулимѣ оштрафовать сотника Дарагана „держаніемъ на пушкѣ чрезъ три дни въ каждый день по три часа“.

Дараганъ, узнавши объ этомъ, обратился въ Генеральную Канцелярію съ просьбою объ овобожденіи его отъ этого штрафа, такъ какъ не показалъ онъ стрѣльцовъ особо отъ другихъ козаковъ только потому, что «оніи прежде не назывались стрелцами, но означано по ревизіяхъ ихъ козакамы всегда, и они съ того козачого званія охотятся и добичь дичины исправляютъ». Ордеромъ отъ 29 ноября къ полковнику Сулимѣ, дѣйствительно, штрафъ, наложенный на Дарагана, былъ отмѣненъ.

Скоро послѣ этого случая Димитрій Дараганъ совсѣмъ оставилъ свой сотницкій урядъ, добившись назначенія на свое мѣсто сына своего Петра, какъ видно это изъ имѣющагося у меня гетманскаго универсала, даннаго въ Петербургѣ 9-го февраля 1759 г. Новый Кропивнянскій сотникъ Петръ Дараганъ и присягу принималъ въ томъ же февралѣ 17 дня въ Петербургѣ, въ церкви Рождества Пресв. Богородицы, гдѣ священникомъ состоялъ землякъ его Алексѣй Добронизкій.

Ал. Андр.

Къ біографіи А. П. Стороженка. Среди почитателей таланта покойнаго А. П. Стороженка имѣетъ широкое распространеніе ни на чемъ не основанное мнѣніе, будто онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа Муравьева въ Вильнѣ въ эпоху 1863 г. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, А. П. Стороженко никогда при графѣ Муравьевѣ не служилъ, а состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Внутр. Дѣлъ. Въ концѣ 1864 года или въ началѣ 1865 года онъ былъ посланъ въ сѣверо-западный край, когда возстаніе было уже подавлено, для изученія положенія православныхъ

храмовъ и древнихъ его пастырей. Объ его дѣятельности тамъ авторъ книги „Виленскіе Очерки 1863—1865 гг.“, А. Н. Мосоловъ, разсказываетъ слѣдующее: „Въ Минской губерніи дѣлу закрытія католическихъ монастырей противодѣйствовалъ бискупъ Войткевичъ, посылавшій однако начальнику края, при каждомъ торжественномъ случаѣ, письменное поздравленіе, почерпнутое, по большей части, изъ стариннаго письмовника. Для устраненія его вліянія, въ минскую губернію посланы были дѣйствительный статскій совѣтникъ Стороженко и адъютантъ В. Ѳ. Самаринъ. Первый изъ нихъ, г. Стороженко, извѣстный въ нашей литературѣ, по возвращеніи оттуда составилъ нѣсколько краснорѣчивыхъ описаній этого довольно дикаго, болотистаго и своеобразнаго края, представилъ отчетъ о состояніи православныхъ храмовъ и древнихъ монастырей и написалъ, напечатанное впослѣдствіи, сочиненіе: Сонъ въ Несвижѣ.

Несвижъ— богатое мѣстечко Слуцкаго уѣзда, древняя резиденція фамиліи Радзивилловъ. Тамъ донынѣ сохранился старинный замокъ, гдѣ жили причудливые владѣльцы Несвижа и княжествъ Слуцкаго, Мира и Олыки. Подъ впечатлѣніемъ старины, авторъ засыпаетъ въ древнемъ замкѣ, гдѣ ему отвели помѣщеніе, и переносится во время сна въ минувшее. Изображенные на стѣнахъ Радзивиллы выходятъ изъ портретныхъ рамокъ и подымаютъ страшный шумъ. Они распоряжаются въ своемъ замкѣ, но никто не является на ихъ зовъ, кромѣ стараго дворецкаго; они требуютъ отцовъ бернардиновъ—имъ отвѣчаетъ дворецкій, что ихъ разослали по другимъ монастырямъ; они собираются ѣхать къ королю въ Варшаву—имъ говорятъ, что его уже нѣтъ; хотятъ въ изступленіи взяться за оружіе—имъ напоминаютъ, что Муравьевъ въ Вильнѣ, и скорбные Радзивиллы уходятъ къ утру въ свои рамки.

Г. Стороженко читалъ свое сочиненіе въ разныхъ кружкахъ и вездѣ оно было встрѣчено съ любопытствомъ и участіемъ, такъ-какъ въ немъ довольно живо изображено польское чванство и прошлое польское величіе въ сравненіи съ печальною дѣйствительностью». Помощниками у Муравьева въ 1863 г. по политической части были Черевинъ и Павловъ.

А. С.

Портретная икона Чацкихъ въ м. Боремлѣ. Въ сѣверо-западномъ углу Дубенскаго у., недалеко отъ Австрійской границы, на р. Стырѣ, находится м. Боремель. Нынѣ это ничтожное мѣстечко, наполненное евреями, а когда-то (въ XV—XVI вв.) это былъ городъ, съ замкомъ, гнѣздо волынскихъ князей Буремскихъ, вѣроятно, изъ рода мѣстныхъ удѣльныхъ князей. Когда этотъ княжескій родъ угасъ, Боремель перешелъ во владѣніе князей Порыцкихъ, затѣмъ Конецпольскихъ, Загоровскихъ и, наконецъ, въ 1694 г., достался Чацкимъ, которые построили здѣсь огромный дворецъ и развели при немъ роскошный садъ, устроенный извѣстнымъ нѣкогда на Волыни садовникомъ, англичаниномъ Маклеромъ. Въ 1830-хъ годахъ владѣльцемъ Боремля былъ губернскій маршалокъ Михаилъ Чацкій, двоюродный племянникъ извѣстнаго Ѳаддея Чацкаго. Когда вспыхнуло польское возстаніе и въ концѣ марта 1831 года генералъ Дверницкій съ десятитысячнымъ корпусомъ вторгнулся со стороны Замостья въ предѣлы Волыни, то онъ прежде явился въ Боремель и здѣсь, во дворцѣ Мих. Чацкаго, встрѣтилъ радушный пріемъ, при чемъ панъ маршалокъ и самъ присоединился къ повстанцамъ. Но черезъ нѣсколько дней сюда же, къ Боремлю, явился отрядъ подъ начальствомъ генерала Ридигера, нанесъ пораженіе Дверницкому, отрѣзалъ его отъ Замостья и заставилъ искать спасенія въ сосѣдней Галичинѣ. Туда же, вмѣстѣ съ Дверницкимъ, бѣжалъ и Чацкій, а его дворецъ, садъ и другое имущество подверглись опустошенію. Съ тѣхъ поръ владѣлецъ Боремля не возвращался въ предѣлы Россіи, имѣнія же его были конфискованы.

Хотя Чацкій былъ католикомъ, но онъ оставилъ по себѣ память въ мѣстной православной церкви тѣмъ, что пожертвовалъ сюда образъ св. Ѳеклы, при чемъ, по обычаю того вѣка, чертамъ лица святой и окружающихъ ее ангеловъ художникъ придалъ сходство съ женой и дѣтьми жертвователя. Никто изъ мѣстныхъ жителей не придавалъ этому никакого значенія, и икона, въ изящной золоченой рамкѣ, спокойно оставалась на видномъ мѣстѣ въ церкви. Но въ январѣ 1840 года Дубенскій земскій исправникъ неожиданно получилъ отъ генералъ-губернатора Бибикова запросъ: «вслѣдствіе дошедшаго до меня свѣдѣнія, что въ м. Боремлѣ, въ тамошней приходской церкви, находится портретъ помѣщицы Чацкой и ея дѣтей, въ видѣ иконы изображенный, предписываю вашему в—дію удостовѣриться: какой портретъ графини

Чацкой и дѣтей ея находится въ церкви и по какому случаю? Если окажется, что портретъ этотъ дѣйствительно изображенъ въ видѣ иконы, то увѣдомить меня: можетъ-ли быть эта икона подъ благовиднымъ предлогомъ вынесена изъ церкви, и о послѣдующемъ донести». Въ отвѣтъ на это исправникъ рапортовалъ: «Дубенскаго уѣзда, въ м. Боремлѣ, въ тамошней Троицкой церкви, находится икона св. Ѳеклы, въ позолоченой рамкѣ. Сія икона дѣйствительно имѣетъ сходство съ умершей женой бывшаго владѣльца м. Боремля, Чацкаго, какъ сіе удостовѣряютъ знающіе лично Чацкую; находящіяся же на оной иконѣ изображенія въ облакахъ трехъ ангеловъ имѣютъ съ дѣтьми Чацкаго сходство, въ особенности одно изображеніе имѣетъ точное сходство съ лицомъ старшей дочери Чацкаго, лично мнѣ извѣстной. Сію икону пожертвовалъ Чацкій въ оную церковь во время владѣній его онымъ имѣніемъ, и она поставлена на мѣстѣ стоявшей тамъ иконы тоже св. Ѳеклы, которая снята и поставлена на другомъ мѣстѣ. Сія же икона, сооруженная Чацкимъ, написана вовсе не такъ, какъ изображаются православной церкви святители (sic!); то я полагаю, подъ предлогомъ симъ могла-бы она быть вынесена изъ церкви, а прежнюю икону возобновить на своемъ мѣстѣ. По вынесеніи же изъ церкви поясненной иконы, и предоставить оную прихожанамъ продать, и деньги употребить на церковь».

Такъ-какъ въ то время волынскій епископъ Иннокентій въ концѣ января 1840 г. былъ перемѣщенъ на каѳедру Орловскую, а преемникъ ему не былъ еще назначенъ, то генералъ-губернаторъ Бибиковъ обратился съ письмомъ къ Литовскому архіепископу Іосифу Сѣмашку, наблюденію котораго временно была подчинена Волынская епархія. Изложивъ обстоятельства дѣла по донесенію исправника, Бибиковъ писалъ: «Признавая неприличнымъ имѣть въ православной церкви неудобную икону, я имѣю честь сообщить о семъ на ваше благоусмотрѣніе съ тѣмъ, не благоугодно-ли будетъ приказать эту икону вынести изъ церкви». Отвѣтъ архіепископа намъ не извѣстенъ, но иконы въ Боремельской церкви теперь нѣтъ. Интересно было-бы знать, какая постигла ее дальнѣйшая судьба.

О. Л.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *а) Ходорковскій скелетъ.* При производствѣ работъ въ строеніяхъ доминиканскаго монастыря, въ 1861 году, рабочіе, разыскивая кладъ, къ ужасу своему, наткнулись на замурованный въ стѣнкѣ костякъ.

Скелетъ найденъ въ сидячемъ положеніи, со связанными веревкою руками. Благодаря сохранившимся сухожиліямъ шеи, голова еще держалась на плечахъ.

Слухи объ этой таинственной находкѣ дошли до высшаго начальства окольными путями лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

На мѣсто командирована особая коммиссія, которой пришлось удовольствоваться разсказами одного священника; прочіе свидѣтели выбыли или недовѣрчиво отмалчивались.

Настоятель православнаго храма высказалъ предположеніе, что это «отнюдь не слѣдъ человѣческой мести, или жертва ксендзовскаго фанатизма», а вѣроятнѣе всего «казусъ неудавшагося затворничества какого-нибудь доминиканца».

б) Нужды, не присвоенныя европейскимъ жителямъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, проживавшій въ юго-западномъ краѣ Кавказскаго корпуса подпоручикъ въ отставкѣ подалъ Его Величеству всеподданнѣйшее прошеніе по дѣлу о неправильномъ его задержаніи и взятіи подъ стражу помѣщикомъ с. Дольска. Жалобщикъ изъясняетъ, что томился въ заключеніи «болѣе до трехъ мѣсяцевъ, терпя холодъ, голодъ и всѣ нужды, не присвоенныя европейскимъ жителямъ»...

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Приворотныя средства. 1) Въ Малороссіи распространено однолѣтнее растеніе—*любка.* Нѣкоторыя особенности въ устройствѣ корня этого растенія дали поводъ употреблять его, какъ средство заставить полюбить другъ друга. Корень бываетъ двоякій: оканчивающійся отростками на подобіе пальцевъ (мужской полъ) и просто въ видѣ сердца, безъ отростковъ (женскій). Нужно накопать такихъ корней, высушить, настоять на водкѣ и дать выпить «парубкови й дивчыни» поровну, приговаривая: «Любылыся въ лисныхъ лугахъ ціи цвиточкы, и вы, диточкы, въ своихъ хатахъ любиться, якъ ціи цвиточкы въ лугахъ».

Нѣкоторые видоизмѣняютъ эти чары такимъ образомъ. Накопавъ обоего вида корней, сушатъ каждый полъ отдѣльно и въ тѣни. Женщина даетъ выпить мужчинѣ настоя изъ «женскаго пола», а сама выпиваетъ настой «мужского пола». Затѣмъ смѣшиваетъ оба настоя и пополамъ выпиваетъ съ предметомъ своихъ обожаній. Вѣрятъ, что средство это хорошее: привлекаетъ мужчину къ женщинѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Копать корни нужно во время цвѣтенія, и среди дня, одному или одной. Выкопанные на новолуніе—будутъ дѣйствовать сильнѣе.

2) Найти въ лѣсу растущіе бокъ-о-бокъ дубъ и березу. Затѣмъ въ 12 часовъ ночи пойти туда и топоромъ отрубить кору такъ, чтобы лезвіе топора затронуло сразу кору дуба и березы, при чемъ нужно три раза сказать: «Якъ цей дубъ зъ березою въ корени рядно жывуть, не розлучно, такъ щобъ и (имя рекъ) жылы й не тужылы, и щобъ тоди тилько розлучылысь, якъ цей дубъ зъ березою въ корени».

Отрубленную кору взять и пойти не оглядываясь; кору отварить и дать пить тому, кому желаешь. При кипѣніи нужно приговаривать: «кыпы, кыпы, не розризняйся; въ купи пороспы, пожылы и помрете; такъ щобъ и (имя рекъ) вкупи до смерти жылы и не розлучалысь, такъ якъ той дубъ зъ березою». (Городища-Лѣсные, Черкас. уѣзда).

3) По заходѣ солнца съ ножемъ въ рукахъ выйти на дворъ, стать лицомъ къ востоку и воткнуть немного ножъ въ землю, говоря: «Я цей нижъ не въ землю стромляю, а прямо тоби (имя рекъ) въ серце; зъ пидъ серця въ жылы, зъ пидъ жылъ въ пажылы; у тебе пажылъ симдесять и симъ,—щобъ воны затрусылыся та до мене вси; щобъ тоби не дало ни йисты, ни пыты, ни спать, ни лежать, ни ходыть, ни сыдить, ни безъ менє жыть».

Затѣмъ вонзить ножъ въ землю до половины, а затѣмъ и до рукоятки, сопровождая эти манипуляціи упомянутыми словами, по три раза. Оставить ножъ на всю ночь, а на другой день до восхода солнца вынуть его изъ земли. Когда придетъ предметъ сердца, этимъ ножемъ отрѣзать хлѣба и дать ему съѣсть. (С. Мельныки, Черкасскаго уѣзда).

Сообш. **А. Гр. Хатемкинъ.**

Своеобразныя молитвы. Весною прошлаго года по дѣламъ службы мнѣ пришлось остановиться на ночевку у мѣстнаго священника с. Бурковецъ о. Евгенія М. Я завелъ разговоръ о правильномъ усвоеніи крестьянами молитвъ, при чемъ выразилъ сомнѣніе, чтобы обыкновенныя молитвы въ правильномъ видѣ циркулировали среди населенія. О. Евгеній согласился со мною, посѣтовалъ на непочтительность и дикость прихожанъ, а также и на то, что при всемъ стараніи научить правильно молиться прихожанъ не мыслимо,—хоть немного, да перевернутъ на свой ладъ.

— Кстати, у меня служитъ старуха изъ Войтовецъ (Сквир. у.). Какъ то разъ я заставилъ ее проговорить молитвы, извѣстныя ей. Я не могу вамъ выразить своего изумленія, какое охватило меня, когда она начала «проказывать» молитвы. Это что-то такое, что я при всемъ желаніи не расхохотаться—просто за боки взялся... Да вотъ, коли интересуетесь, то прочтите,—я записалъ дословно".

Вотъ что я прочиталъ:

Десятеро Боже приказаніе. Азъ есть Господь Богъ твій, который тебе вывивъ изъ земли Гипельской, изъ дому неволи. Перше.—Не будешъ маты иначыхъ богивъ, окроме недаремне. Трейте.—Святкую недѣлоньку святу. Четверте.—Шануй отця и матирь свою. Пяте.—Не убый. Шосте.—Не украдь. Сёме.—Не въ чужу лазь. Восьме.—Не будь свидкомъ фальшывымъ напротывъ блыжнёго свого черезъ дорогу. Девяте.—Не пожадай жоны чужои, а ни жаднои речи.

Симъ сокраментивъ: первее—крещеніе; вторе—мыромъ помазаніе; трейте—вхарыста, то-есть тило и кровъ Господа Нашого подъ особомъ хлиба и вына; четверте—покута; пяте—маслосвятые; шосте—капланство и малженство.

—

Симъ грихивъ головныхъ: пыха и нечыстота, гнивъ и заздристь, обжорство и линывство до хвалы Божіей.

—

Спала я вирую Марця мисяца, во святому гради Офтемъ Элемськимъ...

—

Этимъ исчерпывается все понятіе «бабуси» о молитвахъ. Оказалось, что она эти молитвы каждый день шепчетъ, а также научаетъ ими и прислуживающую у батюшки «дивчынку», не смотря на запрещенія батюшки. На мой вопросъ, гдѣ она выучила эти «молытвы», баба отвѣтила:

— «А такъ у Войтовцяхъ уси молятся, то й мене такъ навчылы. Онъ батюшка регочутся зъ мене, якъ я начну ци молытвы проказувать. А про те, якъ мене вдома вчылы, то я й буду такъ молытыся».

Сообщ. А. Гр. Хатемкинъ.

О пѣсняхъ про волю. Въ январьской книжкѣ Кіевской Старины за текущій годъ мой однофамилецъ, г. Вл. Корниловичъ, помѣстилъ пѣсню про волю, весьма похожую на ту, которая помѣщена была мною въ октябрьской книжкѣ Кіевской Старины за 1898 годъ. Обѣ пѣсни записаны со словъ лирниковъ—мною въ Грубешовскомъ уѣздѣ, Люблинской губ., г. Вл. Корниловичемъ—въ Острожскомъ у., Волынской губ. Не смотря на дальность разстояній, отдѣляющихъ эти мѣстности, пѣсни близки между собою не только по содержанію, но имѣютъ даже почти тождественныя нѣкоторыя строфы, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Начало пѣсни:

Грубешовской:	*Острожской:*
Летила зозуленька—	Ой летила зозуленька черезъ нови села,
Зачала куваты:	Та й прынесла новыноньку панамъ невеселу·
Зачекайте, добри люде,	Сила соби край виконця, та й стала куваты:
Щось маю сказаты...	Збирайтеся вся громада, щось маю казаты...

Обращеніе пановъ къ паньщинѣ:

Вертайсь, вертайсь, паньщыноньку,	Вернысь, вернысь, паньщынонько,
Ходь ще до насъ въ гости!..	Хочь намъ до вечеры!..

Окончаніе пѣсни:

Подякуймо Пана Бога,	Дай же Боже та здоровье
Ще й наши Царыци:	Нашій Царивни,
Закопалы паньщыноньку	Що вона насъ поривняла
На сухи граныци!..	Зъ панамы наривни.

М. И. Корниловичъ.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ дополненіе къ суммѣ 1638 рублей 33 коп., поступившей до сихъ поръ въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 3-й), вновь пожертвовано: гг. Чеплевскимъ—2 руб. 50 коп., Чикомъ—50 коп., Богдановичемъ—2 р., Далецкимъ—1 р., Фридландомъ—2 р., Клебановымъ—3 р., Склезневымъ—1 р., Гинзбургомъ—1 р. и Еноховичемъ—1 р., всего *14 руб.*, что вмѣстѣ съ прежними составитъ 1652 руб. 33 коп., которые и отправлены въ Полтаву.

Текущія извѣстія.

Начало украинско-русскаго народнаго университета. Мы уже отмѣтили (февраль, стр. 75—76) стремленіе галицкой интеллигенціи къ устройству въ Галичинѣ народнаго университета для русскаго населенія, подобно тому, какъ это съ недавняго времени дѣлается для польскаго. Теперь, какъ сообщаютъ галицкія газеты (Буковина, Руслан), вышеуказанныя стремленія начинаютъ осуществляться. Стараніями филіи Товарищества «Просвіта» въ Коломыѣ, съ конца февраля начался рядъ популярно-научныхъ лекцій (первая серія) по естествознанію, а именно: «Заразливі хороби», «Море и его чудеса», «Вороги людского здоровля», «Будова людского тіла». Всѣ эти лекціи будетъ излагать проф. Раковскій, сопровождая чтеніе демонстрированьемъ при помощи скіоптикона.

27 февраля состоялась первая лекція на тему «Заразливі хороби». По сообщенію «Руслана» (ч. 50) изложена она была прекрасно, и собравшаяся сравнительно въ большомъ количествѣ (около ста душъ) публика, мѣщане и крестьяне, получила, очевидно, полное удовлетвореніе.

Слѣдуетъ надѣяться, что примѣру проф. Раковскаго послѣдуютъ и другіе галицко-русскіе представители различныхъ отраслей науки.

Лекція объ историческомъ значеніи козачества. 14 марта Д. И. Эварницкій прочелъ въ С.-Петербургѣ, въ Соляномъ городкѣ, публичную лекцію для усиленія средствъ Общ. имени Т. Г. Шевченка. Лекторъ

указалъ, что запорожскіе козаки имѣли громадное значеніе въ жизни нашего отечества. Запорожцы держали въ своихъ рукахъ нити почти всѣхъ политическихъ событій XVI, XVII и начала XVIII вѣка и почти на всемъ пространствѣ всей территоріи юго-западной Россіи. Лекторъ сильно недоумѣваетъ по поводу взгляда историковъ, и въ числѣ ихъ знаменитаго исторіографа С. М. Соловьева, которые въ оцѣнкѣ роли и дѣятельности южно-русскаго козачества совершенно сходятся съ польскими историками, т. е. совершенно не видятъ въ дѣятельности козаковъ никакой пользы, но усматриваютъ къ нихъ огромный вредъ для государства и общества. Для великорусскаго историка эти войны козаковъ противъ Польши—нарушеніе государственнаго принципа и существующаго въ государствѣ порядка. Теперь, когда прошло болѣе 120 лѣтъ со времени уничтоженія Сѣчи, лекторъ считаетъ возможнымъ спокойно взглянуть на значеніе запорожцевъ и снять съ нихъ незаслуженныя имена грабителей, жестокихъ пьяницъ, безчеловѣчныхъ разбойниковъ, а слѣдуетъ оцѣнить въ нихъ то, что было въ нихъ честнаго, достойнаго и безупречнаго, такъ какъ они были рыцари въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, въ особенности рыцари Христовой вѣры. (Сѣв. Кур. 74).

Къ собиранію свѣдѣній объ архивахъ. Императорское московское археологическое общество, имѣя въ виду важное въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ значеніе свѣдѣній объ архивахъ и вообще о собраніяхъ дѣлопроизводствъ прошлыхъ лѣтъ, хранящихся въ различныхъ учрежденіяхъ, а также для составленія особаго обзора объ архивахъ для представленія его къ ходатайству прошлаго XI археологическаго съѣзда предъ правительствомъ о реорганизаціи нашихъ архивовъ, обратилось чрезъ губернаторовъ къ представителямъ мѣстныхъ правительственныхъ и сословныхъ учрежденій, съ просьбой о присылкѣ отвѣтовъ по выработанному имъ вопросному листу. Всѣхъ такихъ вопросовъ предложено для разрѣшенія учрежденіямъ 24.

Премія Императ. Одесск. Общ. истор. и древностей. 14 ноября 1889 г. истекло *50-лѣтіе дѣятельности Императорскаго одесск. общества исторіи и древностей.* Для ознаменованія этого событія дума

постановила въ то время ассигновать 500 р. на премію за лучшее сочиненіе по вопросамъ, касающимся исторіи или древностей юга Россіи, съ тѣмъ, чтобы присужденіе преміи было предоставлено означенному Обществу, а расходы на напечатаніе сочиненія, удостоеннаго преміи, были приняты на счетъ города. Не смотря на то, что прошло уже больше 10 лѣтъ, никакихъ сочиненій для соисканія этой преміи представлено не было. Въ виду этого Общество постановило ходатайствовать передъ думой о разрѣшеніи присудить премію за лучшій печатный трудъ по исторіи или археологіи южной Россіи, вышедшій въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, согласно оцѣнкѣ особо избранной Обществомъ коммиссіи. (Югъ, № 574).

Къ дѣятельности Товарищества ім. Івана Котляревского во Львовѣ. 18 февраля с. г. на засѣданіи Товарищества ім. Івана Котляревского составлена *літературна секция* подъ предсѣдательствомъ проф. Ол. Барвинского. Постановлено издавать, немедленно, двѣ серіи драматическихъ произведеній, изъ которыхъ одна предназначена для крестьянъ. Съ этой цѣлью обратились къ профессору О. Колессѣ съ просьбой пересмотрѣть всю существующую донынѣ украинскую драматическую литературу. Обсуждался также вопросъ объ устройствѣ публичныхъ лекцій изъ области нашей и чужой драматической литературы (‹Руслан, ч. 34).

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. 1) *Въ Галиціи.* Въ память XXXIX годовщины смерти Т. Г. Шевченка устроены были литературно-музыкально-вокальные вечера: въ м. Николаевѣ надъ Днѣстромъ —25 февраля, въ г. Коломыѣ—1 марта (устраивала гимназическая молодежь); тамъ-же, 9 марта, устроенъ торжественный вечеръ филіей Общ. «Просвіта», при участіи Золочевскаго мѣщанскаго хора и членовъ читальни «Просвіта» изъ Струтина; послѣдніе сыграли драму «Правда все горою». Въ Бережанахъ 4 марта устроенъ былъ вечеръ гимназической молодежью въ залѣ театра. Программа послѣдняго составлена очень интересно: кромѣ номеровъ музыкально-вокальныхъ съ участіемъ гимназическаго хора и оркестра, прочтенъ былъ рефератъ на тему «Голосы европейськои критики про Шевченка». Въ Черновцахъ—13 февраля вечеръ устраивала мѣщанская читальня. На вечерѣ присутствовало болѣе 300 лицъ, не только мѣщанъ, но и

значительное количество интеллигенціи. Между прочимъ прочтенъ былъ рефератъ о жизни и произведеніяхъ Шевченка. 2 марта устроенъ былъ торжественный вечеръ въ Самборѣ, въ русско-народномъ театрѣ. Кромѣ музыкально-вокальныхъ номеровъ исполнена комедія въ 1-мъ дѣйствіи Гавалевича: «Нинїшні».

2) Въ Шибрамѣ, въ Чехіи, украинско-русское горное Общество «Ватра» устроило въ концѣ марта вечеръ при участіи извѣстныхъ галицкихъ пѣвцовъ гг. Гушалевичей.

3) *Въ Россіи.* 26 февраля, въ день смерти поэта, отслужены были панихиды: въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ и въ Кіевѣ—въ Софіевскомъ соборѣ, при огромномъ стеченіи молящихся.

Въ г. *Александровскѣ*, Екатериносл. г., 5 марта устроенъ былъ литературно-вокальный вечеръ. Успѣхъ вечера превзошелъ всѣ ожиданія. Хоръ изъ 25 лицъ составленъ былъ г. Костянецкимъ преимущественно изъ мастерового и рабочаго люда. Мѣстный художникъ г. Павловъ изготовилъ портретъ Тараса Григорьевича. На вечерѣ прочитаны были нѣкоторыя произведенія Т. Г. Шевченка. Чтеніе чередовалось съ хоровымъ пѣніемъ и пѣніемъ солистовъ (г. Дерій),—преимущественно произведеній Шевченка, положенныхъ на музыку г. Лысенкомъ, и нѣкоторыхъ малорусскихъ пѣсенъ. Въ заключеніе мѣстный поэтъ Т. Л. Полищукъ, тоже изъ мастеровыхъ,—прочелъ небольшое стихотвореніе «На смерть Шевченка»,—собственнаго сочиненія, встрѣченное бурными аплодисментами публики. Сборъ полностью поступилъ въ пользу мѣстной народной библіотеки и Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, въ С.-Петербургѣ. (Днѣпровская Молва, № 11).

Въ тотъ-же день, въ г. *Елисаветградѣ* устроенъ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ. Участвовали: г.г. Карпенко-Карый, Марковъ, Дишъ и др. представители мѣстной интеллигенціи. Хоръ исполнилъ между прочими номерами: «Заповитъ», «Коломыйку», «Закувала та сива зозуля». Прочтены были два реферата: «Геніальный горемыка»—по ст. Н. И. Стороженка, и «Поэзія Шевченка» Н. И. Костомарова.

Въ г. *Екатеринодарѣ*. 26 февраля, почитатели Т. Г. Шевченка чествовали память поэта вечеринкой, происходившей въ помѣщеніи Общества взаимопомощи. На вечеринкѣ присутствовало свыше тридцати человѣкъ представителей мѣстной интеллигенціи. Ужинъ сопро-

вождался пѣніемъ и приличествующими случаю рѣчами. (Кубанск. Обл. Вѣдомости, № 46).

Въ *Кіевѣ*, въ залѣ Литературно-Артистическаго Общества, состоялся 18-го марта литературно-музыкальный вечеръ. Послѣ краткаго вступительнаго слова о поэтѣ, сказаннаго г-жей О. Косачъ, исполнены были многія произведенія Шевченка. Въ литературномъ отдѣленіи принимали участіе: г-жи Никольская, М. Старицкая, г. г. Вороный, Сафоновъ и М. П. Старицкій; въ музыкально-вокальномъ—г-жи Александровская, Зотова; г. г. Орловъ и Семенцовъ. Хоръ подъ управленіемъ Н. В. Лысенка прекрасно исполнилъ: «Встае хмара зъ-за Лиману», «О, мылый Боже Украины!», «Иванъ Гусъ» и др. Интересной новинкой являлось талантливое исполненіе прибывшимъ изъ Харькова бандуристомъ Гнатомъ Галайдою нѣсколькихъ номеровъ произведеній эпическаго творчества, какъ напр., историческая дума «Буря не Чорнимъ мори» и нѣкоторыя народныя пѣсни...

Въ *С.-Петербургѣ*, по примѣру прошлаго года, Общество имени Т. Г. Шевченка явилось организаторомъ состоявшагося 4-го марта обычнаго Шевченковскаго вечера—«роковынъ». Программа концерта, привлекшаго, какъ всегда, массу публики, была составлена болѣе интересно и оригинально, чѣмъ въ предыдущіе годы, хотя и въ этотъ разъ литературная часть оказалась, къ сожалѣнію, очень несложной, ограничившись традиціоннымъ вступительнымъ словомъ г. Мордовцева и 3 стихотвореніями, прочитанными артистомъ находящейся здѣсь малорусской труппы г. Сусловымъ. Въ вокальной части вечера особенно заинтересовалъ публику Гнатъ Галайда, великолѣпно исполнившій, аккомпанируя себѣ на бандурѣ, думу собственнаго сочиненія «Буря на Чорномъ морѣ» и нѣсколько пѣсенъ кобзарскаго репертуара, между прочимъ извѣстную пѣсню «про Явтуха». Исполнителю—еще совсѣмъ молодому человѣку—пришла удачная мысль загримироваться кобзаремъ, благодаря чему его пѣніе произвело еще болѣе сильное впечатлѣніе и усилило иллюзію.—Остальные участники были также въ ударѣ и пѣли новыя интересныя вещи, что дало возможность безъ напряженія и скуки прослушать все первое отдѣленіе, длившееся безъ перерывовъ болѣе двухъ часовъ.

Во второмъ отдѣленіи г-жа Хмара, съ присущимъ этой пѣвицѣ мастерствомъ, исполнила извѣстный романсъ «Садокъ вышневый». Пѣніе было иллюстрировано тремя живыми картинами, поставленными

оригинально и со вкусомъ. Не слѣдовало только разбивать романсъ на части, иллюстрируя отдѣльно каждую изъ нихъ, т. к. все это вызываетъ неизбѣжные въ такихъ случаяхъ значительные перерывы, нарушающіе цѣльность впечатлѣнія.

Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣленіи были даны «Вечорницы» Нищенскаго, прошедшія, что называется, безъ сучка и зазоринки и окончательно упрочившія за г. Черемховичемъ, руководящимъ много уже лѣтъ хоровой частью Шевченковскихъ вечеровъ, репутацію талантливаго и опытнаго дирижера. Вообще Шевченковскіе вечера съ каждымъ годомъ становятся все популярнѣе среди Петербургской публики, такъ что устроителямъ ихъ слѣдовало-бы позаботиться о пріисканіи на будущее время помѣщенія, болѣе обширнаго, чѣмъ залъ Павловой, напоминающій своими размѣрами и обстановкой клубную сцену средней руки.

Библіографія.

Hanns Weber-Lutkow. Schlummernde Seelen. Geschichten aus Kleinrussland. *Linz und Leipzig. 1900. Oesterreichische Verlagsanstalt. 109 стр. Ц. 1 гульд. 20 кр. или 2 марки.*

Въ нѣмецкой литературѣ оригинальныя беллетристическія произведенія изъ малорусскаго, точнѣе галицкаго, быта являются не впервые. Заслуженной извѣстностью пользуются имена гг. Захеръ-Мозоха и особенно Француза, произведенія котораго проникнуты глубокимъ сочувствіемъ къ страдающимъ и обездоленнымъ. Въ появившейся теперь книгѣ ранѣе неизвѣстнаго писателя г. Вебера-Лютков а „Дремлющія Души, разсказы изъ Малороссіи“ къ сожалѣнію очень не много чертъ, дающихъ право пріурочить ихъ къ Малороссіи. Кромѣ указанія въ заглавіи на Малороссію, имѣютъ украинскій характеръ имена дѣйствующихъ лицъ, иногда, впрочемъ, невѣрно передаваемыя (Дымитръ, Грегоръ), нѣкоторыя особенности жилищъ, одежды и кой-какіе обычаи; къ Малороссіи пріурочиваетъ книгу также исполненное любви и почитанія упоминаніе о «Кобзарѣ» Т. Г. Шевченка и мастерски разсказанное содержаніе «Наймычки». Всѣ герои разсказа «Дымитръ», «Иванъ» и «Настя» представляютъ описанія равнинныхъ пейзажей, селъ, барскихъ усадебъ, кладбищъ и другихъ частностей, гдѣ типическіе малорусскіе элементы вовсе не отмѣчены. Къ какой части Малороссіи относятся разсказы, авторъ не говоритъ; надо полагать, что къ Западной, точнѣе къ Галицкому Подолью, такъ какъ на это указываютъ нѣкоторыя подробности: таково взаимное привѣтствованіе посредствомъ реченія «Хвала Ісусу

Христу!..», таковы глубокіе земные поклоны крестьянъ при встрѣчѣ съ паномъ, цѣлованіе колѣнъ послѣдняго «съ природной покорностью», цыганскій оркестръ въ селѣ, право евреевъ (у нихъ сохранились пейсы) пріобрѣтать крестьянскія поля и усадьбы, что по русскимъ законамъ не допускается.

Рядомъ съ реальными украинскими чертами, встрѣчаются другія, вымышленныя, вовсе несвойственныя какой-бы то ни было части Малороссіи. Таково, напр., описаніе образа жизни крестьянина—отъявленнаго пропойцы. Онъ никогда не работаетъ, женѣ и дочери подъ страхомъ безжалостныхъ побоевъ запрещаетъ хоть сколько-нибудь трудиться. Часть его поля заросла бурьяномъ, другая въ арендѣ у еврея, и все же онъ ежедневно въ шинкѣ, ежедневно напивается допьяна; авторъ не указываетъ, откуда для этого берутся средства. Когда онъ обѣдаетъ дома, въ своей жалкой *курной* избѣ, то на глиняный полъ ставится миска, наполненная водкой; кругомъ нея разсаживаются хозяинъ, его жена и малолѣтняя дочь; они вмакаютъ въ водку большіе куски хлѣба и жадно проглатываютъ ихъ; потомъ отецъ всовываетъ голову въ миску и, какъ собака, лакаетъ остатки... Если эти частности напоминаютъ бытъ ирокезовъ или бушменовъ, то описаніе похоронъ, не лишенное поэзіи, отличается не меньшей фантастичностью. У окончательно обнищавшаго помѣщика Барскаго, предающагося непробудному пьянству, умерла жена. Грубо сколоченный изъ еловыхъ досокъ гробъ съ намалеваннымъ на крышкѣ чернымъ крестомъ поставили на подставку изъ ельника на простомъ возу, въ который запряжена пара украинскихъ воловъ; за возомъ идетъ полупьяный Барскій, за нимъ шествуютъ помнящіе Барскаго молодымъ благодѣтелемъ села немногіе пожилые крестьяне въ бѣлыхъ кожухахъ и черныхъ шапкахъ; за ними слѣдуютъ укутанныя въ бѣлые платки крестьянки, ведя за руку ребятишекъ; не слышно ни плача, ни жалобъ. „По выходѣ изъ села, начинается исполненіе крестьянами похоронной пѣсни—простое, суровое, монотонное, какъ-бы безъ связи съ содержаніемъ; казалось, что всѣ пѣвцы утомлены". Содержаніе этой пѣсни въ прекрасныхъ стихахъ автора преисполнено глубокаго отчаянія, безгранично-пессимистическаго отношенія къ жизни. „Тяжело скитаться по свѣту, легко отправляться въ послѣдній путь"... „Былобы Божьимъ благословеніемъ никогда не зарождаться"... „Каждый часъ причинялъ мнѣ скорби, муки и страданья"... „Послѣ дней,

всегда преисполненныхъ несчастья, я ночью томился безъ сна изъ-за чужой скорби, которая горше собственной"... «Страстно жаждалъ я злата и суетнаго богатства,—теперь лишь гробъ и бѣлый саванъ составляютъ все мое достояніе, и все же я удаляюсь богаче монарха"... „Прекратите молитвы и звонъ колоколовъ, чтобы для меня наступило вѣчное молчаніе, тихій покой: глиной буду я и пепломъ, горсточкой лишь праха"!.. За строфами, пропѣтыми крестьянами, слѣдуютъ другія такія же, исполненныя самимъ Барскимъ; третьи поются дѣтьми. На кладбищѣ священникъ (исповѣданіе не указано) произноситъ молитвы, и гробъ предается землѣ.

Давая широкій просторъ своей фантазіи въ этихъ и другихъ подробностяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ украинской дѣйствительностью, авторъ имѣлъ-бы право назвать свои разсказы малорусскими, если-бы выведенныя имъ лица изъ крестьянской среды отличались тѣми типическими особенностями характера, воззрѣній и привычекъ, которыя характеризуютъ украинскаго простолюдина; въ невѣжественной средѣ, къ которой принадлежитъ большинство дѣйствующихъ лицъ въ разсказахъ г. Вебера-Люткова, эти особенности должны сказываться особенно ярко. Съ этой точки зрѣнія посмотримъ, каковы главныя дѣйствующія лица разсказовъ.

Возвратившійся послѣ отбыванія воинской повинности Дымитръ служилъ конюхомъ у еврея Исаака, отнявшаго хату, усадьбу и поля у его отца, пріобрѣвшаго потомъ и имѣніе разорившагося помѣщика Барскаго, который пріютилъ бездомнаго Дымитра. Несчастный не знаетъ, куда удалились его отецъ и сестра Маринка; вскорѣ ему сообщаютъ, что послѣдняя въ городѣ сдѣлалась проституткой.

У вилаго, безвольнаго и необщительнаго Дымитра жажда мести еврею сплетается съ мечтами о дочери послѣдняго, Леѣ; онъ видѣлъ ее лишь мелькомъ, но все-же онъ страстно любитъ ее, и думы объ обладаніи ею постоянно его преслѣдуютъ. И вотъ, при случайной встрѣчѣ, насильно овладѣваетъ онъ дѣвушкой, потерявшей сознаніе; послѣ этого онъ сразу становится къ ней вполнѣ равнодушнымъ,—онъ оставляетъ ее и въ слѣдующіе дни даже не вспоминаетъ о ней. Но вотъ она ночью является къ нему съ проклятіями и угрозами—онъ вторично творитъ надъ нею насиліе. И что-же? Послѣ этого ему какъ-бы слышится издали голосъ сестры, полный любви и благодарности, а на яву дважды насильственно опозоренная имъ Лея тутъ-же на мѣстѣ преступленія начинаетъ выражать ему свою любовь—

онъ отвѣчаетъ ей громкимъ хохотомъ... Проходитъ опять нѣсколько дней, и при новой встрѣчѣ онъ съ презрѣніемъ отвергаетъ страстную любовь, которую выражаетъ ему Лея; когда-же она по его винѣ падаетъ въ прудъ и, утопая, хватается за него руками, онъ отталкиваетъ ее: на его глазахъ она тонетъ, но онъ и не пытается спасти ее,—его лишь глубоко радуетъ сознаніе, что самъ онъ остался живъ; съ восторгомъ ощущаетъ онъ прелести жизни и окружающей природы. Онъ вспоминаетъ о лежащей на днѣ Леѣ и вслѣдъ затѣмъ засыпаетъ крѣпкимъ глубокимъ сномъ. Проснувшись, онъ сначала чувствуетъ страхъ и раскаяніе, но скоро его успокаиваетъ мысль, что вѣдь и самъ онъ подвергался крайней опасности и что она сама виновна въ своей смерти; ему кажется, что судьба распорядилась вполнѣ справедливо, и весь онъ отдается злорадостному чувству. Видъ старика еврея, оплакивающаго дочь съ глубокимъ отчаяніемъ, его не трогаетъ; вопли еврея кажутся ему лаемъ собаки; Дымитръ вспоминаетъ слышанный имъ когда-то завѣтъ: „Дѣти, любите другъ друга“, вспоминаетъ онъ свое безрадостное дѣтство, отсутствіе любви къ нему ближнихъ, и кажется ему смѣшнымъ горе стараго еврея, такъ какъ оплакиваніе смерти человѣка ему представляется чѣмъ-то нелѣпымъ. Въ ту-же ночь бросаетъ онъ службу, уходитъ изъ села и становится бродягой; подъ часъ онъ зарабатываетъ мелочь, чтобы прокормиться, но большей частью существуетъ подаяніемъ. Попадаетъ онъ въ городъ и здѣсь случайно встрѣчаетъ сестру-проститутку, уже похоронившую отца. Шутя спрашиваетъ онъ Маринку, не предпочтетъ-ли она жить честнымъ трудомъ? Громко смѣясь, она отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ; весело шутя и смѣясь прощается онъ съ нею, безмѣрно радуясь, что кораллы и платья его жизнерадостной сестры богаче тѣхъ, которыя принадлежали теперь уже мертвой Леѣ. «И тутъ впервые созналъ онъ, что есть высшее существо, мудро распредѣляющее счастье и несчастье между земными существами. Съ тихой благодарностью поднялъ онъ глаза къ небу».—Этимъ кончается разсказъ.

Во второмъ разсказѣ крестьянскій парубокъ Иванъ глубоко оскорбленъ предпочтеніемъ, которое среди танцевъ нравящаяся ему дивчына Ганя оказываетъ другому болѣе богатому танцору Василю. Онъ выпиваетъ въ шинкѣ 2 рюмки водки и начинаетъ думать о томъ, что его обираетъ отчимъ; онъ хочетъ совершить дѣло, которое показало-бы, что онъ умѣетъ постоять за себя, добиваться цѣли, что онъ силенъ и независимъ; онъ хочетъ имѣть деньги, чтобы до-

биться расположенія Гани. Онъ идетъ домой, чувствуетъ колебанія, ужасъ, но все-же убиваетъ проснувшихся отчима и родную мать, наполняетъ свои карманы червонцами. Съ сердцемъ, преисполненнымъ радостью и гордостью по поводу удавшагося вполнѣ предположенія, онъ весело взираетъ на звѣздное небо — «ему казалось, что въ душной хатѣ остались всѣ прежніе годы со скорбями, униженіями и воплями, что теперь предстоитъ ему будущее, чистое и яркое, какъ звѣзды». Самоувѣренно приглашаетъ онъ Ганю танцовать съ нимъ, она не рѣшается отказать ему, оставляетъ Васыля и танцуетъ съ Иваномъ, бросающимъ горсть червонцевъ музыкантамъ-цыганамъ. Съ упоеніемъ танцуетъ Иванъ, крѣпко цѣлуетъ онъ Ганю; обоими все болѣе овладѣваетъ страсть, и удалившись въ близкій лѣсокъ, они отдаются другъ другу. Но среди страстныхъ объятій Иванъ вдругъ вспоминаетъ объ убитыхъ, видитъ ихъ съ разрубленными черепами — онъ устраняетъ объятія Гани, не отвѣчаетъ на ея ласки, все шепчетъ: «какъ безобразно, какъ безобразно»! Прійдя домой, онъ чувствуетъ страшное утомленіе; одѣтый бросается онъ на постель, и крѣпкій сонъ овладѣваетъ имъ. Ему снится дѣтство, снятся ласки матери, ему кажется, что онъ съ нею бродитъ по какой-то заросшей пустоши, среди страшнаго шума раздаются крики: «убійца, убійца!», онъ видитъ палача и всѣ приготовленія къ казни... Съ ужасомъ призываетъ онъ мать и видитъ ее съ разсѣченнымъ черепомъ. Онъ просыпается среди бѣла дня; хорошо помнитъ онъ событія минувшей ночи, понимаетъ, что жизни его конецъ, и только жалѣетъ, что его повѣсятъ, а не обезглавятъ. Онъ тщательно одѣвается, прихорашивается, а затѣмъ идетъ къ толпѣ, собравшейся въ спальнѣ убитыхъ, и спокойно отдается людямъ, которые вяжутъ его и уводятъ.

Въ послѣднемъ разсказѣ Насти, дочь пропойцы, объ оригинальныхъ трапезахъ котораго мы уже упоминали, растетъ совсѣмъ заброшенная. До 15 лѣтъ ея одежда состоитъ изъ измятаго соломеннаго брыля отца и дырявой рубахи, потомъ мать даетъ ей взамѣнъ старую сподницу и изорванную кацавейку. Часто достаются ей жестокіе побои со стороны отца и матери, не знаетъ она ласки, ничьихъ не видитъ заботъ о себѣ. Никогда она не работаетъ; по цѣлымъ днямъ она одинока, ребячески забавляется на берегу сажалки или же о чемъ-то безсознательно мечтаетъ. Возмужавши, она очень хорошѣетъ; ее встрѣчаетъ нѣмецъ помѣщикъ Альбертъ; онъ уводитъ ее въ свой замокъ, и дѣвушка, не имѣя представленія о стыдѣ, без-

сознательно отдается ему. Скоро она начинаетъ измѣняться: въ ней просыпается женственность, является стыдъ, потребность любви — она все больше привязывается къ Альберту. Онъ даритъ ей красивыя городскія платья, обѣдаетъ съ нею за господскимъ столомъ; сначала это очень стѣсняетъ ее, она даже убѣгаетъ въ отцовскую хижину; но здѣсь мать встрѣчаетъ ее жестокими побоями за то, что она вернулась съ голыми руками, и вотъ она возвращается въ замокъ и вполнѣ отдается новой жизни, увлекается нарядами, богатой обстановкой, барскими обѣдами. Въ ней просыпается сознаніе прошлаго и настоящаго; она начинаетъ помогать въ хозяйствѣ, быстро успѣваетъ въ домашнихъ работахъ, выказываетъ большую любознательность; затвердивши немногія нѣмецкія слова, она проситъ Альберта, чтобы ее научили читать. Быстро усваиваетъ она грамоту и съ увлеченіемъ читаетъ «Кобзарь» Шевченка, разсказываетъ возлюбленному содержаніе «Наймычки». Проходитъ годъ, и она счастлива среди барской обстановки. Но вотъ однажды, во время катанія въ прекрасномъ экипажѣ, когда встрѣчные крестьяне со словами «Христосъ Воскресъ!» низко кланялись ей, какой-то нищій въ лохмотьяхъ хочетъ вскочить къ ней на сидѣнье. Это ея отецъ; кучеръ бьетъ его кнутомъ, а онъ съ рыданіями и мольбой взываетъ къ ней: «Настя, Настуня, Настусенька, развѣ ты не узнаешь отца?» Но вотъ онъ падаетъ съ подножки и попадаетъ подъ колесо экипажа. Настя выпрыгиваетъ изъ экипажа и съ воплями: «отецъ мой, мой милый отецъ!» бросается къ раненному и въ своемъ экипажѣ хочетъ отвезти его въ родную хату. Дорогой онъ умираетъ. По прибытіи на мѣсто она на полу обмываетъ и прибираетъ трупъ, пріодѣваетъ его, а затѣмъ, утоливши голодъ, валится на грязный, мокрый глиняный полъ рядомъ съ трупомъ и немедленно засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Похоронивши отца, она испуганно, какъ-бы безсознательно, отвергаетъ предложеніе Альберта возвратиться къ нему; опять на ней крестьянская одежда, опять она живетъ прежней безсознательной дѣтской и автоматической жизнію, опять полное бездѣйствіе, пьянство, крайняя нужда и голодъ. Въ концѣ концовъ она однажды, желая ради забавы столкнуть собаку въ сажалку, сама падаетъ въ нее и погибаетъ.

Мы нарочно передали содержаніе трехъ разсказовъ г. Вебера-Люткова, чтобы показать, какъ далеки выведенныя имъ «Дремлющія Души» по своимъ душевнымъ свойствамъ и нравственнымъ воззрѣ-

ніямъ отъ психологіи и унаслѣдованной этики малорусскаго крестьянина. Скажемъ больше: мы затруднились-бы пріурочить героевъ г. Вебера къ какой-бы то ни было европейской національности. Это не дремлющія души, а полуидіоты или маніаки, которыхъ чувства, дѣйствія и мысли не только въ дремотномъ состояніи, но и послѣ пробужденія напоминаютъ звѣря; они представители вырожденія или атавизма и въ качествѣ таковыхъ лишены этнографическихъ особенностей того или иного современнаго народа—это патологическія особи среди современныхъ культурныхъ поколѣній. У нихъ и въ средѣ, ихъ окружающей, мы не видимъ тѣхъ чертъ, которыя свойственны народнымъ массамъ какъ въ Малороссіи, такъ и въ другихъ странахъ современной Европы. Міровоззрѣніе этихъ массъ характеризуется уваженіемъ къ трудовому началу; послѣднее является у нихъ главнымъ источникомъ этическихъ и соціальныхъ взглядовъ, а между тѣмъ, не только герои г. Вебера-Лютковa, но и вся среда, ихъ окружающая, отличается глубокимъ презрѣніемъ и ненавистью къ труду. Прибавимъ еще пессимизмъ, которымъ въ разсказахъ отличается міровоззрѣніе крестьянъ, пессимизмъ, который, вмѣстѣ съ звѣрскими страстями въ половыхъ отношеніяхъ, является источникомъ душевныхъ и нравственныхъ побужденій къ убійствамъ и другимъ преступленіямъ, источникомъ ощущеній, испытываемыхъ виновниками post factum. Все это черты, лишь крайне рѣдко проявляющіяся въ крестьянской средѣ, но зато излюбленныя беллетристами-декадентами. Къ числу послѣднихъ примыкаетъ Г. Веберъ-Лютковъ какъ по сюжетамъ своихъ произведеній, такъ и по отношенію своему къ описываемымъ общественнымъ явленіямъ, по своимъ воззрѣніямъ, ярко отмѣченнымъ пессимизмомъ и стихійнымъ антисемитизмомъ, по предпочтенію, которое онъ, при выборѣ содержанія, отдаетъ животнымъ проявленіямъ человѣческой природы. А жаль: авторъ, несомнѣнно, отличается талантливостью, онъ умѣетъ оживлять для читателя даже выведенныя имъ неестественныя дремлющія души, характеристики его мѣтки, иногда онъ даетъ глубокій психологическій анализъ; изложеніе отличается прекраснымъ языкомъ, иногда большимъ изяществомъ, мѣстами даже художественностью; разсказы его читаются легко и съ интересомъ.

В. Б.

Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. Царствованіе Александра I (съ 1810 по 19 ноября 1825 г). *Журналы по дѣламъ Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ. СПБ. 1899.*

Порядокъ изданія архивныхъ матеріаловъ въ настоящей четвертой части четвертаго тома сохраненъ прежній, о чемъ нельзя не пожалѣть и не повторить высказанныхъ нами раньше пожеланій [1]); редактировалъ этотъ томъ по-прежнему І. Ф. Штендманъ.

Изъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Малороссіи, можно отмѣтить слѣдующіе:

1) Рѣшеніе по дѣлу объ имѣніи, купленномъ коллежскимъ ассесоромъ Михаиломъ Мартыновскимъ у наслѣдницъ маіорши Евфросиніи Скоропадской.

2) Рѣшеніе по дѣлу объ отыскиваемомъ княгинею Идаліею Сапѣга отъ графовъ Потоцкихъ дополненіи приданной суммы.

3) Рѣшеніе по дѣлу о раздѣленіи между греко-россійскими и греко-уніатскими церквами суммы 200.000 злотыхъ, завѣщанной покойнымъ уніатскимъ оффиціаломъ Примовичемъ на устроеніе и содержаніе въ городѣ Житомірѣ миссіи и семинаріи и оспариваемой его наслѣдниками.

4) Рѣшеніе по дѣлу о крестьянахъ, спорныхъ между помѣщиками Базилевскими и опекуномъ малолѣтнихъ Неклюдовыхъ, ротмистромъ Донецъ-Захаржевскимъ.

5) Рѣшеніе по дѣлу объ утвержденіи навсегда раздѣла имѣнія между наслѣдниками князя Ксаверія Любомирскаго.

Наиболѣе интересное первое дѣло, какъ образчикъ судебной волокиты того времени.

Въ 1817 году въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривалось рѣшеніе Сената по дѣлу объ имѣніи, купленномъ коллежскимъ ассесоромъ Михаиломъ Мартыновскимъ у наслѣдницъ маіорши Евфросиніи Скоропадской, урожденной Закревской.

Евфросинія Скоропадская была дочь генеральнаго обознаго Іосифа Закревскаго († 1769 г.) и жены его, Анны, урожденной Разумовской, которые имѣли, кромѣ Евфросиніи, вышедшей замужъ за Скоропадскаго въ 1761 г., еще четырехъ сыновей—Андрея, Григорія, Кирилла и Алексѣя, и двухъ дочерей—Софію и Марину. Въ

[1]) См. Кіевск. Стар., 1898 г., апрѣль.

1772 г. Скоропадская предъявила искъ въ Батуринскомъ земскомъ судѣ къ братьямъ о выдѣлѣ ей части изъ оставшагося по смерти родителей имущества, такъ-какъ «отецъ ея, принявшій фамилію Закревскихъ, до женитьбы своей не имѣлъ никакого имѣнія», а все имущество было пріобрѣтено путемъ пожалованія не столько отцу, сколько матери, Аннѣ Закревской, какъ сестрѣ братьевъ Разумовскихъ [1]), и потому можетъ считаться материнскимъ, въ доказательство чего приводился универсалъ гетмана Разумовскаго отъ 17 января 1752 г. на м. Салтыкову Дѣвицу въ Нѣжинскомъ полку «*съ людьми* и со всѣми угодіями». Отвѣтчики доказывали, что ихъ отецъ и до женитьбы на Аннѣ Разумовской имѣлъ недвижимую собственность; женившись, продолжалъ округлять свое земельное владѣніе, такъ что все оставшееся по смерти родителей имущество—отцовское, а такъ-какъ Евфросинія выдана замужъ при жизни отца и получила отъ него приданое, то она и не имѣетъ правъ на наслѣдство. Батуринскій земскій судъ призналъ право Евфросиніи Скоропадской на наслѣдство, но, принявъ во вниманіе, что у нея, кромѣ четырехъ братьевъ, имѣется еще двѣ сестры—графиня Софія Апраксина и Марина Нарышкина,—постановилъ выдѣлить ей седьмую часть. Отвѣтчики этимъ не удовлетворились, и началась судебная волокита черезъ генеральный судъ, малороссійскую коллегію и сенатъ.

Между тѣмъ истица Скоропадская 19 сентября 1799 г. умерла, составивши незадолго передъ смертію завѣщаніе, на которомъ подписался въ качествѣ свидѣтеля и ея сынъ, Петръ. Она раздѣлила оставшуюся часть ея недвижимаго имущества, а равно право на седьмую часть наслѣдства, согласно рѣшенію Батуринскаго земскаго суда, между двумя своими дочерьми, Евфросиніей и Софьей (изъ которыхъ послѣдняя вскорѣ вышла замужъ за прапорщика гвардіи Михаила Корбія), въ равной части. На это распоряженіе матери выразилъ свое согласіе и другой ея сынъ, Михаилъ.

Такъ какъ процессъ очень затянулся, то произошли новыя осложненія, а именно: Алексѣй Закревскій, сыновья умершаго Григорія Закревскаго и одна изъ дочерей Кирилла Закревскаго, Марья, по мужу Раздеришина, помирились съ двумя дочерьми Евфросиніи Скоропадской, удовлетворя ихъ деньгами; часть спорнаго имущества, именно—м. Салтыкова Дѣвица, продана въ 1794 г. Кирилломъ

[1]) Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. Т. I, стр. 64

Закревскимъ его-же дочери Еленѣ и ея мужу Николаю Романовскому, а с. Дорогинка продана въ 1783 г. Андреемъ Закревскимъ коллежскому ассесору Константину Селивановичу.

Въ виду этихъ осложненій все дѣло по жалобамъ сторонъ было передано Сенатомъ для новаго разсмотрѣнія въ Нѣжинскій земскій повѣтовый судъ, а потомъ перешло въ генеральный судъ и снова въ сенатъ.

Между тѣмъ 19 ноября 1804 г. умерла Софья Корбіева, продавши незадолго до смерти свое право на часть спорнаго наслѣдства Василію Селецкому и Мартыновскому.

Эти новыя осложненія повели къ тому, что дѣло побывало на разсмотрѣніи въ Глуховскомъ земскомъ повѣтовомъ судѣ, въ черниговскомъ губернскомъ правленіи и еще разъ въ Сенатѣ.

Когда умеръ и Мартыновскій, то сынъ его лейбъ-гвардіи уланскаго полка корнетъ Михаилъ Мартыновскій подалъ всеподданнѣйшее прошеніе о новомъ пересмотрѣ дѣла, такъ-какъ согласно послѣднему рѣшенію Сената,—доставшееся ему отъ отца имѣніе отбирается въ пользу наслѣдниковъ первоначальныхъ отвѣтчиковъ, братьевъ Закревскихъ, и онъ остается безъ всякихъ средствъ, вслѣдствіе чего состоялось Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ всего дѣла въ Государственномъ совѣтѣ.

Государственный совѣтъ постановилъ 19 ноября 1817 г. большинствомъ девяти голосовъ противъ пяти, что маіорша Евфросинія Скоропадская, урожденная Закревская имѣла право на седмую часть имущества, принадлежавшаго ея родителямъ, Іосифу и Аннѣ Закревскимъ, такъ-какъ послѣдніе обязаны этимъ имуществомъ «содѣйствію» знатныхъ родственниковъ Анны Закревской.

14 августа 1818 г. это рѣшеніе государственнаго совѣта, разрѣшавшее всѣ происшедшія осложненія и утверждавшее всѣ совершенныя разновременно завѣщанія, купчія крѣпости, уступочныя записи и проч., было Высочайше утверждено, и такимъ образомъ положенъ конецъ дальнѣйшей волокитѣ.

Н. С.

Очерки Малороссіи. «*Приходская библіотека*», *издаваемая подъ ред. В. И. Шемякина. Сборникъ для народнаго чтенія С.-Пб-бургъ. 1899.*

Немногіе знаютъ объ этомъ, въ общемъ полезномъ, изданіи. «Приходская библіотека» имѣетъ пока шесть отдѣловъ: церковный, историческій, географическій, литературный, сельско-хозяйственный и музыкально-пѣвческій; третій отдѣлъ состоитъ изъ 10 книгъ,—девять носятъ общее заглавіе «Русская земля»; эти книги составлены гг. Поддубнымъ, Рудневымъ, Благовидовымъ и Лупповымъ. Очеркъ роднаго намъ края заключаетъ въ себѣ разнообразные отрывки, характеризующіе природу, населеніе и промыслы Малороссіи, обнимающей, по не вполнѣ точному опредѣленію составителя, слѣдующія мѣстности: губерніи Подольскую, часть Черниговской (къ югу отъ Десны), часть Курской (къ югу отъ рѣки Сейма), часть Воронежской (къ западу отъ рѣки Дона), Екатеринославской и Херсонской, т. е. около 10,670 квадр. миль. Въ книжкѣ (224 стр.) находимъ извѣстное стихотвореніе А. Толстого «Ты знаешь край»..., Пассека «Малороссійскія степи», Афанасьева-Чужбинскаго «Днѣпръ и Днѣпровскіе пороги», Гоголя «Украинская ночь» и «Лѣтній день», Кольцова «Ночлегъ чумаковъ», Козлова «Кіевъ и его святыни», за которыми слѣдуетъ описаніе достопримѣчательностей Кіева, Кіево-печер. и почаевской лавры, Полтавы (съ отрывками изъ поэмы Пушкина и солдатскихъ пѣсенъ). Но наиболѣе интересными, безъ сомнѣнія, представляются очерки, характеризующіе бытъ, нравы, занятія и промыслы Малороссовъ, напримѣръ—малороссійскія села и хутора, хаты; домашняя утварь, одежда и утварь; повѣрья и суевѣрія, народные обычаи при крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ; земледѣліе и его враги, разведеніе свекловицы и табака; садоводство, пчеловодство, отхожіе и домашніе промыслы.

Въ главѣ о народной словесности помѣщены то въ изложеніи, то въ небольшихъ отрывкахъ малорусскіе сказки, думы и пѣсни. Любопытно, что это полу-оффиціальное изданіе считаетъ болѣе удобнымъ не пользоваться произвольно составленнымъ оффиціальнымъ малорусскимъ правописаніемъ, а если пользуются, то по недосмотру; въ книгѣ читаемъ: «якій день на Благовіщення, такій и на Велыкъ день» или:

Пане гетьмане Хмельницкій,
Батьку Зиновъ нашъ Чигиринскій!
За що ти на насъ такий гнивъ положивъ? и т. д.

Можно только пожалѣть, что подобная книга не появилась и на понятномъ и родномъ для Малоросса языкѣ. Очень и очень многое не пойметъ въ рѣчи «Очерковъ» самъ нашъ «хлиборобъ», если это изданіе В. И. Шемякина дойдетъ до его хаты.

Къ недостаткамъ книги надо причислить, во 1-хъ, невсегда точныя и удачныя опредѣленія; во 2-хъ, значительную неряшливость составителя въ изложеніи сообщаемыхъ свѣдѣній,—какъ будто онъ куда-то торопился, стараясь поскорѣе сбыть работу съ рукъ. Для образца приводимъ «немногое изъ многаго» въ этомъ родѣ, роняющее цѣнность книги. «Запорожскою сѣчью», опредѣляетъ составитель, «называлось товарищество воинственныхъ козаковъ старыхъ временъ; они брили всю голову, оставляя на макушкѣ лишь одну прядь волосъ, которая называлась чубомъ»,—вотъ и все, что мы узнаемъ изъ книги о Запорожьѣ. Расхваливая ростъ малороссовъ, по какой причинѣ именно малороссами наполняются гренадерскія и кавалерійскія части войскъ, составитель говоритъ, что малороссъ »на морозѣ работать не привыкъ; точно также не любитъ онъ и подниматься рано съ постели» (стр. 34), а на стр. 63—читаемъ, что малороссъ встаетъ на работу часа въ 3 утра. „Въ степяхъ", сообщаетъ составитель, „нѣкоторыя змѣи достигаютъ величины 3-хъ и болѣе саженъ" (стр. 29). Оказывается, что особенно Гедеонъ Балабанъ вмѣстѣ съ другими были создателями такъ называемой «литовской церковной уніи 1595-го года» (стр. 67) и т. д. Опечатокъ въ книгѣ очень много; цѣна—дешевая: немалый томикъ (одинъ)—30 коп., а всѣ десять книгъ очерковъ «Русской земли»—3 р. 20 коп.

И.

Брошюры Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ: *№ 2) Про городыну. О. Степовыка. СПБ. 1899. ц. 5 к.; № 3) Молодыча боротьба. Г. Барвинокъ. СПБ. 1899. ц. 1 к.*

Въ ноябрьской книгѣ «Кіев. Стар.» минувшаго года мы имѣли случай отмѣтить выходъ въ свѣтъ первой брошюры изданія вышеупомянутаго общества («Корыстни звиратка» О. Степовыка). Теперь передъ нами двѣ слѣдующія брошюры, изъ коихъ первая принадлежитъ перу того-же г. Степовыка и отличается присущими этому способному популяризатору достоинствами—легкимъ, удобопонятнымъ

изложеніемъ и чистымъ народнымъ языкомъ. По содержанію эта брошюрка значительно интереснѣе «Корыстныхъ звиряткъ», т. к. затрагиваетъ вопросы, болѣе важные въ крестьянской жизни, трактуя о культурѣ огородныхъ растеній и болѣе или менѣе доступныхъ для селянъ средствахъ къ поднятію на надлежащую высоту этой весьма выгодной отрасли сельскаго хозяйства.

Что касается брошюрки г-жи Барвинокъ, то она представляетъ собою дословно записанный разсказъ словоохотливой деревенской бабы о житьѣ-бытьѣ, выпадающемъ на долю малосостоятельныхъ крестьянокъ. Автору, или—вѣрнѣе—стенографу, вполнѣ удалось сохранить въ своей записи народную рѣчь, но, къ сожалѣнію, онъ оставилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, во всей неприкосновенности, всѣ шероховатости довольно безсвязнаго и безтолковаго повѣствованія разсказчицы. Благодаря этому, читать разсказъ чрезвычайно утомительно, а пересказать его—даже послѣ довольно внимательнаго прочтенія—представляется почти невозможнымъ. Кромѣ того, самый разсказъ, за исключеніемъ одного-двухъ мѣстъ, на столько безсодержателенъ, что не можетъ заинтересовать не только тѣхъ читателей, которыхъ должны были имѣть въ виду издатели, но даже и этнографа. Вслѣдствіе этого представляется вполнѣ непонятнымъ, что побудило общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ выпустить въ свѣтъ эту книжку.

С. Н.

Береженого Богъ береже. *Оповидання селянына про скотську чуму. Черкассы, 1899 г.*

Книга эта предназначена для деревни. Простымъ народнымъ языкомъ, въ формѣ бесѣды, авторъ знакомитъ своего читателя съ заразными болѣзнями скота, которыя составляютъ для крестьянина, незнакомаго съ самыми элементарными мѣрами предупрежденія повальныхъ болѣзней скота, истинное несчастье. На простыхъ и ясныхъ примѣрахъ авторъ выясняетъ то, какимъ образомъ передается зараза отъ одного животнаго къ другому и какъ предупредить передачу заразнаго начала другому животному. Такъ постепенно подходитъ авторъ къ главной темѣ своей бесѣды—чумѣ. Мѣры предупрежденія, которыя рекомендуются авторомъ, какъ напр. изолированіе,—вполнѣ доступны

и могутъ принести большую пользу крестьянину, который въ подобныхъ случаяхъ часто прибѣгаетъ къ суевѣрнымъ пріемамъ. Книга написана популярно и несомнѣнно принесетъ большую пользу простому народу въ смыслѣ установки правильнаго взгляда на заразныя болѣзни.

Отъ души-же пожелаемъ ей успѣха среди сельскаго населенія.

Обозрѣніе епархіальныхъ Вѣдомостей южныхъ епархій 1899 г.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской Епархіи (Ковельскій уѣзд.). №№ 1—4, 6, 7, 11—12, 13, 16.

О достоинствѣ перваго источника польской исторіи-лѣтописи анонимнаго автора Галла (№ 10). Переводъ статьи, помѣщенной въ Allgemeine Zeitung. Авторъ признается недостовѣрнымъ.

Ѳ. Делекторскій. Правда о русско-католическихъ и русско-польскихъ отношеніяхъ (№№ 9—12). Положеніе католичества при Екатеринѣ, Павлѣ I, Александрѣ I, Николаѣ I.

Тенденціозная статья съ той основной идеей, что католицизмъ, и раньше и теперь, пользуется лучшимъ положеніемъ, чѣмъ православіе. Много некрасивыхъ выходокъ противъ поляковъ.

Ф. Краткое описаніе памятниковъ древности, поступившихъ въ Волынское древнехранилище отъ 1 авг. 1894 г. по 1 ноября 1898 г. (№№ 1—14, 16—21). Памятники вещественные.—Рукописи.—Старопечатныя книги.—Современныя изданія [1]).

Г. К. Историческое и общественное значеніе Почаевской Лавры (№№ 19, 21, 23—24, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 32).

Базиліане въ Почаевѣ и ихъ отношеніе къ Лаврѣ.—Свѣтлыя стороны базиліанской эпохи.—Историческая заслуга почаевской обители; значеніе ея, какъ религіозно-просвѣтительнаго центра.—Просвѣтительное вліяніе Почаевской Лавры.—Миссіонерское вліяніе.—Средства Лавры въ теченіе XIX в.—Бытъ монашествующихъ.

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1900 г., № 2, Археологич. Лѣтопись, стр. 135.

Древняя Жидичинская архимандрія на Волыни (№№ 22, 23—30). Исторія архимандріи отъ начала Жидичина (по мнѣнію автора съ X в.). Предполагаемое важное миссіонерское значеніе Жидичинскаго монастыря.—Цвѣтущее состояніе монастыря въ XIII в.—Состояніе его въ XIV и XV вв.—Препятствія, тормозившія правильный ростъ обители: враги внѣшніе и католицизмъ.—Топографіи Жидичина и его окрестностей.—Колонизація Жидичинскихъ грунтовъ, ихъ богатства.—Настоятели древняго періода монастыря.—Переходная эпоха въ исторіи Жидичинской архимандріи (XVI вѣка): состояніе монастыря при Борзобогатыхъ-Красенскихъ, К. Конст. Острожскомъ, Балабанахъ.

Св. Димитрій, Митрополитъ Ростовскій (№ 29).

Очеркъ составленъ на основаніи собственныхъ трудовъ Димитрія Ростовскаго, Синодальнаго житія (Арсенія Мацѣевича) и трудовъ: преосв. Филарета, Шляпкина и Пыпина (Истор. р. литер., т. II).

Малорусское происхожденіе святителя (сынъ козака Туптало).—Воспитаніе въ Кіево-Братской школѣ, постриженіе, посвященіе въ санъ іеромонаха.—Литературные труды Димитрія.—Дѣятельность Димитрія въ Ростовѣ.—Характеристика Димитрія.

О. Ф. Волынь на XI археологическомъ съѣздѣ въ г. Кіевѣ (№№ 33, 34, 35 и 36).

Отчетъ о выставкахъ древностей Волынскихъ и рефератахъ, читанныхъ на съѣздѣ и имѣющихъ отношеніе къ прошлому Волыни.—Отрицается, высказанный графиней П. С. Уваровой, упрекъ Волынскому Епарх. начальству въ запрещеніи доставлять церковныя древности на выставку. XI съѣздъ, по мнѣнію автора, имѣлъ огромное значеніе для изученія прошлаго Волыни.

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости.

Д. Щеглов. Изъ бумагъ преосвященнаго Анатолія, бывшаго Архіепископа Могилевскаго (№№ 8—9).

Уроженецъ Подоліи, воспитанникъ Кіевской Академіи, пріятель извѣстнаго В. Гречулевича, оставилъ по смерти много рукописей и бумагъ; Д. Щеглову досталось описаніе народныхъ христіанскихъ обычаевъ Подоліи. Описаніе затрогиваетъ общеизвѣстные обычаи, соединенные съ праздниками и повседневной жизнью подолянина-малоросса.

Д. Щеглов. Новыя данныя о митрополитѣ Гавріилѣ Банулеско-Бодони (№ 18, 19, 20).

(Составлено на основаніи труда прот. В. Жмакина, см. «Русскій Архивъ, 1898, 11—19).

Дѣятельность Банулеско въ Бессарабіи, Екатеринославѣ; два дѣла въ архивѣ св. Синода, относящіяся ко времени управленія Екатеринославской епархіей; Банулеско въ качествѣ Кіевскаго митрополита; въ Одессѣ.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

С. Потѣхинъ. Новыя ученія въ Кіевской штундѣ (№ 2).

— О возникновеніи новаго толка, подъ названіемъ субботниковъ, отвергающихъ празднованіе воскреснаго дня и замѣняющихъ его субботой.

А. Войтковъ. Изъ епархіальной хроники прошлаго столѣтія.

— Описаніе прибытія въ Кіевъ митрополита Кіевскаго Гавріила Кременецкаго (1770—1783), встрѣча кіевлянами и первое время пребыванія на новой каѳедрѣ.

Л.—Пасха въ Малороссіи (№№ 8—9). Статья представляетъ собою описаніе народныхъ обычаевъ, соединенныхъ съ праздникомъ Пасхи; составлена по печатнымъ источникамъ и новыхъ матеріаловъ не заключаетъ.

П—ій. Образовательныя средства православнаго духовенства Подольской Украйны во второй полов. XVIII и въ началѣ XIX в. в. (№№ 8—9),—историческая замѣтка по поводу 75-лѣтняго юбилея Уманскаго духовнаго училища.

Кромѣ общаго, довольно поверхностнаго обзора духовнаго просвѣщенія того времени, замѣтка содержитъ также историческій очеркъ Уманскаго духовнаго училища, слишкомъ краткій и потому мало содержательный.

А. Бѣлородскій. Къ столѣтію возстановленія Кіево-Братскаго монастыря (29 мая 1799—24 мая 1899 г.). Историческая справка о состояніи монастыря за послѣднее столѣтіе.

С. Потѣхинъ. Штундисты с. Дзенгелевки, уманскаго у. и моя бесѣда съ ними (№ 13). Обычная миссіонерская статья, отмѣчающая новое направленіе въ штундизмѣ—«раціоналистическое толстовство». Впрочемъ, кромѣ голаго сообщенія, что штундисты «завели письменныя сношенія съ Ясной Поляной», статья не указываетъ, въ чемъ собственно выражается «толстовство штундистовъ».

М. Пятницкій.— Кіево-Печерскій монастырь, его свв. подвижники и церковно общественное значеніе, по даннымъ «Кіево-Печерскаго Патерика» (№ 15). Церковно-историческій очеркъ, рисующій картину внѣшней исторіи Кіево-Печерской лавры, ея внутренняго устройства и просвѣтительно-миссіонерской дѣятельности иноковъ. Очеркъ составленъ, какъ видно изъ заглавія, почти исключительно по даннымъ «Кіево-Печерскаго Патерика»; къ другимъ источникамъ авторъ очерка прибѣгаетъ рѣдко, кромѣ «Житія пр. Ѳеодосія», написаннаго Несторомъ, поэтому очеркъ не можетъ претендовать на полноту и обстоятельность.

Свящ. Василій Липковскій.—Псаломщики и церковныя школы (№ 17). Статья представляетъ собою довольно странный проектъ поднятія церковно-приходскихъ школъ путемъ обязательнаго привлеченія сельскихъ псаломщиковъ. Аргументомъ въ пользу такого привлеченія, по мысли автора, служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что «у дьяка начали свое образованіе и митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и поэтъ малорусскій Тарасъ Шевченко [1]) Въ общемъ проэктъ свящ. Липковскаго изобилуетъ странностями и противорѣчіями, претенціозными вылазками противъ «тлетворнаго западнаго вѣтра", культурной школы, скопированной съ западныхъ образцовъ", «противныхъ (?) вліяній» и т. д.

Протоіерей Василій Липковскій.— Къ исторіи причтовыхъ помѣщеній (№№ 18—19). Статья содержитъ между прочимъ нѣкоторыя бытовыя черты изъ жизни малороссійскаго духовенства; впрочемъ тонъ автора и отсутствіе ссылокъ на источники, изъ которыхъ онъ заимствовалъ сообщаемыя данныя, заставляетъ относиться къ нимъ подозрительно.

Состояніе штундизма въ Кіевской епархіи за 1898 годъ, дѣятельность миссіи и уѣздные миссіонерскіе съѣзды (№№ 23—24). Статья содержитъ цифровыя данныя о состояніи штундизма въ Кіевской губ. въ 1898 г., общій обзоръ направленій, существующихъ среди штундистовъ, и предлагаетъ рядъ мѣръ къ борьбѣ со штундизмомъ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости.

П. В. Праздникъ преполовенія и рахманскій Великодень (№ 20—21). Пріурочиваніе къ празднованію преполовенія—рахманскаго Великодня. Легенда о рахманахъ.

---

[1]) См. Кіевск. Стар., 1899 г., кн. 12, стр.

В. Петрушевскій. Богослужебное пѣніе Галицко-русскихъ церквей (№ 22).

Нѣкоторыя отличія богослужебнаго пѣнія Галицко-русскихъ церквей отъ такового въ Россіи.

Свящ. Н. Д. Къ вопросу о томъ, что читаетъ нашъ народъ? (№ 20). „Листъ Божій", «Сонъ Богородицы».

Е. С. Церковно-іерархическія отношенія Подоліи къ Кіевской и Галицкой митрополіямъ. (Историческій очеркъ). (№ № 45—46). Побужье и Понизье въ древности.—Учрежденіе первыхъ епархій.—Краткія историческія свѣдѣнія о Подоліи до XVIII в. включительно.—Церковно-іерархическія отношенія восточной и западной Подоліи въ XVI в.—Галицкая каѳедра и ея замѣстители.—Епископы въ Подоліи.—Переяславская епархія.

Въ отдѣлѣ «Изъ епархіальной жизни» —*«Желательный порядокъ снесенія старыхъ упраздняемыхъ церковныхъ зданій* (№ 46),—см. Кіев. Стар. 1900, № 1, Археологическая лѣтопись, стр. 52—53.

С. Историческая справка о св. Троицкой церкви мѣстечка Пикова, Винницкаго уѣзда. (По поводу ея 200-лѣтія).

Время основанія.—«Фундушъ».—Перенесеніе ея въ въ 1749 г. на другое мѣсто.

А. Л. Церковно-народное празднованіе Рождества Христова (№ 51).

Приготовительныя дѣйствія церкви къ уразумѣнію смысла празднованія Рождества Христова.—Черты народнаго празднованія и соединенные съ послѣдними обычаи.—«Кутя», колядованье.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости.

Священникъ Николай Пирскій. Мѣстечко Соколка (№№ 15 и 18). Историческій и церковно-статистическій очеркъ.

Иванъ Яновскій. Епископы Переяславля Русскаго и предѣлы ихъ епархіи, со времени учрежденія въ г. Переяславлѣ каѳедры и до перенесенія этой каѳедры въ г. Сарай—съ XI—XIII ст). (Историко-біографическій очеркъ) (№ 22).

Обстоятельное, на основаніи многихъ печатныхъ источниковъ, изслѣдованіе о переяславской епархіи.—Распространеніе христіанства въ предѣлахъ древняго Переяславскаго княжества; первая епископія; епископы съ XI и до начала второй половины XIII стол.—Территорія древней Переяславской епархіи (города и населенныя мѣстности).

Священникъ Григорій Прихожій. Село Ивановка и его храмы (№№ 25—26).

Историческія свѣдѣнія отъ возникновенія села и до нашихъ дней.—Современное состояніе прихода; священно и церковно-служители с. Ивановки, въ хронологическомъ порядкѣ.—

Въ свѣдѣніяхъ о бытѣ прихожанъ замѣтны преувеличенія.... «о какихъ-либо суевѣріяхъ и антирелигіозныхъ обычаяхъ среди Ивановцевъ не можетъ быть и рѣчи»; прихожане отличаются «полной благонадежностью и добропорядочностью, нѣтъ проявленія той грубости и жестокости, которыя царили въ семьѣ въ дореформенный періодъ», отличаются благочестіемъ, между тѣмъ, какъ только что говорилось о томъ, что отхожіе промыслы (къ колонистамъ нѣмцамъ въ Екатериносл. и Таврическ. губ). дурно вліяютъ на религіозно-нравственныя понятія молодежи; населеніе читаетъ вообще «книги религіозно-нравственнаго содержанія и отчасти—*историческія*» ... (?)

Свящ. Александровскій. Дубенская икона Божіей Матери въ Красногорскомъ женскомъ монастырѣ и крестный ходъ съ нею въ с. Антиповку и обратно (№ 29).

Нѣкоторыя свѣдѣнія о красногорскомъ монастырѣ; о происхожденіи названія иконы «Дубенской».

М. Коропов. Къ исторіи Александро-Невской церкви с. Матвѣевки, Золотоношскаго уѣзда (№№ 29 и 30).

Происхожденіе названія села (будто-бы на мѣстѣ города Кизиля или Кизивера); время основанія его; первый храмъ и послѣдующіе; описаніе внутренности современнгао храма. Приводятся археологическія указанія въ пользу существованія нѣкогда древняго города или мѣстечка, на мѣстѣ нынѣшней Матвѣевки.

Ставропольскія Епархіальныя Вѣдомости.

Систематическій каталогъ древнехранилища, учрежденнаго при Ставроп. церк. археолог. Общ., за четыре года его существованія.—Иконы, кресты, священныя изображенія, предметы богослужебныя, книги, картины, альбомы, документы, монеты, медали, археологическіе предметы,—всего 91 № и 323 названія.

Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости.

О благотворительномъ обществѣ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ въ Петербургѣ (№ 18).

О задачахъ общества съ прибавленіемъ «Извлеченія изъ Устава Общества».

П. А. Т. Одесская старокладбищенская церковь (№№ 23 и 24). Исторія построенія.—Церковь.—Священно- и церковно-служители.—Причтъ.—Жертвователи. (Очеркъ снабженъ нѣсколькими фотографіями).

Труды Кіевской Духовной Академіи.

Ст. Т. Голубевъ. Къ исторіи Кіевской Трехсвятительской церкви за вторую половину XVII столѣтія (№ 1) [1]).

С. Т. *Голубевъ.* Неизвѣстное полемическое сочиненіе противъ папскихъ притязаній въ юго-западной Россіи (1633 г.) (№ 1).

Рѣчь идетъ объ открытомъ г. Голубевымъ сочиненіи: «Римъ или римская столица имѣетъ-ли какое касательство до политическихъ правъ короны Польской и великаго княжества Литовскаго?—краткія разсужденія, поднесенныя въ 1633 г. государственнымъ чиномъ коронаціи». Въ этомъ сочиненіи, какъ показываетъ анализъ его, произведенный проф. Голубевымъ, проводится мысль о независимости Польской Короны отъ папскаго престола въ дѣлахъ государственныхъ. Эта основная мысль мотивируется данными, почерпнутыми изъ исторіи и законодательства (древнихъ статутовъ). Разсматриваемое полемическое сочиненіе г. Голубевъ приписываетъ перу Адама Киселя и мѣстомъ его изданія считаетъ Кіевъ, въ частности Кіево-Печерскую типографію.

Θ. М. Ильинскій. Большой катихизисъ Лаврентія Зизанія (№ 3). Катихизисъ Лаврентія Зизанія, разсматриваемый со стороны плана, метода, эрудиціи и языка.

П. А. Лашкаревъ. Дача Кіево-братскаго монастыря. Церковщина, (№ 3). Исторія дачи и бывшаго въ ней гнилецкаго монастыря.

Н. И. Петровъ. Отчетъ церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной Академіи (№ 3). Составъ общества, приращенія музея и библіотеки, занятія членовъ.

Д. Сильпуро. Виленское Св.-духовское братство въ XVII и XVIII в. (продолженіе) (№ 4, 6, 8, 9). Продолжается изображеніе внѣшняго положенія братства въ XVII в., начало внутренняго состоянія братства

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1899, кн. II, стр. 94—96.

и постепенный упадокъ до прекращенія его историческаго существованія (1633—1794).

М. Ѳ. Ястребовъ. Высокопреосвященный Димитрій Муретовъ (біографія). Библіографическая замѣтка (№ 5). Излагается съ критическими замѣчаніями содержаніе труда съ выше-указаннымъ названіемъ протоіерея Николая Смирнова.

Н. И. Петровъ. О росписи стѣнъ и вообще объ украшеніи Кіевскаго Владимірскаго собора (№ 5, 6 и 7). Говорится о всѣхъ тѣхъ безпорядкахъ, при какихъ велась постройка собора; въ неприглядныхъ чертахъ изображается дѣятельность проф. Прахова; оцѣнивается съ церковно-археологической точки зрѣнія живопись собора.

Н. И. Петровъ. Археологическая находка на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры (№ 6 и 7). Излагается исторія этой находки и описываются главнѣйшія монеты; приложены очень хорошіе снимки важнѣйшихъ экземпляровъ находки.

Жизнь и подвиги святителей Христовыхъ и чудотворцевъ Кіево-Братскихъ молитвенниковъ, святыхъ: Ѳеодосія Полоницкаго—Уличскаго, архіепископа Черниговскаго, Димитрія Туптало, митрополита Ростовскаго, и Иннокентія Кульчицкаго, епископа Иркутскаго (кн. 9).

Краткія свѣдѣнія.

Профессоръ Петръ Александровичъ Лашкаревъ (№ 9).

Некрологъ. Свящ. *Ѳ. Титовъ. Слово, сказанное при погребеніи заслуженнаго экстра-ординарнаго профес. Кіевской Духовной Академіи* П. А. Лашкарева, 30 августа 1899 г. (№ 9).

Рѣчи, произнесенныя при погребеніи профессора П. А. Лашкарева (Ст. Голубевымъ, студ. Луценкомъ, А. Глаголевымъ, студ. Леонидовичемъ) (№ 9).

С. Голубевъ. Историко-топографическія изысканія и замѣтки о древнемъ Кіевѣ. I. *Существовала-ли въ Кіевѣ на старомъ городѣ церковь св. Никиты, относимая къ великокняжеской эпохѣ?* (№ 12).

На основаніи документальныхъ данныхъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что церкви св. Никитѣ, пріурочиваемой къ нагорной части Кіева и относимой къ великокняжеской эпохѣ, здѣсь не существовало.

О росписаніи стѣнъ и вообще объ украшеніи Кіевскаго Владимірскаго собора. (Окончаніе) (№ 17).

Разсказывается о ходѣ работъ по украшенію храма съ 1885 года и до окончанія ихъ въ 1896 г.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Вѣстникъ Европы, № 3; 2) Русская мысль, № 3; 3) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 3; 4) Историческій Вѣстникъ, № 3; 5) Русская Старина, № 3; 6) Літературно-Науковий Вістник, № 3; 7) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 2; 8) Русская Школа, № 2; 9) Biblioteka Warszawska, №№ 2 и 3; 10) Ateneum, №№ 2 и 3; 11) Przewodnik naukowy i literacki, №№ 2 и 3; 12) Slovanský přehled, № 3; 13) Русскій Архивъ, № 3; 14) Русское Богатство, № 2; 15) Научное Обозрѣніе, № 3; 16) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 1—2 и 3; 17) Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, № 1; 18) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 1; 19) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, № 2; 20) Книжки Восхода, № 2; 21) Живописное Обозрѣніе, № 3; 22) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 1.

Русскій Архивъ № 3.

Н. Башкирцева. Изъ Украинской Старины (стр. 321—354). Авторъ помѣщаетъ свои воспоминанія,— «хронику, задуманную для себя и своихъ», въ значительной степени разбавленыя свѣдѣніями изъ печатныхъ источниковъ. Помимо исторіи развитія Чугуева (родина автора), г-жа Башкирцева даетъ интересныя свѣдѣнія о военныхъ поселеніяхъ въ данной мѣстности, о родѣ Донцовъ-Захаржевскихъ, Шидловскихъ, Балавенскихъ, фонъ-Клугенъ, Павловыхъ, Норовыхъ, Дуниныхъ. Такъ какъ Балавенскіе находились въ родственныхъ отношеніяхъ съ Квитками (Основянскими), то имѣются кое-какія данныя и объ этомъ родѣ.

Русская Старина № 3.

Запорожская сѣчь на Дунаѣ (стр. 768). Рескриптъ генералу-отъ-кавалеріи Михельсону. Отъ 20 іюля 1807 г. Въ виду его интереса, перепечатываемъ цѣликомъ.

По разнесшимся въ Новороссійскомъ краѣ слухамъ объ учрежденіи на Дунаѣ Запорожской Сѣчи, возникли между крестьянами разныя безпокойства, непокорность и бѣгство въ Молдавію. Цѣлыя

селенія оставляютъ мѣста ихъ жительства и вооруженною рукою, противясь дѣйствію земской полиціи, прорываются за границу.

Узнавъ о безпорядкахъ сихъ изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ и находя, что учрежденіе сіе произведетъ въ пограничныхъ губерніяхъ между крестьянами вредныя послѣдствія, поручаю вамъ заведеніе на Дунаѣ Сѣчи остановить и все, что доселѣ было по сему предмету сдѣлано, отмѣнить, давъ знать отъ себя пограничнымъ нашимъ начальствамъ, что учрежденія такового нынѣ въ Молдавіи не существуетъ и принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ строгія мѣры, дабы какъ прежніе бѣглые изъ Россіи въ Молдавію были отыскиваемы и высылаемы, такъ и вновь бѣгущіе были выдаваемы и къ поселенію тамъ никакъ не допускались.

Историческій Вѣстникъ кн. 3.

Д. П. Миллеръ. Арестъ и ссылка В. Н. Каразина (стр. 1047—1053). Авторъ разсказываетъ о злоключеніяхъ основателя Харьковскаго университета, въ концѣ 1820 г., отбывшаго 6-мѣсячное заключеніе въ Шлиссельбургской тюрьмѣ по совершенно неосновательному подозрѣнію въ томъ, что онъ написалъ пасквиль, послужившій причиной бунта въ казармахъ л.-гвардіи Семеновскаго полка. По освобожденіи изъ заключенія Каразинъ отправленъ былъ въ свое имѣніе, гдѣ надъ нимъ установленъ былъ полицейскій надзоръ. И лишь въ 1826 г. послѣдовала резолюція съ разрѣшеніемъ жить въ Москвѣ,—«буде желаетъ; но съ тѣмъ, чтобы воздерживался отъ всякаго сужденія, къ нему не принадлежащаго».

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 1159, 1163, 1173, 1183) помѣщены рецензіи на «Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII стол. Кіевъ, 1899»; «Проф. Д. Багалѣй. Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ Харьковскаго Университета. Харьковъ, 1899 г.; «Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи П. Т. I. Спб. 1899», «Козаки: донцы, терцы, кубанцы, уральцы. Очерки изъ исторіи и стародавняго казацкаго быта. Составилъ К. Абаза. Спб. 1899».

Вѣстникъ Европы № 3.

Александра Ефименко. Котляревскій въ исторической обстановкѣ, (стр. 320—339). Авторъ задался цѣлью освѣтить историческую почву южно-русскихъ отношеній, намѣтить историческія условія, которыя опредѣлили художественную личность Котляревскаго, а также и современныя отношенія къ этой личности. Особенно любопытны страницы, посвященныя описанію состоянія и значенія школы въ Малороссіи до Котляревскаго, а также наглядному установленію непосредственнаго духовнаго родства, связывавшаго автора «Энеиды» съ его темными предшественниками,—дьяками и «спудеями», авторами виршъ—орацій.

Журналъ Министерстерства Народнаго Просвѣщенія № 3.

Въ отдѣлѣ «Книжныя новости» (стр. 189—192) даны отзывы о книгахъ: «Д. И. Багалѣй. Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета. Харьковъ, 1899»; «Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80—1800 г.) Т. I. Спбр. 1899»; «Матеріалы для исторіи такъ-называемой Австрійской или Бѣлокриницкой іерархіи. Издалъ Н. Субботинъ. М. 1899.»

Кіевскія Университетскія Извѣстія № 2.

Отдѣлъ «Критика и библіографія». *П. Владимировъ.* Научное изученіе апокрифовъ—отреченныхъ книгъ въ русской литературѣ во второй половинѣ настоящаго столѣтія (стр. 45—94).

Обстоятельный критико-библіографическій обзоръ трудовъ по изученію апокрифовъ, среди которыхъ отмѣчены труды въ этой области гг. Сумцова («Кіев. Стар.», 1887 г.), Франка («Памятки українсько-русскоі мови і літератури», т. I) и мног. друг. Въ приложеніи къ статьѣ (стр. 94—109) помѣщены тексты апокрифовъ о 12-ти пятницахъ, хожденіи Пресвятыя Богородицы съ Михаиломъ Архангеломъ по мукамъ и др.

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета № 1.

Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета. Томъ II. (1815—1835). (Стр. 31—126). (Продолженіе слѣдуетъ). Введеніе и первая глава объ Университетскомъ самоуправленіи.

Варшавскія Университетскія Извѣстія № 1.

Ѳ. И. Леонтовичъ. Къ исторіи административнаго строя Литовскаго государства (Окончаніе) (стр. 81—104). Дворы панные, фольварки, ловецкіе дворы-станы, путевые дворы; составъ дворовъ господарскихъ и панскихъ, дворовая челядь, ея службы и работы.

Книжки Восхода № 2.

С. Дубновъ. Внутренняя жизнь евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ въ XVI вѣкѣ. Историко-культурные очерки (стр. 3—27) (Продолженіе слѣдуетъ).

Авторъ взялся выполнить интересную тему—опредѣленіе формъ еврейской культуры въ Польшѣ и Литвѣ въ XVI вѣкѣ. Имъ намѣчены къ изслѣдованію области внутренней жизни евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ: 1) воспитаніе и обученіе; 2) домашній и семейный бытъ; 3) религіозный бытъ; 4) общинная жизнь въ тѣсномъ смыслѣ; 5) *отношеніе евреевъ къ окружающему населенію;* 6) *экономическій бытъ* (роды занятій и пр.); 7) нравы, обычаи и повѣрья массы; 8) разговорный языкъ и собственныя имена евреевъ; 9) книгопечатаніе; 10) свѣтскія знанія.

Въ данномъ № авторомъ разсмотрѣнъ первый пунктъ (воспитаніе и обученіе), и онъ пришелъ къ тому выводу, что «каковъ-бы ни былъ уровень грамотности и религіознаго образованія еврейской массы въ XVI вѣкѣ, онъ во всякомъ случаѣ былъ значительно выше уровня образованія тогдашней польской, а тѣмъ болѣе русской массы»... «польская и русская народная масса была сплошь безграмотна»!

М. Кулишеръ. Прошлое и настоящее («Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи т. I. Спб). (стр. 46—70). Обстоятельный разборъ I тома «Регестъ».

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 1.

Б. Д. Гринченко. Народные спектакли (стр. 27—90). Г. Гринченко, располагая новыми свѣдѣніями о сельскихъ спектакляхъ, доставленными ему нѣкоторыми лицами, а также дополнивъ эти свѣдѣнія данными, помѣщенными уже въ періодическихъ изданіяхъ, даетъ читателю крайне интересный матеріалъ, свидѣтельствующій объ отношеніи къ спектаклямъ самого народа. Собраны отзывы о пье-

сахъ: «Наталка-Полтавка», «Сватання на Гончаривци», «Шельменко—Деньщикъ», «Черноморци» (Кухаренка), «По ревизіи», «Помырылысь», «Пошылысь у дурни», «Дай серцю волю» (послѣднія 4 пьесы г. Кропивницкаго), «Розумный и Дурень», «Сто тысячъ» (г. Карпенко-Караго), «За двома зайцями» (г. Старицкаго), «На кожумякахъ» (И. С. Левицкаго), «Гласный» (Козловскаго) и мног. др.

Помимо этого, статья г. Гринченка важна еще тѣмъ, что въ ней указываются, какія именно пьесы изъ существующаго уже репертуара могутъ быть поставлены съ пользой для зрителей изъ народа.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка (стр. 91—113) (Продолженіе слѣдуетъ). Слѣдствіе начатое въ 1729 и оконченное въ 1731. Полковая старшина должна была составить списки селъ, ихъ владѣльцевъ и количества посполитыхъ, которыми владѣлъ тотъ или другой изъ старшины по ревизіи 1726 года.

Въ отдѣлѣ «Разныя извѣстія и корреспонденціи» (стр. 136—141) «Изъ Глухова» между прочимъ сообщается о поставленныхъ въ октябрѣ мѣсяцѣ малорусскихъ пьесахъ для народа—«Сватання на Гончаривци», «Назаръ Стодоля» и «Наталка-Полтавка».

Biblioteka Warzawska № 2.

A. Brückner. Słowianie i niemcy (стр. 197—231). Авторъ, восходя къ отдаленнѣйшимъ временамъ, къ первоначальной исторіи племенъ славянскаго и нѣмецкаго, отмѣчаетъ, замѣтныя уже въ тѣ доисторическія времена, крупныя отличія въ бытѣ, типѣ и характерахъ обоихъ племенъ; слѣдитъ за первыми шагами послѣднихъ на исторической сценѣ; говоритъ о возникновеніи Руси кіевской путемъ норманскаго нашествія, приводитъ аргументы въ пользу того, что не только названія дружинниковъ, но и названія князей (Рюриковичей)—норманскія; культъ Перуна—отъ скандинавскаго Перимъ-тора.

Slovanský přehled № 6 (3).

Въ отдѣлѣ „Rozhledy a zprawy“ (стр. 277) удѣлено мѣсто экономическому положенію галицкихъ русиновъ и эмиграціи въ Бразилію, а также довольно обширному доброжелательному отзыву о новомъ галицкомъ періодическомъ изданіи—„Молода Україна“.

Przewodnik naukowy i literacki № 2.

Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego. (Продолженіе) (стр. 97—110). Переписка съ различными лицами, относящаяся къ концу 1844 и началу 1845 гг., проникнутая, какъ всегда, горячей любовью къ Украинѣ, ибо, какъ онъ заявляетъ,—„Ja słowianin, Ukrainiec" (стр. 109). Изъ писемъ видно, что Залѣсскій собирался писать о значеніи Украины въ отношеніи Польши и всего славянства (стр. 105), о нарождающейся украинско-русской литературѣ (стр. 100).

J. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczy pospolitej polskiej. (Продолженіе) (стр. 155—162). Продолженіе описанія жупана на основаніи различныхъ письменныхъ источниковъ, до времени Станислава-Августа. По мнѣнію автора, покрой жупана клиномъ сохранился съ отдаленныхъ временъ и употребляется по-нынѣ въ краковскихъ бѣлыхъ сукманахъ и въ черныхъ—на Руси.

Въ отдѣлѣ «Kronica literacka» (стр. 187—192) данъ отзывъ о книгѣ С. Голубева «Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники», т. II. Кіевъ, 1898.

Тоже № 3.

Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego (стр. 213—228) (Продолженіе) (см. Кіев. Стар. № 1 и 2). Корреспонденція относится къ марту мѣсяцу 1845 года. Очень любопытно письмо Залѣсскаго къ племяннику—Людвику Янковскому, которое въ значительной степени посвящено опредѣленію отношеній со стороны Залѣсскаго и вообще поляковъ—къ Украинѣ: «Польша много задолжала Украинѣ»—«Любите тамъ (на Украинѣ) народъ и будьте всегда наготовѣ оказывать ему справедливость, полнѣйшую справедливость». Залѣсскій одобряетъ то, что „wy szanujecie tam przeszłość domową";—собираніе преданій, сказокъ, пѣсенъ и т. п.; литературное украинское движеніе и усилившійся интересъ къ нему, труды и поѣздки Шевченка и Кулиша (о чемъ ему писалъ раньше племянникъ)—«cieszą mnie i pobudzają do spółdziałania». Залѣсскій сильно тоскуетъ на чужбинѣ: «Jeżdżą tam insi po Ukrainie, a Ukraina jezdzie tu po mnie».

J. Horoszkewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczy pospolitej polskiej (стр. 270—279) (Продолженіе). Авторъ переходитъ къ разбору историческихъ данныхъ о происхожденіи *кунтуша*, который, по его мнѣнію, возникъ въ средѣ славянскаго племени, а затѣмъ подвергался всевозможнымъ видоизмѣненіямъ и усовершенствованіямъ.

Въ отдѣлѣ «Kronika literacka» (стр. 303—304) данъ отзывъ о книгѣ «Michał Czaykowski (Sadyk—Pasża), zarys biograficzny. Napisał Fr. Rawita—Gawroński. Peterb. 1900».

Літературно-Науковий Вістник № 3.

Наш альбом. Стихотворенія: Із посмертних поезій А. Козловського (229—230), Із поезій Василя Пачовського (230—231), На народній мотив, Осипа Шпитка (231), Поезія двацятого віку, В. Дом—ого (232), Із теки сільської учительки, Меляніі Були (232—234), Фантазія, Остапа Людкевича (234).

Малюнки Гната Хоткевича: 1) *Біла береза* (стр. 235—240), II. *Якъ тітка Майстриха плечика скидала* (стр. 240—245), Ш. *Шляхъ альтруізму* (стр. 245—252).

Художественныя жизненныя картинки: первая съ оттѣнкомъ романтизма, третья—на чисто психологической основѣ, вторая—живой этнографическій снимокъ неудачнаго медицинскаго пріема «тітки Майстрыхы».

Перехресні стежки. Повисть Івана Франка (253—272).

Продолженіе.

За плахту. Оповіданне О. Я. Конисього (273—280).

Із образків Евгена Мандичевського (стр. 281—292): 1. Зі сходом сонця. 2. На весну. 3. Непоправна. 4. В сьвіт.

Недурные психологическіе этюды.

Із оповідань Гната Потапенка (з передмовою М. Г.) І. Шестеро. З російського переклав Григорій Коваленко (стр. 294—343).

Із мадярських поетів. Переспіви П. Грабовського (стр. 344—348). Прекрасные переводы нѣкоторыхъ произведеній Эмиля Абраня, Александра и Кароля Кишфалуди, Іосифа Левай, Андрея Сабова, Іосифа Этвеша, Александра Петевфи.

Панько Олелькович Куліш. Оглядъ його діяльности. Написав Осип Маковей (стр. 161—183) (Продолженіе слѣдуетъ). Авторъ, дѣля дѣятельность П. А. Кулиша на три періода: 1840—1855, 1855—1864, 1864—1897,—даетъ оцѣнку дѣятельности его въ первый періодъ, оканчивая 1847 годомъ. Авторъ, ознакомившись обстоятельно со всѣми обстоятельствами жизни и дѣятельности Кулиша, приходитъ къ тому выводу, что «коли й можемо докорити йому за деякі помилки, то рівночасно повинні ми сим докоромъ обділити і всіх тих, що його виховували, що жили з ним, що мали вплив на него».

Наші товариства. I. *Наукове Товариство імени Шевченка.* М. Грушевського, стр. 184—200. Авторъ разсказываетъ исторію возникновенія (въ 1873 г.) и развитія общества имени Шевченка, о его дѣятельности издательской до 1892, когда оно реформировано было въ «Наукове Товариство», объ организаціи и дѣятельности въ этотъ послѣдній періодъ до послѣдняго времени, о матеріальныхъ средствахъ. Статья снабжена портретами основателей общества: А. Конисскаго, Е. Милорадовичъ, Д. Пильчикова, М. Жученка, С. Качалы, перваго предсѣдателя общества К. Сушкевича; приложена фотографія дома Наукового Товарыства.

Новини нашої літератури. Михайло Коцюбинський: В путахъ Шайтана і інъші оповідання. Л. Крушельницького (стр. 201—206).

Сочувственный отзывъ о произведеніяхъ г. Коцюбинскаго.

М. Ф. Сластин. «Приймак», драма въ 4-х діях і 5-ти одмінах. Г. Хоткевича (стр. 207). Указываются перлы въ послѣдне-испеченномъ драматическомъ произведеніи пользующагося извѣстной (отрицательной) славой г. Сластина.

Хроніка і бібліографія (стр. 208—228). По обыкновенію, много интереснаго матеріала по всевозможнымъ вопросамъ современной культурной жизни въ Галичинѣ и Украинѣ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Русская печать о Шевченкѣ въ 39-ю годовщину смерти его. Въ № 115 газ. „Сѣверный Курьеръ“ помѣщена статья г. К. „*Т. Г. Шевченко*“, въ которой отмѣчаются основныя черты характера Шевченка—любовь „до меньшого брата“, стремленіе къ пріобрѣтенію роднымъ ему народомъ свободы и независимости. Между прочимъ авторъ указываетъ на то, что земляки Шевченка «не дали дешеваго изданія произведеній Шевченка, доступнаго по цѣнѣ народу» (sic!).

На это въ № 116 той же газеты послѣдовала поправка со стороны Д. Л. Мордовцева, гдѣ послѣдній указываетъ на то, что автору вышеуказанной статьи неизвѣстно о новомъ дешевомъ изданіи «Кобзаря» въ 1899 г. редакціей «Кіевской Старины», такъ какъ подобное изданіе 1894 года оказалось распроданнымъ.

Въ № 764 газ. «Приднѣпровскій Край» въ статьѣ «Тарасъ Григорьевичъ Шевченко» помѣщена краткая біографія поэта. Къ статьѣ

приложенъ портретъ Шевченка, въ сюртукѣ, приложенный къ изданію произведеній Шевченка, написанныхъ имъ на русскомъ языкѣ.

Въ № 766 той же газеты помѣщена краткая сочувственная статейка Аф. Глечика *«Памяти Шевченка»*. (Вмѣсто стихотворенія). Здѣсь же помѣщены: тотъ же портретъ, что и въ № 764, и кромѣ того снимки могилы Т. Г. Шевченка и памятника на могилѣ,—оба исполнены Н. В. Копытько осенью 1899 года.

Подобная сочувственная статейка помѣщена въ № 9 «Днѣпровской Молвы» подъ заглав. «Памяти великаго украинскаго поэта».

Въ № 51 «Одесскаго Листка» помѣщена статья стараго журналиста *«Двѣ годовщины»*. (Памяти Т. Г. Шевченка). Въ этой статьѣ, въ общемъ состоящей изъ эксцерптовъизъ февральской книжки «Кіевской Старины» за текущ. годъ (статьи В. Беренштама и Оберучева), высказываются пожеланія, чтобы кто-либо изъ почитателей поэта собралъ во-едино все то, что написано о немъ у насъ и заграницей въ русинскихъ изданіяхъ: „Въ такую книгу могли-бы войти и интересныя письма Шевченка къ кн. Репниной, С. Аксакову, Костомарову и др. Опубликованію писемъ почему-то противился до сихъ поръ собственникъ произведеній поэта г. Беренштамъ". Очевидно, послѣднее голословное и далекое отъ истины утвержденіе заимствовано изъ № 7 «Днѣпровской Молвы» (статья Конисскаго). (При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что г. Беренштамъ уже десятки лѣтъ не состоитъ собственникомъ произведеній поэта).

Въ приложеніи къ № 48 газ. «Одесскій Листокъ» помѣщенъ хорошо исполненный портретъ Т. Г. Шевченко, въ кожухѣ, въ барашков. шапкѣ.

Новыя галицко-украинскія изданія. Въ предыдущемъ № (стр. 182) мы сообщали о появленіи въ свѣтъ новыхъ галицко-украинскихъ періодическихъ изданій: „Молода Україна" и „Воля". Въ настоящее время, по сообщенію «Літерат.-Науков. Вістника», кн. III, появились еще два изданія: 1) «Богословскій Вѣстникъ»—подъ редакціей о. Діонізія Дорожинського и 2) Провідник «Рільничих кружків» (Dodatek do Przewodnika «Kółek rolniczych»). Послѣднее выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Въ № 63-мъ газеты «Сынъ Отечества» помѣщена обширная статья подъ заглавіемъ „Малорусская Литература". Авторъ, хорошо ознакомленный съ литературной продукціей въ области мало-

русской литературы за минувшій годъ, отмѣчаетъ то отрадное явленіе, что „общество, пережившее столѣтній юбилей возрожденія своей литературы, стало менѣе равнодушнымъ къ ея развитію; малороссійскія книжки начали расходиться въ необычайномъ до сихъ поръ количествѣ, а вслѣдъ за этимъ поднялась и продуктивность малорусскихъ авторовъ...» Отмѣтивъ затѣмъ энергичную дѣятельность «Наукового Товариства імени Шевченка», «Видавничої Спілки» (во Львовѣ) и др. частныхъ издательствъ въ Галиціи и въ Россіи, авторъ обращается къ изящной малорусской литературѣ,—останавливается съ особеннымъ удовольствіемъ на произведеніяхъ Ів. Франка, а также Василя Стефаныка («Синя книжочка»), Стефана Ковалива, Леси Украинки, Наталіи Кобрынской, Ольги Кобылянской и многихъ писателей послѣдняго поколѣнія. Любопытно отношеніе автора къ научной малорусской литературѣ. Придерживаясь вполнѣ здраваго взгляда относительно недостатковъ въ созидаемой научной литературѣ, являющихся повтореніемъ того же, „что продѣлали и мы—великороссы, обзаводясь академіей наукъ и университетами почти при поголовной безграмотности массы", авторъ самый фактъ зарожденія отдѣльной малорусской науки считаетъ стоящимъ въ противорѣчіи съ ясно намѣтившейся тенденціей общеміровой (!) науки. «Позволительно спросить,—восклицаетъ онъ,—кто же будетъ изъ иностранцевъ учиться малороссійскому языку для знакомства съ малорусской наукой, когда въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ не особенно хорошо и съ русскимъ (великорусскимъ) языкомъ и литературой?»

Въ № 107 газеты «Сѣверный Курьеръ» помѣщена обстоятельная корреспонденція о Буковинѣ, въ которой освѣщаются взаимныя отношенія различныхъ національностей, населяющихъ Буковину.

Въ № 116 газеты «Сѣверный Курьеръ» помѣщена очень интересная корреспонденція изъ Львова, въ которой вполнѣ отчетливо очерчены различные моменты въ развитіи національныхъ стремленій галицко-русской интеллигенціи, начиная со второй половины текущаго столѣтія. Изложивъ обстоятельно постепенное развитіе народнаго самосознанія, корреспондентъ, дойдя до настоящаго времени, указываетъ

на то, что малороссійское движеніе въ Галичинѣ изъ чисто-національнаго превращается въ народное.

Ukrainica въ мадярской этнографіи. Въ изданіяхъ Мадярскаго Общества этнографіи (Madyar néprajzi Társaság) при угорскомъ національномъ музеѣ (M. Nemzeti Muzeum), подъ общ. заглавіемъ Ethnographia, состоящихъ изъ X томовъ, помѣщено не мало статей, касающихся украинско-русскаго народа. Отмѣтимъ слѣдующія: Изъ жизни угорско-русскихъ пастуховъ (II); старинныя украинскія пороховницы, съ иллюстраціями (VI); мѣстныя названія Берегской столицы (X); о бачванскихъ русинахъ (II); галицко-русскія сказанія о королѣ Матвѣѣ (IV); о вѣрованіяхъ русиновъ въ долинѣ рѣки Nogy' Ag въ Мароморошскомъ округѣ (VI); разборъ мнѣнія о гунскомъ названіи Днѣпра—var (VIII), о „бабѣ—Довіи" у русиновъ и гуцуловъ; объ украинскихъ народныхъ свадебныхъ обрядахъ (VI); о библейскихъ сказаніяхъ русиновъ въ Талаборской долинѣ,—Talabor völgy (VIII); замѣтки объ имени „orosz" (русскій) (VIII); старорусскія слова въ мадярскомъ языкѣ (VIII); галицкіе разсказы о сотвореніи міра (V); появленіе русиновъ въ Угорщинѣ (II); русинская хата (VII); народныя вѣрованія въ Мараморошѣ (XI); русинскіе народные разсказы (VIII); украинско-русская этнографія (VII); русинскіе народные обычаи (VI).

Въ № 11 «Днѣпровской Молвы» помѣщена статья Льва Маціевича: *„Письма о Галиціи. 1. Вопросъ о раздѣлѣ Галиціи"*. Авторъ, хорошо ознакомленный съ даннымъ вопросомъ, приводитъ интересныя цифровыя данныя для наглядного убѣжденія въ томъ, что стремленія галицкаго украинскаго общества къ раздѣленію Галиціи на два лагеря вполнѣ естественны и цѣлесообразны.

Въ № 8 „Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" помѣщена статья свящ. Н. Д. „Черты изъ религіозной жизни народа", въ которой, между прочимъ, упоминается о существующихъ среди подолянъ суевѣріяхъ: заговорахъ, шептаніяхъ и т. п.

Недавно появилась на шведскомъ языкѣ книга «Polska Skalder» (польскіе поэты), изданная Альфредомъ Енсеномъ. Вступленіе посвящено „школѣ украинской“.

Въ № 10 „Днѣпровской Молвы“ помѣщена статья *Ник. Б.* „Малорусскій поэтъ и этнографъ И. И. Манжура“. (Біографическая замѣтка). Въ этомъ же номерѣ г. Ник. Б. помѣстилъ нѣкоторыя стихотворенія Манжуры, нигдѣ не напечатанныя, съ примѣчаніями, характеризующими поэта, а именно: 1) Сіялнык (переспивъ). 2) Кобзарь (зъ Роберта Прутца). 3) *** (Поздравленіе съ днемъ ангела нѣкоего Николая). 4) Вирочци Б—вой. 5) По мисяцю. 6) Счастя зъ вирья прылитало.... 7) Поздравленіе съ новымъ годомъ.

Въ №№ 5—7 „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ помѣщена статья подъ загл. «Очеркъ исторіи мелкаго дворянства Овручско-Житомірскаго въ эпоху польскаго режима (XII—XVIII вв.)».

Статья, написанная преимущественно на основаніи печатныхъ источниковъ: Архивъ Ю.-З. Россіи, Описи актовыхъ книгъ Кіевск. Центр. Архива, Dr. Antoni (Rolle), Opowiadania historyczne и др. Содержаніе статьи слѣдующее:—Природа Кіевскаго полѣсья и отличительныя историческія черты его населенія.—Происхожденіе русскаго дворянства на Полѣсьи: земяне и бояре; ихъ служебныя обязанности въ XV—XVIII вв.—Борьба мелкой шляхты съ старостинскимъ урядомъ за свои привиллегіи; междуусобныя ссоры шляхтичей.—Религіозный бытъ околичной шляхты: ревность къ православію, борьба съ католичествомъ и уніею; суевѣрія.—Родовыя отношенія. Общественное и частное землевладѣніе.—Копный судъ.—Отношенія семейныя и сословныя: браки, разводъ, отношеніе къ крестьянамъ.

Въ этихъ же номерахъ слѣдуетъ продолженіе историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Ковельскаго уѣзда.

Въ № 7 «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья подъ заглавіемъ «Сырная седмица» (масница).

Описаніе празднованія масляницы, а также обычаевъ, обрядовъ и игръ, сопровождающихъ это празднованіе; объясняется происхожденіе «колодія»: въ древности, лицамъ, не успѣвшимъ до масляной всту-

пить въ бракъ, надѣвали на ноги колодки—небольшіе куски дерева, украшеннаго лентами.

Въ иллюстрированномъ приложеніи къ № 8631 «Новаго Времени» (стр. 10) помѣщенъ портретъ Т. Г. Шевченка: „Снимокъ съ малоизвѣстнаго портрета". Шевченко снятъ до пояса—въ пиджачной лѣтней парѣ; опоясанъ широкимъ шерстянымъ поясомъ, со стальной застежкой; безъ шапки, лѣвый глазъ закрытъ.

Молода Україна, ч. 2. Некрологъ: *А. Шухнович* (з портретомъ); *Евген Косевич*. Молодіж і політика; *Льонін Цегельский*. М. П. Драгоманов, його думки, дїяльність і значінє; *Прометей Ясенко*. Картини з наук природних; *Василь Пачовський*. З пісень болю; *Антін Крушельницький*. Непотріб; *Михайло Галущинський*. Українська молодіж в р. 1899; *Іван Мороз*. З Чернівців; *Володимир Старосольский*. Студентські рухи в Росиї; Дрібні замітки.

Барвинокъ Гапна. Молодыча боротьба. Изданіе благотворит. Общ. изд. общеполезн. и деш. книгъ. № 2. С.-Петерб., 1900, 1—20. Ц. 1 к.

Бачинський Юліян. Моя переписка з Михайлом Драгомановим. Накладом автора. З друкарні В. А. Шийковского стр. 1—70. (Додаток до «України-irredenta»). У Львові, 1900.

Бачинський Юліян. Україна-irredenta. Друге видане. Накладом автора. З друкарні В. А. Шийковского. У Львові, 1900, стр. 1—186.

Богоявленскій С. К. Нѣкоторыя статистическія данныя по исторіи русскаго города XVII ст. (Оттискъ изъ 1-го тома „Труды археографич. коммиссіи» Имп. моск. археологич. общества). Москва, 1899. Тип. А. Снегиревой, in 8°, 24 стр.

Варчин Ю. Цвѣты и бодякй. Образки и оповѣдання. Часть друга. (Бібліотека для рускои молодежи пôдъ редакціею Юліяна Насальского. Выпуск XXIV. Том XXXVIII). Коломыя, 1899. Зъ печатнѣ І. Брука і спѣлки. Ст. 142, мал. 8°. Ціна 35 кр. Зміст: 1) Христосъ Воскресъ. 2) Добри дѣти вѣнець, а лихи конець. 3) Ялôка. 4) Легкій заробокъ. 5) Контрамасъ. 6) Вовки. 7) Моя кобылка. 8) Шмуль и

Малка. 9) Я щастя нѣколи не мала. 10) Красши робочи руки, якъ чорни брови. 11) Выборець.

Гамченко С. Древній поселокъ и могильникъ въ урочищѣ «Стугна» близъ с. Студеница, Житомірскаго уѣзда Волынской губ. Кіевъ, 1899, 1—93. Тип. Корчакъ-Новицкаго.

Гергарт Гауптман. Візник Гешшель, драма въ 5 актах. Переклав Антін Крушельницький. Львів, 1900. Накладом українсько-руської видавничої Спілки (ч. 13). З друкарні В. А. Шийковського. Стр. 140, 8°. Ціна в оправі 1 г. 80 кр.

Грушевський М. Розвідки і матеріяли до історії України-Руси. Ш. Відбитки з „Записок наукового Товариства ім. Шевченка" р. 1898—99 і «Жерел до исторії України-Руси» т. II. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Зміст: 1) Похоронне поле в с. Чехах.—2) Анти. Уривок з історії України-Руси.—3) Звенигород галицький, історично-археольогічна розвідка.—4) Описи Ратенського староства з 1500—1512 р.—5) Економічний стан селян у Перемишльскім старостві в середині XVI на основі описей королівщин. 6) Наданне магдебурського права місточку Дідову (в Київщині).—7) До історії „руського обряда" в Старій Польщі.—8) Примітки до історії козаччини.—9) Хмельницький и Хмельнищина. Історичний ескіз.

Дикаревъ М. А. Замѣтки по исторіи народной ботаники I. Москва, 1899. Тип. Товар. А. А. Левенсонъ. 8 д., 35 стр. (Оттискъ изъ «Этнографич. Обозрѣнія» XL—XLI).

Живі Струни. 5. Владислав Оркан. Ніч. Драма въ однім акті. Переклад А. Крушельницького з передмовою В. Старосольського. З друкарні В. А. Шийковського. Львів. 1900. Стр. 24, 8°. Ціна 30 сотиків (25 коп).

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. XXXIII. Накладом Товариства. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Львів, 1900 р. Ціна 3 корони. Зміст: 1) Бронзові мечі з Турецького повіту (Галичина) з рисуяком, подав М. Грушевський. Ст. 1—4; 2) Про наголос в українсько-руській мові, студия д-ра Володиміра Охримовича (продолженіе слѣдуетъ). Стр. 1—64. (Этотъ рефератъ предполаг. прочесть на XI археологич. съѣздѣ въ Кіевѣ); 3) Варіянти на декотрі Шевченкові твори, подав Олександер Кониський. Стр. 1—16; 4) Miscellanea: а) Замітки про гетьмана Сагайдачного, О. Щуровський; б) Як австрийський уряд був зацікавився Бойками, под В. Гнатюк; в) Петро Лашкарьов (некрольог); г) Митрофан Дикарів (некр. звістка); б)

Наукова хроніка: 1) Огляд західно-европейської літератури по культурній і політичній історії, исторії літератури й штуки за 1898 рік, подає др. М. Кордуба. III. Нові часи; 2) Огляд часописей за 1898 р.: Часописи видані поза Україною. Стр. 1—54.—6) Бібліографія (рецензії й справоздання) Стр. 1—46. З Товариства, стр 1—5.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. XXXIV. Накладом Товариства. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Львів, 1900 р. Ц 3 корони. Зміст: 1) Сторінка з історії сільского духовенства (по самбірським актам XVI в), написав Михайло Грушевський. Стр. 1—82. (Реф. предпол. прочесть на XI археол. съѣздѣ въ Кіевѣ); 2) Де-які причинки до поправнійшого видання поезий Тараса Шевченка, написав Юліян Романчук. Стр. 1—32. 3) Miscellanea: а) Петиция до митрополіта й полеміка із-за неї, подав В. Гнатюк; б) Про збірник пісень Бодянського, под. Ол. Маркевич; в) До історії вірші на Вкраіні, под. др. І. Франко. Стр. 1—14; 4) Наукова хроніка: Огляд часописей за 1899 рік—часописі українсько-руські, подав. Ст. Томашівський. Стр. 1—8; 5) Бібліографія (рецензії й справоздання). Стр. 1—58.

Збірник математично-природописно-лікарської секциї Н. Т. ім. Шевченка. Т. V. Випуск II. *Часть лікарська.* Під редакциею д-ра Евгена Озаркевича. У Львові, 1899. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Ціна 2 корони. Зміст: 1) Проф. др. Іван Горбачевський: Причинки до пізнання виживи сільскої людности галицького Поділя. Стр. 1—16; 2) Др. Осип Дакура: Клінічні спостереженя що до подавання уроферину. Стр. 1—8; 3) Др. Михайло Кос: Про скіяскопію (з 1 літ. картою). (Стр. 1—9; 4) Михайло Олійник: Про нападову гемоглобінурію. Стр. 1—4; 5) Др. Володимир Янович: Цілковите виліченне вовка за помічю kalium hypermangonicum. Стр. 1—2; 6) Справоздання. Стр. 1—43.—7) Термінольогічна часгина. Стр. 1—6.

Зробек Яков, парох Вертелки. *Мала парохія.* Накладом автора на цѣль будовы церкви въ Вертелцѣ. Жовква, 1899.

Казачка. Сборникъ національныхъ пѣсенъ. Изд. 3-е книгопр. Т. Кузина. Спб. 1899. Тип. Дома призр. малолѣтн. бѣдныхъ и М. Козлова, 16 д. 93+III стр.

Казки Андерсена. Пята часть. Виданє Руського Товариства педагогічного. Ч. 76. У Львові 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 80, in 8°. Ціна 25 кр. Зміст: 1) Стокроть. 2) Соловейко.

3) Садочок. 4) Шийка фляшки. 5) Хоробний жовнір оловяний. 6) Калічка. 8) Неімовірне.

Конисскій А. Я Объ изученіи личности Т. Г. Шевченка. Отписокъ изъ газеты-журнала «Днѣпровская Молва». Екатеринославъ, 1900, 1—16, in 16.

Коцюбінський Михайло. В путах Шайтана і інші оповідання. Накладом українсько-руської видавничої Спілки. З друкарні Науков. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1900. Стр. 154, 8°. Ціна в оправі 1 г. 60 кр. Зміст: 1) В путах Шайтана. Стр. 3—20. 2) На віру. Стр. 21—106. 3) Цінова. Стр. 107—164.

Переклали *А. Кримского.* Видане Руського Товариства Педагогічного Ч 77. Львів, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 48, 8°. Ціна 20 кр. Зміст: 1) Дбай про конець діла. Арабська казка; 2) Софійчині пустоти. Оповідане графині Сегюр.; 3) Казка про горбуна (з 1001 ночі). 5) Записки куропатви. 6) Істория горця з оливками (з 1001 ночі). 7) Незабудька. (Легенда).

Левицький Володимир. 1) *Причинок до теорії дробів тягких і групи модулової.* Стр. 8. 2) *Кліматичні відносини Тернополя.* Стр. 8 (Відбитка із Збірника мат.-прир.-лік. секциі. IV. Зош. II).

Макаровський Мыхайло. Наталя, або дви доли разомъ. (Съ біографіей Макаровскаго). Выданнѣ Б. Гринченка. № 46. У Чернигови, 1899. Зъ друкарни Губ. Земства, 1—35. Ц. 5 к.

Масловичъ, В. Г. Сказка про Харька, основателя Харькова, про его дочь Ганку и батрака Явива. (Писано въ 1815). Изд. 2-ое Н. В. Масловича. Харьковъ, 1899. Тип. „Печатное дѣло" кн. К. Гагарина., 8 д., 40 стр. Ц. 25 коп.

Образки з історії Украіни-Руси. Видане Руського Товариства Педагогічного. Ч. 78. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 48, 8°. Ціна 25 кр. Зміст: Передне слово.—1) Петро Конашевич Сагайдачний.—2) Богдан Хмельницький.—3) Гетьман Петро Дорошенко.—4) Гетьман Іван Мазепа.—5) Козак Антін Головатий.

Оповідання для дітий. Видане Руського Товариства Педагогічного. Ч. 71. Львів, 1899. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 74, 8. Ціна 20 кр. Зміст: 1) Кучерява голова.—Малий Австраліець. Переклав. В. Вр. 2) Глогорожечка. 3) Вивірка. 4) Два народи. 5) Барабанчик. 6) Сто й оден брат і баба чарівниця. 7) Бабусина казка. 8) Над пропастию смерти.

Перетцъ. Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вѣковъ. XV—XXII. Санктпетербургъ, 1899. Типогр. Императорск. Академіи наукъ, стр. 71—156.

Платоновъ Іоаннъ. Черниговскіе каѳедральные соборы и ихъ достопримѣчательности. Изд. 2-е. Черниговъ. Тип. Губернск. правленія. in 8°. 43 стр.

Проскурниковъ. Изъ исторіи Слободской Украины. Городъ Короча при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ. (Отд. отт. изъ №№ 222—223 «Харьковск. Вѣдомости за 1899). Харьковъ, 1900.

Розенфельдъ, А. Языкъ Святославова изборника 1073 года (Отт. изъ «Рус. Филолог. Вѣстника»). Варшава, 1899. Тип. Варш. Учеб. Округа, in 8°, 45 стр.

Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-filozoficzny. Serya II. Tom XIII. (Ogólnego zbioru tom trzydziesty ósmy). W Krakowie, 1899, 1–394, in 8°. Содержаніе: *A. Prochaska*. Geneza i rozwój parlamentaryzmy za pierwszych Jagiellonów; *F. Piekosiński*. O źródlach heraldyki ruskiej; A. Lewicki. Unia florencka w Polsce и др.

Романчук Юліян. Де-які причинки до поправнійшого видання поезий Тараса Шевченка. Стр. 32, 8°. (Відбитка из XXXIII т. Записок).

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Второго тома выпускъ третій (съ начала изданія—шестой). За-загра̀чить. Спбр. 1899. Отъ 633 столбца до 952. Цѣна 60 к.

Сльпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изд. 5-ое коммиссіи народныхъ чтеній въ Кіевѣ. Кіевъ, 1899. Тип. университета Св. Влад., in 8°., 70 стр., 1 портретъ и 1 рисунокъ. Ц. 15 коп.

Смирновъ С. И. Водокрещи. Матеріалы для исторіи крещенскихъ обрядовъ въ древней Руси. Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1900, 1—17. Цѣна 15 коп.

Степовыкъ О. Про городыну. Изданіе благотворительнаго Общества изд. общеполезн. и дешев. книгъ. № 3. Спб., 1—60, Ц. 5 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. проф. Къ исторіи изданій малорусскихъ историческихъ пѣсенъ. Спб. 1899. Ц. 20 к. (Отт. изъ Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Академіи Наукъ).

Тарасъ Бульба, или измѣна и смерть за прекрасную панну (Составлено по Н. В. Гоголю). Изд. книгопр. А. Д. Сазонова. Москва, 1899, Тип. Д. Бончъ-Бруевича. 16 д., 198 стр.

Труды приднѣпровской метеорологической сѣти. Свѣдѣнія о состояніи свекловичныхъ плантацій въ связи съ погодой. Съ 1-го по 15 іюня н. ст. 1899 г. (Годъ изданія II, № 5). (Отт. изъ «Университетск. Извѣстій» за 1899 г.) Кіевъ, 1899, тип. Корчакъ-Новицкаго 8 л., 5 стр. и 2 таблицы.

Фоминъ И. Начальное народное образованіе въ Харьковской губерніи, съ 15 картограммами (Харьковск. губерніск. земская управа). Харьковъ, 1899. Тип. Зильберберга. in 8⁰, 2+344+312+36+XIII.

Чикаленко Е. Розмова про сельске хазяйство.—3-тя книжка. Сіяни травы, кукуруза та бурякы (зъ малюнкамы). Одесса, 1900, тип. Южно-Русск. О-ва Печатн. дѣла, 1—48, in 16⁰. Цина 8 коп.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1900 годъ. Книга первая. *Сто девяносто вторая.* Издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. Москва, 1900, стр. I—VIII+1—920. Ц. 5 р. Содержаніе: Исторія Русской Церкви *Е. Е. Голубинскаго.* Періодъ второй—отъ нашествія монголовъ до митрополита Макарія (включительно). (Первая половина тома).

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга тринадцатая. Издана подъ редакціею М. Н. Ясинскаго. Кіевъ, 1899. Тип. Имп. Унив. св. Влад., стр. 1—241, 1—143+карта. Цѣна 3 р.

Янсонъ Ю. Э. проф. Сравнительная статистика населенія. (Составъ населенія: брачность, рождаемость, смертность, механическое движеніе населенія). Спб. 1900. Ц. 2 р.

Археологическая лѣтопись.

Засѣданія обществъ.

Въ засѣданіи *Общества любителей изученія Кубанской Области*, происходившемъ 28 января, предсѣдателемъ общества В. М. Сысоевымъ былъ представленъ отчетъ о поѣздкѣ въ Москву на предварительный комитетъ по устройству Харьковскаго Археологическаго Съѣзда. Для того, чтобы старина Кубанской Области была возможно полнѣе представлена на съѣздѣ, докладчикъ предложилъ учредить на Кубани отдѣленіе предварительнаго комитета.

В. М. Сысоевъ заключилъ свой докладъ слѣдующими словами: „Если членамъ нашего общества и даже постороннимъ лицамъ будетъ угодно, согласно предложенію московскихъ и харьковскихъ ученыхъ, образовать на Кубани отдѣленіе предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда, то можно указать слѣдующее. Члены предварительнаго комитета будутъ считаться членами археологическаго съѣзда. Они должны организовать бюро комитета, который будетъ руководить всѣмъ дѣломъ. Особенно важно было бы привлечь въ составъ комитета представителей отъ Ставропольской губерніи и Донской области, чтобы совмѣстными силами вести дѣло. Членовъ комитета слѣдовало бы просить указать тѣ вопросы или запросы, разрѣшеніемъ которыхъ каждый желаетъ заняться. Кромѣ того слѣдуетъ выработать программу для собиранія матеріала на выставку. Я съ своей стороны думаю, что Кубанское козачество можетъ представить на выставку въ особенности то, чѣмъ дорожатъ старики—остатки за-

порожской старины: запорожскую одежду, вооруженіе, картины, прочіе предметы, пѣсни и т. д. Кромѣ того, имѣя въ виду этнографическую выставку, можно собрать предметы, характеризующіе жизнь козаковъ на новыхъ мѣстахъ, ихъ одежду и домашнюю обстановку. Пояснить все это рисунками, діаграммами и т. п. Что касается археологіи, то здѣсь можно организовать собираніе рисунковъ древнихъ памятниковъ, описаніе ихъ и производство раскопокъ, составить подборъ археологическихъ предметовъ и коллекцій. На первую очередь здѣсь можно было бы обратить особенное вниманіе на запорожскія церковныя древности, на каменныхъ бабъ и монеты Босфорскаго (Пантикапейскаго) царства".

Предложеніе это было принято. Затѣмъ предсѣдатель сообщилъ, что начальникъ Кубанской области сочувственно отнесся къ мысли объ учрежденіи комитета. Кромѣ того, онъ сообщилъ, что, по соглашенію съ секретаремъ Кубанскаго статистическаго комитета, онъ внесетъ на обсужденіе послѣдняго вопросъ о совмѣстной дѣятельности въ этомъ направленіи. (Куб. Обл. Вѣд.).

—

Общее собраніе Кіевскаго Общества любителей древностей и искусствъ состоялось 4-го марта, въ зданіи музея. Вице-предсѣдателемъ общества Б. И. Ханенко былъ доложенъ отчетъ за прошлый годъ. Изъ отчета видно, что дѣятельность правленія общества была сосредоточена на постройкѣ зданія музея; зданіе вчернѣ готово, но еще не закончено; однимъ изъ дефектовъ зданія является отсутствіе удобной лѣстницы во второй этажъ; лѣстница можетъ быть устроена лишь съ возведеніемъ второй, проектированной, части музея или главнаго зала, поэтому правленіе общества занято въ настоящее время выработкой проекта и смѣты этого послѣдняго. Затѣмъ, были перечислены главныя пожертвованія, представленъ краткій проектъ положенія о музеѣ и доложены отчетъ о приходѣ и расходѣ за прошлый годъ и смѣта на будущій. Вице-предсѣдателемъ былъ поднятъ вопросъ объ измѣненіи устава общества, введеніемъ въ число членовъ—членовъ корреспондентовъ. Въ концѣ засѣданія произведены выборы членовъ правленія, ревизіонной коммиссіи и общества. Въ прошломъ году въ Обществѣ состояло 146 членовъ.

—

Въ засѣданіи Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца, 12-го марта, проф. *В. Б. Антоновичъ далъ характеристику новаго ежегод-*

ника—«Swiatowita», посвященнаго доисторической археологіи, начавшаго выходить съ прошлаго года въ Варшавѣ, подъ редакціей Э. Маевскаго.[1]) Ежегодникъ является очень содержательнымъ изданіемъ, преслѣдующимъ, помимо научныхъ, и цѣли популяризаціи. Каждый томъ распадается на нѣсколько отдѣловъ, заключающихъ въ себѣ оригинальныя статьи, археологическое обозрѣніе, разборы и отчеты, свѣдѣнія о музеяхъ, корреспонденціи и мелкія извѣстія. Территоріально ежегодникъ посвященъ, главнымъ образомъ, Привислинскому краю, но помимо этого, тутъ имѣются также свѣдѣнія о древностяхъ Галичины и южной Россіи. Такъ, въ 1-мъ томѣ мы находимъ небольшую статью С. Глогера о раскопкахъ въ с. Городницѣ, надъ Днѣстромъ, на Покутьи, имѣвшихъ цѣлью изслѣдованіе могильника, относимаго къ II—III в. по Р. Х., съ погребеніями подъ плитами, въ сопровожденіи росписныхъ сосудовъ (стр. 67), обстоятельный разборъ труда проф. Антоновича—Археологическая карта Кіевской губ., сдѣланный К. Хамцомъ (стр. 135), и замѣтку о печальномъ фактѣ продажи мѣстныхъ древностей въ иностранные музеи, именно, о продажѣ гг. Пржибыславскими Вѣнскому музею цѣнной коллекціи древностей, собранныхъ въ Восточной Галичинѣ (стр. 159). Во II-мъ томѣ помѣщены извлеченія изъ работы В. Дыметрыкевича, давшаго полную картину смѣны культурныхъ эпохъ въ Галичинѣ (стр. 155), и Г. Оссовскаго, раздѣлившаго Галичину, по находкамъ, на три археологическіе округа: 1) западный или краковскій, 2) средне-восточный или львовскій и 3) юго-восточный или покутско-подольскій (стр 165). Среди корреспонденцій, здѣсь помѣщены двѣ изъ Юго-западнаго края: о находкѣ клада золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ предметовъ въ Заславскомъ у., Волынской губ. (стр. 104), и о находкахъ каменныхъ орудій у сс. Федоровки и Тростянца, Брацлавскаго у., Подольской губ., и амфоръ и сосудовъ въ с. Скиткахъ, Липовецкаго у., Кіевской губерн. (стр. 106—107). Ежегодникъ съ внѣшней стороны не представляетъ желать ничего лучшаго, одно изъ достоинствъ его—многочисленные рисунки и карты какъ въ текстѣ, такъ и на отдѣльныхъ таблицахъ.

—

[1]) Вотъ полное заглавіе ежегодника: Swiatowit. Rocznik, poświęcony archeologii przedziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej, wydawany staraniem Erazma Maiewskiego. Warszawa. T. I.—1899 r. T. II—1900 r.

6-го марта, въ засѣданіи *Церковно-археологическаго общества* при Кіевской Духовной Академіи, *проф. Н. И. Петровымъ* было сдѣлано сообщеніе о новыхъ поступленіяхъ въ церковно-археологическій музей. Между послѣдними слѣдуетъ отмѣтить двѣ серебряныя римскія монеты Антонина Пія и Фаустины Старшей, найденныя въ с. Узинѣ или Темберщинѣ, Васильковскаго у. Кіевской губ., и деревянную раскрашенную статую архистратига Михаила, присланную изъ Ольвіополя, Херсонской губерніи. Статуя представляетъ арх. Михаила въ воинскомъ облаченіи, со шлемомъ на головѣ. На груди его—полустертая надпись: „Кто яко Богъ!“ Въ правой рукѣ архангелъ держитъ дискъ, на которомъ, сравнительно въ позднее время, написана икона св. великом. Варвары, во имя которой освященъ Ольвіопольскій храмъ. Правая рука статуи опущена внизъ и оконечность ея отбита. Прототипомъ статуи можно считать еще древне-византійскія изображенія арх. Михаила. Таково, напр., мозаичное изображеніе архангела на сводѣ алтаря св. Софіи Константинопольской, VI вѣка, съ державою въ лѣвой рукѣ и со скипетромъ въ правой. Въ древней Руси, въ дотатарскій періодъ, архангелъ Михаилъ изображался иногда съ сферою или державою въ лѣвой рукѣ и поднятымъ мечемъ—въ правой (эпколпіонъ въ собраніи Б. И. Ханенко, № 55). На Ольвіопольской статуѣ архангелъ Михаилъ, вѣроятно, первоначально представленъ былъ со скипетромъ въ правой рукѣ и съ державою—въ лѣвой, но впослѣдствіи держава превращена была въ икону св. великомуч. Варвары. Подобная статуя арх. Михаила, повидимому, такой же работы, съ небольшими лишь варіантами, но безъ надписи на груди, находится въ музеѣ І. А. Хойновскаго въ Кіевѣ и получена имъ изъ церкви с. Мотовиловки, Васильковскаго у., Кіевской губерніи.

Случайныя находки.

Въ посадѣ Турлаки, отстоящемъ отъ Аккермана въ 5—6 верстахъ, въ усадьбѣ мѣстнаго священника Е., находится насыпной курганъ средней величины. 14 января, говоритъ „Одесскій Листокъ“, рабочіе, исправлявшіе дорогу, пролегающую черезъ виноградный садъ, который окружаетъ курганъ съ трехъ сторонъ, принуждены были для этой цѣли снести западный край кургана и совершенно случайно

наткнулись на интересную находку. Сначала попадались кости, принадлежавшія 6—7 человѣческимъ скелетамъ, судя по найденнымъ тутъ же черепамъ. Затѣмъ, на глубинѣ около $1^1/_4$ аршина отъ уровня сада, было открыто около 15 фунтовъ старинныхъ серебряныхъ монетъ, находившихся, надо полагать, въ кожанномъ мѣшкѣ, который не избѣгнулъ вліянія времени. Монеты не одинаковыя и принадлежатъ различному времени (между ними есть не мало древне-римскихъ и, можетъ быть, греческихъ). Въ настоящее время часть этихъ монетъ передана въ аккерманское полицейское управленіе для отсылки археологическому Обществу съ тѣмъ, чтобы послѣднее болѣе точнымъ образомъ опредѣлило эпоху, къ которой относятся найденные монеты и цѣнность ихъ, какъ древне-историческаго памятника. Владѣлецъ сада намѣренъ въ непродолжительномъ времени предпринять раскопку загадочнаго кургана.

Музеи и собранія древностей.

Въ херсонскомъ археологическомъ музеѣ полученъ транспортъ древностей, добытыхъ почетнымъ членомъ херсонской ученой архивной коммиссіи І. Я. Стемпковскимъ путемъ раскопокъ кургановъ Тираспольскаго уѣзда. Присланная коллекція почти исключительно состоитъ изъ вещей татаръ джучидовъ, не позже XIV столѣтія. Обращаетъ на себя вниманіе нарядъ какой-то древней красавицы: золотыя серьги съ такими-же подвѣсками, въ видѣ ягодъ кизила; серебряный ручной браслетъ, несшанные концы котораго украшены выцарапанными по металлу грубыми изображеніями мужскихъ лицъ; металлическое круглое зеркальце съ ушкомъ посрединѣ. Ткани, въ которыя была одѣта покойница, истлѣли.

Отъ народнаго учителя Я. З. Балана, изъ м. Братолюбовки, Александрійскаго уѣзда, поступило на храненіе въ тотъ-же музей небольшое круглое металлическое зеркальце, найденное кладоискателями въ могилѣ. Зеркальце это, въ кожанномъ чехлѣ, лежало при покойникѣ вмѣстѣ съ заржавленными желѣзными ножницами. Такія находки нерѣдки въ древнихъ маленькихъ могилахъ, которыми усѣяна южно-русская степь. Доставленное въ Херсонскій музей зеркальце имѣетъ на оборотной сторонѣ выпуклыя грубыя изображенія четырехъ

прыгающихъ антилопъ изъ вида сайгъ (Colus tataricus), животныхъ, родственныхъ козамъ, съ острыми, слегка изогнутыми рогами. Сайга и понынѣ еще водится въ степяхъ Азіи и восточной Россіи. Сходныя изображенія намъ извѣстны на монетахъ Абдулла-хана, темника Мамая, властвовавшаго въ нашихъ степяхъ отъ 1363 до 1367 г.; отчасти по этому, отчасти по другимъ соображеніямъ, найденное зеркальце предположительно можно отнести къ той-же эпохѣ. Очень жаль, что зеркальце было извлечено изъ могилы невѣждами, которые разбили его на куски и не позаботились, конечно, сохранить остальныя, лежавшія тамъ вещи и черепъ покойника, ознакомиться съ устройствомъ могилы и т. д. („Югъ“).

—

Въ Кіевскій музей древностей и искусствъ передана Имп. Археологической Коммиссіей довольно большая коллекція древностей, пріобрѣтенная у мѣстнаго торговца Богданова. Подборъ коллекціи случайный, интересныхъ предметовъ немного.

Разныя извѣстія.

Историческое Общество Нестора Лѣтописца обратилось къ своимъ членамъ *съ циркулярнымъ предложеніемъ* сообщить обществу указанія или свѣдѣнія о памятникахъ старины до конца XVIII вѣка по губерніямъ Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской: о монастыряхъ, церквяхъ, замкахъ и старинныхъ зданіяхъ или объ ихъ остаткахъ, объ утвари и оружіи, о памятникахъ искусства, о рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ, а также о частныхъ коллекціяхъ вещественныхъ памятниковъ древности и документовъ, такъ равно указать свѣдущихъ лицъ, къ которымъ можно было бы обратиться за собираніемъ свѣдѣній объ упомянутыхъ памятникахъ. Указанія и свѣдѣнія эти необходимы для предполагаемаго Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ изданія описанія и снимковъ памятниковъ мѣстной старины

—

Въ послѣднемъ, XI-мъ, томѣ *«Записокъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества»* помѣщенъ цѣлый рядъ статей и замѣтокъ (вышедшихъ и оттисками) *А. А. Спицына*, большей частью имѣющихъ

отношеніе къ южно-русскимъ древностямъ. По этимъ работамъ видно, что въ распоряженіи автора имѣется громадный матеріалъ, собранный съ такой тщательностью, что даже не пропущены и мелкія газетныя замѣтки о различнаго рода находкахъ, раскопкахъ и т. п. Авторъ много потрудился надъ сведеніемъ сырого матеріала и въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ мы должны поставить его «*Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи*».

Въ данномъ томѣ, наряду съ другими, мы находимъ такія обозрѣнія для *Кіевской, Подольской и Волынской губ.* Обширностью отличается обозрѣніе *Кіевской губ.*, оно занимаетъ 30 страницъ. Здѣсь, въ сжатомъ видѣ, данъ обзоръ всему, что до сихъ поръ было найдено, причемъ приведена и подробная литература. Каждый видъ памятниковъ старины занимаетъ надлежащее мѣсто. Авторъ начинаетъ свой обзоръ съ палеолитическаго періода, переходитъ затѣмъ къ неолиту, къ полямъ росписныхъ урнъ, къ курганамъ съ окрашенными костяками, перечисляетъ находки мѣдныхъ и бронзовыхъ предметовъ. Указавъ, что далѣе въ свѣдѣніяхъ о кіевскихъ древностяхъ имѣется огромный пробѣлъ, такъ какъ отъ мѣднаго или бронзоваго вѣка слѣдуетъ переходъ къ памятникамъ не раньше II—I в. до Р. Х., авторъ отмѣчаетъ чрезвычайное разнообразіе памятниковъ отъ I в. до Р. Х. и до IV в. послѣ Р. Х.; достаточно указать, что имъ описано здѣсь 12 погребальныхъ типовъ. Древности послѣдующихъ вѣковъ, отъ III—IV до IX—X, за отсутствіемъ кургановъ, которые можно было-бы, по мнѣнію автора, отнести къ этому періоду, распредѣляются имъ, по типамъ наиболѣе характерныхъ находокъ, на послѣдовательныя эпохи: римскихъ фибулъ, готскихъ фибулъ и подѣлокъ съ эмалью. Собственно-русскія древности Кіевской губ. до IX в. слѣдуетъ отыскивать, повидимому, исключительно въ поляхъ урнъ, о которыхъ, впрочемъ, прибавляетъ авторъ, имѣются пока лишь небольшія и отрывочныя свѣдѣнія. За полями урнъ идутъ курганы съ сожженіемъ, относимые къ X в., отчасти, быть можетъ, и къ IX в., и, наконецъ, курганы съ погребеніями XI—XIII вв. Интересно здѣсь отмѣтить мнѣніе автора о началѣ Кіева; вотъ его слова: «Начало Кіева, какъ города, относится повидимому, къ IX в. Въ многочисленныхъ мѣстныхъ коллекціяхъ древности мы между кіевскими находками отмѣтили только 2 предмета, относящіеся ко времени II—IV вв., да и тѣхъ мѣстное происхожденіе сомнительно. Всѣ осталь-

ныя вещи не восходятъ ранѣе IX—X в. Найденныя въ Кіевѣ римскія монеты, конечно, не доказываютъ существованія здѣсь современнаго имъ значительнаго поселенія». Что касается послѣдующихъ періодовъ, то и они вошли въ обзоръ въ видѣ-ли указаній на литературу, въ видѣ-ли перечисленія мѣстъ находокъ; такъ это напр. сдѣлано по отношенію къ курганамъ кіевскихъ кочевниковъ. Заканчивается обзоръ спискомъ музеевъ и собраній, гдѣ хранятся древности Кіевской губ. Обзоръ г. Спицына—первая работа въ этомъ направленіи; Археологическая карта проф. Антоновича заключаетъ сырой матеріалъ, другіе обзоры или очень стары, или носятъ отрывочный характеръ, или не обладаютъ достаточной полнотой. Если съ нѣкоторыми положеніями обзора г. Спицына можно и не соглашаться, если, вѣроятно, впослѣдствіи нѣкоторые виды древностей потребуютъ другой группировки и дополненій, то, во всякомъ случаѣ, въ обзорѣ мы имѣемъ первый систематическій сводъ всего, что до сихъ поръ извѣстно, а о значеніи такихъ сводовъ какъ для уясненія современнаго состоянія вопроса, такъ и для направленія дальнѣйшихъ изслѣдованій, смѣемъ думать, нечего распространяться.

По плану обзора Кіевской губ. составлены обзоры *Подольской и Волынской губ.* Губерніи эти обслѣдованы еще очень слабо, а потому и обзоры ихъ невелики, но и они исчерпываютъ весь имѣющійся матеріалъ.

Кромѣ «Обзоровъ», А. А. Спицынъ постепенно издаетъ и обработанныя имъ *«Свѣдѣнія 1873 г. о городищахъ и курганахъ»*. Свѣдѣнія эти явились результатомъ вопросовъ, разосланныхъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ чрезъ Губернскіе Комитеты по волостямъ Европейской Россіи. Хотя въ общемъ свѣдѣнія эти не всегда точны и полны, но и они даютъ извѣстный матеріалъ и указанія, а для нѣкоторыхъ губерній матеріалъ является и довольно обильнымъ, укажемъ, напр., на Волынскую губ., для которой, на основѣ такихъ свѣдѣній, въ 1888 г. изданъ Импер. Археолог. Комиссіей цѣлый «Сборникъ топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ». Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ свѣдѣнія для Смоленской губ. и Области Войска Донского. Для послѣдней свѣдѣнія распредѣлены по округамъ: Черкасскому, 1-му и 2-му Донскимъ, Усть-Медвѣдицкому, Донецкому и Хоперскому.

Благодаря исчерпывающей полнотѣ данныхъ, имѣющихся у А. А. Спицына, для него стало возможнымъ приступить къ монографіямъ тѣхъ или другихъ погребальныхъ типовъ. Такую монографію— *«Кур-*

ганы съ окрашенными костяками» мы и находимъ въ послѣднемъ томѣ «Записокъ». Указавъ прежде всего на значеніе этихъ кургановъ, относящихся въ глубокой древности и имѣющихъ очень широкое распространеніе, и давъ характеристику отношенія къ нимъ нашихъ археологовъ, при раскопкахъ которыхъ большинство найденныхъ сосудовъ, камней и скелетовъ оставляются на мѣстѣ, отчеты неточны и кратки, опредѣленіе найденныхъ костей животныхъ заимствуется у рабочихъ, вещи описываются поверхностно, авторъ разбиваетъ всю огромную площадь распространенія этихъ кургановъ на 9 районовъ: терскій, кубанскій, таманскій, крымскій, екатеринославскій, бѣлозерскій, кіевскій, нижне-донской и средне-донской, и опредѣляетъ особенности погребеній для каждаго изъ этихъ районовъ. По этимъ особенностямъ ихъ можно свести къ 4-мъ большимъ группамъ: первая—кавказская, отличающаяся богатствомъ и разнообразіемъ находокъ, вторая, куда входятъ районы крымскій, екатеринославскій и оба донскіе, третья—бѣлозерская и четвертая—кіевская, рѣзко отличающаяся отъ остальныхъ группъ, и относящаяся, по мнѣнію автора, къ числу болѣе позднихъ. Что касается происхожденія этихъ кургановъ, то вотъ мнѣніе автора: «Безъ сомнѣнія, наблюдаемые въ курганахъ съ окрашенными костяками обряды погребенія не составляютъ мѣстнаго явленія. Всего естественнѣе думать, что они распространились окружнымъ путемъ изъ Ассиріи, или-же прямымъ изъ Малой Азіи, вмѣстѣ съ какою-нибудь передвинувшеюся народностью, или, быть можетъ, одновременно съ распространеніемъ того или другого вѣроученія». Очень желательно, чтобы авторъ, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, далъ и фактическія обоснованія этого положенія, пока-же оно поставлено лишь въ видѣ тезиса. Вторая часть работы, скажемъ къ слову, занимающей 81 страницу, состоитъ изъ сжатаго изложенія имѣющагося матеріала, который расположенъ здѣсь по областямъ и губерніямъ. Свой трудъ авторъ считаетъ лишь вступленіемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, онъ говоритъ: «Всѣ свои сужденія мы основываемъ на сравнительно маломъ матеріалѣ, притомъ же только русскаго происхожденія, между тѣмъ какъ очевидно, что наши окрашенные костяки представляютъ лишь отрывокъ огромнаго культурнаго теченія, овладѣвшаго въ нѣдрахъ глубокой древности всѣми народами средней полосы восточнаго материка. Да и на русской почвѣ предстоитъ еще много работы надъ этими древностями; ихъ необходимо сопоставить съ погребеніями въ нашихъ дольменахъ, въ

закавказскихъ каменныхъ ящикахъ, въ кіевскихъ полякъ урнѣ съ роспи..сными сосудами и въ волынскихъ курганахъ каменнаго вѣка».

Въ небольшой статьѣ — «*Курганы кіевскихъ торковъ и берендѣевъ*», А. Спицынъ, опредѣливъ сначала мѣстность, занятую въ XI—XII вв. торками, каковой онъ считаетъ пространство между теченіемъ Днѣпра и нижнимъ теченіемъ Роси, омываемое посрединѣ Россавой, даетъ описаніе погребальнаго типа, пріурочиваемаго имъ торкамъ. Это извѣстныя погребенія съ конемъ, обнаруженныя здѣсь въ 17-ти пунктахъ. [1]) Могилы берендѣевъ или берендичей авторъ видитъ въ пока еще мало изслѣдованныхъ курганахъ по близости Бѣлой Церкви, гдѣ также при гробахъ помѣщаются остовы лошадей.

Среди мелкихъ замѣтокъ, А. Спицыну принадлежитъ одна — *Къ вопросу о происхожденіи такъ-называемыхъ готскихъ фабулъ*. Благодаря послѣднимъ находкамъ въ Кіевской и Полтавской губ., является возможность возстановить самый древній типъ фабулъ—въ видѣ человѣческихъ фигуръ съ сомкнутыми ногами, со сложенными на груди руками и съ таліей, обращенной въ дужку фибулы; авторъ даетъ описаніе дальнѣйшихъ превращеній фибулы, поясняя описаніе рисунками.

«*Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Импер. Моск Археолог. Обществомъ*», за 1899 г. За истекшій годъ здѣсь были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки, относящіяся къ южной Россіи. Въ отдѣлѣ самостоятельныхъ статей: *Н. Петрова*—О золотой медали князя К. К. Острожскаго (№ 3—4—5) и *В. А. Городцова* —Назначеніе глиняныхъ площадокъ въ доисторической культурѣ трипольскаго типа (№ 11—12). Въ послѣдней статьѣ авторъ, изложивъ обстоятельства находокъ площадокъ на правомъ берегу Днѣпра въ окрестностяхъ м. Триполья, приходитъ къ конечному выводу, что глиняныя площадки представляютъ остатки жилищъ, но не постоянныхъ, а временныхъ, служившихъ для зимнихъ стоянокъ богатаго и высоко культурнаго (sic) племени, переживавшаго конецъ кочевого и начало осѣдлаго, земледѣльческаго быта. Мнѣніе это авторъ строитъ на доказательствахъ, мало убѣдительныхъ, а иногда и фактически не

---

[1]) Н. Е. Бранденбургъ, раскопавшій много кургановъ этого типа, въ рефератѣ, прочитанномъ на Рижскомъ съѣздѣ—„Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остатки убитыхъ лошадей?“, склоняется къ мнѣнію, что племя это—печенѣги.

вполнѣ точныхъ; для примѣра укажемъ на утвержденіе, что площадки располагаются по окружности и въ центрѣ обширныхъ круговъ—въ дѣйствительности такой правильности въ расположеніи не было обнаружено. Такъ что, по нашему мнѣнію, кочевой бытъ насельниковъ, на которомъ настаиваетъ авторъ, находится подъ большимъ сомнѣніемъ. Въ отдѣлѣ хроники: *Ан. С.* —Къ вопросу о доисторическихъ письменныхъ знакахъ (№ 3—4—5); здѣсь помѣщенъ рисунокъ знаковъ, найденныхъ на стѣнѣ пещеры въ усадьбѣ Зайцева по Кирилловской ул. въ Кіевѣ. Въ отдѣлѣ —«Засѣданія обществъ» — о докладѣ Е. К. Рѣдина и Н. А. Федоровскаго: «Могильникъ кургана слободы Сеньково, Купянскаго у.» (№ 3—4—5).

Въ послѣднемъ выпускѣ этого изданія находимъ извѣщеніе редакціи о прекращеніи изданія. Мы можемъ только пожалѣть объ этомъ, но насъ удивляетъ, что въ такомъ центрѣ, какъ Москва, не нашлось силъпродолжать этотъ единственный періодическій органъ по археологіи, вѣдь за матеріалами и средствами остановки не было.....

—

Въ «Подольскихъ губ. Вѣдомостяхъ» помѣщена замѣтка о намѣреніи г. *Гульдмана* возобновить печатаніе въ названной газетѣ его труда —«*Памятники старины Подоліи*». Трудъ этотъ раздѣленъ на 15 главъ или отдѣловъ: 1) находки каменныхъ издѣлій; 2) находки мѣдныхъ, бронзовыхъ топориковъ и стрѣлъ; 3) находки старинныхъ монетъ; 4) находки стариннаго оружія и вообще древнихъ вещей; 5) находки костей; 6) пещеры; 7) слѣды мегалитическихъ сооруженій (мегалиты, дольмены); 8)насыпные валы; 9) городища; 10) курганы; 11) каменныя бабы; 12) изображенія на камняхъ и скалахъ; 13) древнія монастырища; 14) фигуры (придорожные кресты, столбы, и т. п). и 15) церковныя древности—храмы, монастыри, иконы. Печатаніе было пріостановлено на 9-й главѣ; г. Гульдманъ обѣщаетъ закончить ее и перейти къ слѣдующей. Съ своей стороны, несмотря на нѣкоторую своеобразность распредѣленія отдѣловъ, пожелаемъ автору благополучно закончить прерванный трудъ —какъ сборникъ матеріаловъ, онъ имѣетъ несомнѣнное значеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Годъ изданія IV-ый.

1900 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1900 г.

на ежедневную газету

„ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ",

выходящую въ Одессѣ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

съ иллюстраціями въ текстѣ.

Рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. под.

—

За три года существованія «Южное Обозрѣніе» вполнѣ выяснило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Интересамъ культурнаго, мыслящаго и трудящагося человѣчества, интересамъ Россіи, какъ міровой державы съ великой цивилизаторской миссіей, а, въ частности, интересамъ Юга-Россіи и его умственнаго и промышленнаго центра Одессы—вотъ чему, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, стремилась служить наша газета.

Мы считаемъ своей главной задачей, своимъ общественнымъ долгомъ, пробуждать въ читателѣ сознаніе его общественной личности, его участія въ общегосударственной жизни, его обязанности работать для общаго блага, для блага Россіи, т. е. для блага всѣхъ населяющихъ ее народовъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы полагаемъ, что всѣ отдѣльныя племенныя и соціальныя группы, живущія въ Россіи, являются вполнѣ равноправными членами одной національно-культурной семьи.

—

Въ виду глубокаго, захватывающаго интереса, представляемаго въ настоящее время событіями международной жизни, «Южное Обозрѣніе» значительно расширило отдѣлъ «Политической Хроники», давая въ немъ мѣсто не только событіямъ міровой важности,

но и характернымъ бытовымъ картинамъ заграничной жизни. Въ главнѣйшихъ культурныхъ европейскихъ странахъ (во Франціи, Германіи, Австріи, Италіи и Англіи) «Южное Обозрѣніе» имѣетъ своихъ собственныхъ корреспондентовъ. Одинъ изъ корреспондентовъ «Южнаго Обозрѣнія» въ настоящее время отправился въ Америку, откуда и будетъ постоянно корреспондировать; нѣсколько его очерковъ съ дороги были уже помѣщены въ газетѣ. На Всемірную выставку въ Парижѣ также будетъ отправленъ собственный корреспондентъ «Южнаго Обозрѣнія».

Особенное вниманіе обращено редакціей на событія внутренней жизни Россіи, переживающей въ настоящее время чрезвычайно важный моментъ замѣны старыхъ общественно-экономическихъ формъ новыми, болѣе приспособленными къ требованіямъ эпохи. Всѣ, сколько нибудь значительныя событія внутренней жизни Россіи, обсуждаются редакціей въ отдѣльныхъ передовыхъ статьяхъ и въ мелкихъ замѣткахъ подъ рубрикой «Наша печать», гдѣ читатель получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность ознакомиться съ воззрѣніями наиболѣе вліятельныхъ органовъ русской прессы на текущія событія.

Интересы нашего Юга, его промышленности, сельскаго хозяйства, земской жизни, городского самоуправленія изучаются и разсматриваются въ отдѣльныхъ руководящихъ статьяхъ подъ общимъ заглавіемъ «Областныя дѣла» и въ корреспонденціяхъ изъ провинціи (Херсонъ, Елисаветградъ, Николаевъ, Ялта, Аккерманъ и др.)

Жизни Одессы редакціей отводится весьма значительное мѣсто Въ рядѣ передовыхъ статей «Наши дѣла», редакція стремится уяснить читателямъ значеніе крупныхъ вопросовъ городской жизни, непосредственно касающихся интересовъ обывателей г. Одессы. Ежедневная хроника городской жизни Одессы, составляемая самымъ тщательнымъ образомъ, даетъ полный и подробный отчетъ о всѣхъ событіяхъ дня. Редакція, пристально и внимательно слѣдя за ростомъ общественнаго самосознанія и частной иниціативы въ Одессѣ, даетъ однако мѣсто лишь такимъ статьямъ и стороннимъ сообщеніямъ, которыя чужды какихъ бы то ни было личныхъ или узко-партійныхъ вліяній.

Отдѣлъ фельетоновъ редакція находитъ нужнымъ разнообразить какъ можно болѣе. Культурная и соціально-политическая жизнь Западной Европы, новости науки и техники, новости русской и иностранной литературы—обо всемъ этомъ сообщается читателямъ, по возможности, въ систематическомъ и общедоступномъ изложеніи. Кромѣ того въ фельетонахъ даются переводы беллетристическихъ произведеній наиболѣе выдающихся иностранныхъ писателей, а также оригинальныя художественныя изображенія русской жизни.

По мѣрѣ необходимости въ газетѣ печатаются иллюстраціи, какъ въ самомъ текстѣ, такъ и въ отдѣльномъ Воскресномъ Приложеніи.

Подписная цѣна на газету «Южное Обозрѣніе»:

Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 руб., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 1 руб. 80 коп., 1 мѣс. 60 коп. На города (съ пересылкой) на годъ 8 руб., 6 мѣс. 4 руб., 3 мѣс. 2 руб., 1 мѣс. 70 коп.

Допускается разсрочка платежа.

Отдѣльные №№ продаются по 3 коп.

Требованія адресуются: Въ Одессу, въ главную контору газеты «Южное Обозрѣніе», Главная улица, домъ Михайловой.

Редакторъ и издатель *В. Н. Маракуевъ.*

3—3

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОРГАНЪ

ИСКУССТВО

и

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Иллюстрированное Изданіе,

предпринятое съ Высочайшаго соизволенія

Императорскимъ Обществомъ Поощренія Художествъ

(съ октября 1898).

безъ предварительной цензуры, подъ редакціей Н. П. СОБКО,

съ офортами, ксилографіями, фотогравюрами, хромотипіями, исполненными въ первоклассныхъ заведеніяхъ и подъ руководствомъ лучшихъ мастеровъ.

Подписная цѣна въ годъ за 12 выпусковъ и 24 особыхъ прибавленій (въ общемъ до 100 стр. текста и свыше 500 снимковъ въ текстѣ и отдѣльно): безъ дост. 8 р.; съ дост. 9 р.; съ пер. 10 р.; за гран. 12 р.—Затѣмъ:

1) Допускается разсрочка взносовъ по 2 р. и по 3 р. въ теченіе первыхъ 4-хъ мѣсяцевъ съ начала подписного года, т. е. съ октября мѣсяца.

2) Наложеннымъ платежемъ журналъ высылается лишь по присылкѣ переводомъ не менѣе 2 руб. на почтовые расходы, сверхъ подписной цѣны.

3) Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться преимущественно въ Главную Контору: С.-Петербургъ, Мойка, 83 (д. И. О. П. Х.).

4) Книгопродавцамъ дѣлается уступка отъ 40 до 60 коп. съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

3—3

1900 годъ.

XXXII годъ изд. XXXII годъ изд.

„ЗЕМСКІЙ СБОРНИКЪ Черниговской губерніи“.

Вышла январская книжка.

Содержаніе. Распоряженія Правительства: Объ измѣненіи существующаго порядка распредѣленія суммъ, поступающихъ въ уплату поземельныхъ сборовъ.—О разрѣшеніи Новоузенскому земству назначить пенсію изъ уѣздныхъ земскихъ суммъ бывшему предсѣдателю уѣздной управы.—Земское и городское хозяйство: Осушеніе болота Трубайло въ 1895—1899 г.г. —Земскія извѣстія. Монографіи, матеріалы и свѣдѣнія: Народные спектакли—Б. Д. Гринченко.—Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка—подъ ред. Н. П. Василенко. Мѣстная хроника: Журналъ засѣданія общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ Черниговской губерніи 10 августа 1899 г. (съ приложеніями). Разныя извѣстія и корреспонденціи: Изъ Глухова.—Ал. Литвинова. Объявленія.—Приложенія—Доклады Губернской Управы: О перестрахованіи рисковъ.—Объ устройствѣ кассы взаимопомощи для всѣхъ служащихъ въ земствѣ.

Подписная цѣна съ пересылкою 4 руб. въ годъ.

(*Для служащихъ въ Черниговскомъ Земствѣ 2 рубля*).

Подписка принимается въ городѣ Черниговѣ, въ Черниговской Губернской Земской Управѣ.

Пилавъ [4]) огонь великій страхъ.
Въ смолѣ сѣ [5]) грѣшники сидѣлы [6])
И на огнѣ пеклись, горѣлы, [7])
Хто якъ за вѣщо [8]) заслуживъ,
Перомъ [9]) не можно написаты, [10])
Не можно и въ сказкахъ [11]) сказаты, [12])
Якихъ було багацко [13]) дивъ.

[1]) въ пеклѣ П. К. [2]) все П. К. [3]) живица П. К. [4]) палавъ П. К. [5]) сей П. К. [6]) сидѣли П. К. [7]) горѣли П. К. [8]) за вищо П. К. [9]) пѣромъ П. [10]) написати П. К. [11]) казкахъ П. К. [12]) сказати П. К. [13]) багацько П. К.

72.

Панювъ [1]) за те тамъ мурдовалы [2])
И жарилы [3]) зо всѣхъ бокѣвъ, [4])
Що людямъ льготы не давалы [5])
И ставили ихъ за скотѣвъ. [6])
За те воны [7]) дрова возили,
Въ болотахъ очеретъ косилы, [8])
Носилы [9]) въ пекло на пѣдпалъ (sic). [10])
Чорты за ними приглядалы, [11])
Желѣзнымъ [12]) прутьямъ [13]) пѣдганялы, [14])
Коли якій изъ [15]) нихъ приставъ. [16])

[1]) панивъ П. К. [2]) мордовали П. К. [3]) жарили П. К. [4]) бокивъ П. К. [5]) давали П. К. [6]) скотивъ П. К. [7]) вони П. К. [8]) косили П. К. [9]) носили П. К. [10]) пидпалъ П. пидъ палъ К. [11]) приглядали П. К. [12]) залѣзнымъ П. К. [13]) прутьемъ П. К. [14]) пидганяли П. пидганяли К. [15]) зъ П. К. [16]) пристававъ П. К.

73.

Огненнымъ [1]) пруттямъ [2]) оддиралы [3])
Кругомъ на спину и живѣтъ
Себе що самы [4]) убывалы, [5])
Якій [6]) остывъ нашъ бѣлый свѣтъ.
Гарячимъ діогтемъ заливалы, [7])
Ножами пѣдъ [8]) боки стрикалы, [9])

Щобъ не хватались [10]) умѣрать, [11])
Робылы [12]) разные [13]) ѣмъ [14]) муки,
Товкли у мужчиряхъ [15]) ихъ руки,
Не важились щобъ убывать. [16])

[1]) огненной П. [2]) пугою тамъ П. прутьемъ К. [3]) драли П. отдирали К. [4]) сами П. К. [5]) убивали П. К. [6]) акимъ П. К. [7]) заливали П. К. [8]) пидъ П. К. [9]) штиркали П. К. [10]) хапались П. К. [11]) умирать П. К. [12]) робили П. К. [13]) розныи П. К. [14]) имъ П. К. [15]) мужчирахъ П. К. [16]) убивать П. К.

74.

Богатымъ та скупимъ [1]) зливали
Кипяче золото у ротъ,
А брехунѣвъ [2]) тамъ заставлялы
Лизать горячихъ сковородъ.
Яки жъ изъ роду не женились
Та по чужихъ куткахъ живились,
Таки повѣшенны [3]) за [4]) крюкъ,
Зачепленны [5]) за грѣшне тѣло,
На свѣтѣ що грѣшило смѣло
И [6]) не боялося сихъ [7]) мукъ.

[1]) скупымъ П. К. [2]) брехунивъ П. К. [3]) повѣшены П. К. [4]) на К. [5]) зачеплены П. зацеплены К. [6]) а П. [7]) и П.

75.

Всѣмъ старшинамъ тутъ безъ розбору,
Панамъ, пѣдпанкамъ [1]) и слугамъ
Давалы [2]) въ пеклѣ добру хліору,
Всѣмъ по заслузѣ, мовъ [3]) котамъ.
Тутъ всякіе [4]) булы [5]) цехмистры,
И ратманы, и бургомистры,
Судьи, пѣдсудки, [6]) писарѣ, [7])
Яки по правдѣ не судыли, [8])
Та тѣлко [9]) грошики лупилы [10])
И отбирали хабарѣ [11]).

[1]) пидпанкамъ П. К. [2]) давали П. К. [3]) якъ П. К. [4]) всякіи П. [5]) були П. К. [6]) пидсудки П. К. [7]) писари П. К. [8]) судили П. К. [9]) тилько П. К. [10]) лупили П. К. [11]) хабари П. К.

76.

И всѣ розумны [1]) филозопы,
Що въ свѣтѣ вчились мудровать,
Ченцы, [2]) попы и крутопопы,
Мирянъ [3]) щобъ знали научать,
Щобъ не ганялись [4]) за гривнями,
Щобъ не качались [5]) съ [6]) попадями,
Та знали бъ [7]) церковъ щобъ одну,
Ченцѣ [8]) до бабъ щобъ не иржали,
А мудрецы [9]) звѣздъ не щитали, [10])
Булы [11]) въ огнѣ на самѣмъ [12]) дну.

[1]) разумны П. [2]) ченци П. К. [3]) мірянъ К. [4]) гонялись П. К. [5]) возились П. К. [6]) зъ П. К. [7]) знали К. [8]) ксіондзы П. К. [9]) мудры П. К. [10]) щобъ не вняли П. К. [11]) були П. К. [12]) самомъ П. К.

77.

Жѣнокъ своихъ що не держалы [1])
Въ рукахъ, а волю имъ дали, [2])
По весѣльяхъ ихъ одпускали,
Щобъ часто въ приданкахъ [3]) булы [4])
И до пѣвночы [5]) тамъ гулялы, [6])
И въ гречку де-колы скакалы, [7])
Таки сидѣли у [8]) шапкахъ
Изъ [9]) превеликими рогами,
Зъ зажмуренными и [10]) очамы, [11])
Въ кипячихъ съ сѣркою [12]) котлахъ. [13])

[1]) жинокъ П. К. держали П. К. [2]) дававъ П. [3]) въ перезвахъ П. [4]) бувавъ П. [5]) пивночи П. К. [6]) гуляли П. К. [7]) скакали П. К. [8]) всѣ въ К. [9]) и съ П. К. [10]) всѣ П. К. [11]) очами П. К. [12]) сѣркой П. К. [13]) казанахъ П. К.

78.

Батьки, яки синѣвъ [1]) не вчилы, [2])
А гладилы [3]) по головахъ, [4])
И тѣлко [5]) знай що ихъ хвалилы, [6])
Кипѣли въ нефтѣ [7]) въ казанахъ,
Що черезъ нихъ [8]) сини [9]) въ ледащо
Пустилися, пѣшли [10]) въ нинащо
И [11]) послѣ чубилы [12]) батькѣвъ, [13])
И всею силою бажалы, [14])
Батьки щобъ швидче умѣралы, [15])
Щобъ имъ принятись до замкѣвъ. [16])

[1]) сынивъ П. К. [2]) вчили П. К. [3]) гладили П. К. [4]) головкахъ П. [5]) тилько П. К. [6]) хвалили П. К. [7]) нефти П. К. [8]) ихъ П. К. [9]) сынки П. К. [10]) пишли П. К. [11]) а П. К. [12]) чубили П. К. [13]) батькивъ П. К. [14]) бажали П. К. [15]) умирали П. К. [16]) замкивъ П. К.

79.

И тѣ булы тамъ лагоминцѣ, [1])
Пѣддуровалы [2]) що дѣвокъ,
Що въ вѣкна дрались по дробынцѣ
Пѣдтемный, [3]) тыхій вечерокъ,
Що будуть [4]) сватать ихъ, брехалы, [5])
Пѣдманіовалы, [6]) улещалы, [7])
Поки добрались до кѣнця, [8])
Поки дѣвки отъ перечосу а)
До самого товстѣлы носу, б)
Що соромъ послѣ до вѣнця.

[1]) лигоминци П. К. [2]) пиддуривали П. К. [3]) пидъ темный П. К. [4]) будутъ К. [5]) брехали П. К. [6]) пидманивали П. К. [7]) улещали П. К. [8]) конця П. кинця К.

а) Тогда дѣвки обманъ познали,
б) Да ба!—уже товстеньки стали П.

80.

Булы [1]) тамъ купчики проворны,
Що ѣздилы по ярмаркамъ [2])

И на аршинець не пѣдборный [3])
Поганый продавалы [4]) крамъ.
Тутъ [5]) всякые [6]) булы пронозы,
Перекупки и шмаровозы,
Жиды, мѣняйлы, шинкарѣ [7])—
И тѣ, що фиги - [8]) миги [9]) возять, [10])
Що въ боклагахъ гарячій носять, [11])
Тамъ всѣ пеклися крамарѣ. [12])

[1]) були Ц. К. [2]) ярмалкамъ П. [3]) не пидборный П. К. [4]) продавали П. К. [5]) тамъ П. [6]) всякіи П. всякіе К. [7]) шинкари П. К. [8]) хвиги П. [9]) мыги П. К. [10]) возятъ К. [11]) носятъ К. [12]) крамари П. К.

81.

Палыводы [1]) и волоцюги,
Все зводныки [2]) и всѣ плуты,
Ярыжники и всѣ пьянюги,
Обманщики и всѣ моты, [3])
Всѣ ворожбыты, [4]) чародѣи,
Всѣ гайдамаки [5]) и [6]) злодѣи,
Шевцѣ, [7]) кравцѣ [8]) и ковалѣ, [9])
Рѣзницкій, ткацкій, шаповалскій, а)
Бондарскій цехъ и коновалскій б)
Кипѣлы [10]) въ пеклѣ всѣ въ смолѣ.

[1]) паливоды П. К. [2]) зводники Ц. К. [3]) Вмѣсто этихъ двухъ стиховъ, приведенныхъ по изданію Пирпуры и изданію Котляревскаго, въ рукописи одинъ стихъ: «ярижники и всѣ моты», [4]) ворожбиты П. К. [5]) гайдомаки П. [6]) и всѣ П. [7]) шевци П. К. [8]) кравци П. К. [9]) ковали П. К. [10]) кипѣли П. К.

а) Цехи рѣзницкій, коновальскій,

б) Кушнирскій, ткацкій, шановальскій. П. К.

82.

Тамъ всѣ невѣрны и крестяне, [1])
Булы [2]) паны и мужики,
Булы дворяне [3]) и мѣщане—

И молоды, и старыки, [4])
Булы [5]) богаты и убогы, [6])
Прямы булы [7]) и крывоногы, [8])
Булы [9]) видющи и слѣпы,
Булы [10]) и штатски и военны,
Булы [11]) и пански и казенны,
Булы [12]) миряне [13]) и попы.

[1]) христьне П. К. [2]) були П. К. [3]) шляхтяне П. були тутъ шляхта К. [4]) старики П. К. [5]) були П. К. [6]) убоги П. К. [7]) були П. К. [8]) крывоноги П. К. [9]) були П. К. [10]) були П. К. [11]) були П. К. [12]) були П. К. [13]) міравеП. К.

83.

Гай! гай! Та нѣгде правды дѣты, [1])
Брехня жъ наробить [2]) лиха бѣлшъ, [3])
Сидѣлы [4]) тамъ скучны} піиты,
Писарчуки поганыхъ вѣршъ, [5])
Великіе [6]) терпѣлы [7]) муки,
Завязанны [8]) булы [9]) имъ [10]) руки,
Мовъ у татаръ терпѣли плѣнъ.
Оттакъ [11]) и нашъ братъ попадется,
Що пише, не остережется:
Якій же втерпить [12]) іого хрѣнъ? А)

[1]) дѣти П. К. [2]) наробитъ К. [3]) бильшъ П. билшъ К. [4]) сидѣли П. К. [5]) виршъ П. К. [6]) великіи П. [7]) терпѣли П. К. [8]) завязаны П. [9]) були П. К. [10]) имъ звязаны були и К. [11]) отъ-такъ П. К. [12]) втерпитъ К.

А) Якусь особу мацапуру
Тамъ жарили на шашлику,
Горячу мѣдь лили за шкуру
И роспинали на быку.
Натуру мавъ винъ дуже бридку,
Крививъ душею для прибытку,
Чужее отдадавъ въ печать,
Безъ сорома, безъ Бога бувши,
И восьму заповѣдь забувши,
Чужимъ пустився промышлять. К.

84.

Эней [1] отъ сихъ якъ [2] отступився
И далѣ трохи одійшовъ, [3]
То на друге вѣнъ [4] нахопився,
Жѣночу [5] муку тутъ найшовъ.
Въ другѣмъ [6] зовсѣмъ [7] сихъ караванѣ
Пѣджаровалы, [8] мовъ [9] у банѣ, [10]
Отцѣто [11] галасъ исправлялы, [12]
Що ажъ кричали на чѣмъ свѣтъ,
Гарчалы, [13] вылы [14] и пыщалы [15]
Послѣ [16] кутѣ [17] якъ бы [18] живѣтъ.

[1] Еней П. [2] яхъ видциль К. [3] одойшовъ П. К. [4] то на другее П. К. [5] жиночу П. К. [6] въ другимъ К. П. [7] зо всѣхъ П. [8] пиджаріовали П. К. [9] якъ П. К. [10] бани П. [11] оцѣ-то П. К. [12] исправляли П. К. [13] гарчали П. К. [14] выли П. К. [15] пищали П. К. [16] писля П. К. [17] кути П. К. [18] мовъ на П. К.

85.

Дѣвки, бабы и [1] молодицѣ [2]
Клялы [3] себе и ввесь [4] свѣй [5] рѣдъ, [6]
Клялы [7] всѣ жарты, вечерницѣ, [8]
Кляды [9] и жизнь, и бѣлый свѣтъ,
За те имъ такъ тамъ задавалы, [10]
Що черезъ чуръ тутъ [11] мудровалы [12]
И верховодилы [13] надъ всѣмъ.
Хоть человѣки [14] не онеe,
Та коли, бачъ, жѣнки вже [15] тее,
Такъ треба угодити имъ.

[1] тамъ дѣвки, бабы П. [2] молодици П. К. [3] кляли П. К. [4] весь К. [5] свій П. К. [6] ридъ П. К. [7] кляли П. К. [8] вечерници П. К. [9] кляли П. К. [10] задавали П. К. [11] черезъ мѣру П. К. [12] мудровали П. К. [13] верховодили П. К. [14] чоловѣкамъ П. чоловѣкъ и К. [15] жинци, бачишь П. жинци, бачишъ К.

86.

Булы [1]) тамъ чесны богомолки, [2])
Що зналы [3]) ввесь святый законъ,
Молилися безъ остановки
И были [4]) сотъ по пять поклонъ:
Якъ въ церквѣ межъ людьми стоялы [5])
И головами все кивалы, [6])
Якъ же булы [7]) на самотѣ,
То молитовники ховалы, [8])
Казилысь, бѣгали, скакалы, [9])
И гирше [10]) дещо въ темнотѣ.

[1]) були П. К. [2]) пустомолки П. К. [3]) знали П. К. [4]) били П. К [5]) стояли П. К. [6]) хитали П. К. [7]) були П. К. [8]) ховали П. К. [9]) казились П. казылись К. скакали П. К. [10]) гирьше П.

87.

Булы [1]) и тіи тамъ панянки,
Що наряжались на показъ,
Мандрохи, [2]) фліорки и дыптянкы, [3])
Що продають [4]) себе на часъ.
Сѣ [5]) въ сѣрци [6]) и смолѣ кипѣлы [7])
За те, що жирно дуже ѣлы, [8])
И що ихъ не страшивъ и пѣстъ, [9])
Що все прикушовалы [10]) губы
И скалилы [11]) бѣленьки зубы,
И часто [12]) пѣднималы [13]) фѣстъ. [14]) а)

[1]) були П. К. [2]) мандріохи П. К. [3]) дыптянки П. К. [4]) продаютъ К. [5]) си П. К. [6]) въ сѣрцѣ П. К. [7]) кипѣли П. К. [8]) ѣли П. К. [9]) пистъ П. К. [10]) прикушували П. К. [11]) скалили П К. [12]) дуже К. [13]) волочили К. [14]) хвистъ К.

а) Да и не давали старшимъ мѣстъ П.

88.

Пеклысь [1]) тутъ гарны молодицѣ, [2])
Ажъ жаль було на нихъ [3]) глядѣть,

Чорнявы, повны, мылолицы, [4])
И сѣ [5]) тутъ мусѣлы [6]) кипѣть,
Що замужъ за старыхъ ходилы [7])
И имъ живѣтъ укоротилы, а)
Щобъ послѣ гарно погулять
Изъ парубками [8]) поводитись,
На свѣтѣ весело нажитись
И не голоднымъ умѣрать. [9])

[1]) неклись П. К. [2]) молодици П. К. [3]) ихъ П. К. [4]) милолицы П. К. [5]) си П. К. [6]) мусили П. К. [7]) ходили П. К. [8]) паробками П. К. [9]) умирать П. К.

а) И мышакомъ ихъ покормили П. поморили К.

89.

Якіесь мучились тамъ птахи а)
Съ куделями на головахъ,
Се честные не потѣпахи, б)
Булы [1]) тендѣтны [2]) при людяхъ,
А безъ людей? Не можно знаты, [3])
Себе чимъ [4]) зналы [5]) забавляты, [6])
Про те то знае ихъ лакей: в)
Имъ тяжко въ пеклѣ докорялы, [7])
Смолы на щоки налѣпляпы, [8])
Щобъ не дурылы [9]) тутъ [10]) людей.

[1]) були жъ П. були К. [2]) смирненьки П. тендитны К. [3]) знати П. К. [4]) чѣмъ П. [5]) мали П. К. [6]) забавляти П. К. [7]) докоряли П. К. [8]) налѣпляли П. К. [9]) дурили П. К. [10]) такъ П. К.

а) Тамъ мучилися и вдовици П.

б) Що бѣгали на вечерници П.

в) Про те лишъ знали до дверей П. К.

90.

Бо щоки терли манѣею [1])
И [2]) блейвасомъ и нѣсъ, [3]) и лобъ,
Щобъ краскою хоть не своею

Причаровать собѣ [4]) кого бъ, [5])
Изъ рѣпы пѣдставлялы [6]) зубы,
Ялозылы [7]) и [8]) смалцемъ [9]) губы,
Щобъ пѣдвесты [10]) на грѣхъ людей,
Бундучили [11]) якіесь бочки,
Мостилы [12]) въ пазусѣ [13]) сорочки, [14])
Въ которыхъ не було грудей. a)

[1]) манією [2]) а П. К. [3]) нисъ П. К. [4]) къ себѣ П. [5]) народъ П. [6]) пидставляли П. К. [7]) ялозили П. К. [8]) все П. К. [9]) смальцемъ П. К. [10]) пидвести П. К. [11]) пиндючили П. К. [12]) мостили П. К. [13]) пазуси П. [14]) платочки П. К.

a) Все жарты имъ булы да смѣхъ (sic) П.

91.

За сыми по ряду шкварчалы [1])
Въ роспаленныхъ сковородахъ
Стары бабы, що все [2]) ворчалы, [3])
Базѣкалы [4]) о всѣхъ дѣлахъ,
Все тѣлко [5]) старыну [6]) хвалилы, [7])
А молодихъ товклы [8]) та былы, [9])
Не думалы [10]) жъ, яки булы, [11])
Ище якъ самы [12]) дѣвовалы [13])
Та [14]) съ хлопцями якъ хурцовалы [15])
Та й по дитинцѣ привелы. [16])

[1]) шкварчали П. К. [2]) старыи бабы, що П. [3]) ворчали П. К. [4]) базикали П. К. [5]) тилько П. К. [6]) старину П. К. [7]) хвалили П. К. [8]) товкли П. К. [9]) били П. К. [10]) думали П. К. [11]) були П. К. [12]) сами П. К. [13]) дѣвовали П. К. [14]) да П. К. [15]) гарціовали П. К. [16]) привели П. К.

92.

Вѣдіомъ же тутъ колесовалы [1])
И всѣхъ шептухъ и ворожокъ
И жилы ихъ [2]) чорты моталы [3])
И безъ витушки [4]) на клубокъ,
На припѣчкахъ [5]) щобъ не оралы, [6])

У комены щобъ не лѣталы, [7])
Не ѣздили бъ на упиряхъ, [8])
И щобъ дощу не продавалы, [9])
Въ ночѣ [10]) людей щобъ не лякалы, [11])
Не ворожили бъ на бобахъ.

[1]) колесовали П. К. [2]) зъ нихъ П. К. [3]) мотали П. К. [4]) вытушки П. К. [5]) припечкахъ П. К. [6]) орали П. К. [7]) лѣтали П. К. [8]) упырахъ П. К. [9]) продавали П. К. [10]) въ ночи П. К. [11]) ликали П. К.

93.

А звѣдницямъ таке робылы, [1])
Що цуръ іому вже и казать,
На грѣхъ дѣвокъ що пѣдводилы [2])
И симъ учились промышлять,
Жѣнокъ [3]) отъ чоловѣковъ [4]) кралы [5])
И волоцюгамъ помогалы [6])
Рогами людскій лобъ квѣтчать, [7])
Щобъ не своимъ не торговалы, [8])
Того бъ на откупъ не давалы, [9])
Що треба про запасъ держать.

[1]) зводницямъ П. К. робили П. К. [2]) пидводили П. К. [3]) жинокъ П. К. [4]) чоловѣкивъ П. К. [5]) крали П. К. [6]) помогали П. помагали К. [7]) вѣнчать П. квѣчать К. [8]) торговали П. К. [9]) давали П. К.

94.

Эней [1]) тамъ бачивъ щось [2]) не мало
И всякихъ грѣшниць у смолѣ,
Якъ съ кабанѣвъ [3]) топили [4]) сало,
Такъ шкварилися у котлѣ. [5])
Були тамъ [6]) свѣтски [7]) и черницы, [8])
Були дѣвки и молодицѣ, [9])
Паньи булы [10]) и [11]) панночки,
Були въ свиткахъ, булы [12]) въ чоботахъ, [13])
Булы и въ плюндрахъ [14]) и ребронтахъ, [15])
Булы [16]) всѣ грѣшны жѣночки. [17])

[1]) Еней П. [2]) щось бачивъ тамъ П. [3]) кабанивъ П. К. [4]) топыли П. К. [5]) си на огнѣ П. си въ огнѣ К. [6]) и П. К. [7]) свѣцьки П. К. [8]) черници П. К. [9]) молодици П. К. [10]) були и паньи П. К. [11]) й П. [12]) були П, К. [13]) були въ ребронахъ П. въ охвотахъ К. [14]) въ намѣткахъ П. въ дульетахъ К. [15]) шиньіонахъ П. въ капотахъ К. [16]) були П. К. [17]) жиночки П. К.

95.

Но се булы [1]) все осужденны,
Яки померли не теперъ, [2])
Безъ суду жъ не паливъ [3]) пекельный [4])
Огонь, недавно хто умеръ.
Сѣ [5]) всѣ булы [6]) въ другѣмъ [7]) загонѣ,
Якъ бы лошата або конѣ, [8])
Не знавши, попадуть куда.
Эней, [9]) на первыхъ надивившись [10])
И о бѣдахъ ихъ пожурившись,
Пѣшовъ [11]) въ широки [12]) ворота.

[1]) були П. К. [2]) теперь П. К. [3]) палывъ П. К. [4]) пекельны П. [5]) си П. К. [6]) були П. К. [7]) въ другимъ П. К. [8]) кони П. К. [9]) Еней П. [10]) подивившись П. К. [11]) пишовъ П. К. [12]) другіи П. другіе К.

96.

Эней, ввѣйшовши [1]) въ сю кошару, а)
Побачивъ тутъ [2]) багацко [3]) душъ,
Вмѣшавшися межъ сю ватагу, [4]) б)
Мовъ [5]) межъ гадюки [6]) чорный ужъ.
Тутъ разны [7]) души похожали,
Все думалы, [8]) та все гадали,
Куда то за грѣхи ихъ впруть—
Чи въ рай ихъ пустять [9]) веселитись,
Чи, може, въ пекло посмалитись,
И за грѣхи ихъ [10]) носа втруть. [11])

[1]) ввійшовши К. [2]) тамъ П. К. [3]) багацько П. К. [4]) отару К. [5]) якъ К. [6]) промижъ гадюкъ мовъ П. [7]) розны П. К. [8]) думали П. К. [9]) пустятъ К. [10]) имъ П. К. [11]) втрутъ К.

а) Ввійшовши же въ якусь свѣтлицю П.

б) Вмѣшавсь якъ разъ мижъ ихъ станицю П.

97.

Було имъ вѣлно [1]) розмовляты [2])
Про всякіи [3]) свои дѣла,
И думаты, [4]) и мирковаты, [5])
Яка душа, где, [6]) якъ жила.
Богатый тутъ на смерть гнѣвився,
Що [7]) зъ грошами [8]) не разлѣчився, [9])
Кому и скѣлко [10]) треба дать,
Скупій [11]) же [12]) жалковавъ, [13]) нудився,
Що вѣнъ [14]) на свѣтѣ не нажився,
И що не вспѣвъ и погулять.

[1]) власно П. вильно К. [2]) розмовляти П. К. [3]) всякія К. [4]) думати П. К. [5]) мирковати П. мизковати К. [6]) де К. [7]) що винъ П. К. [8]) зъ гришми П. К. [9]) розличився П. К. [10]) килько П. К. [11]) скупый К. [12]) а бѣдный П. [13]) тосковавъ П. К. [14]) винъ П. К.

98.

Сутяга толковавъ указы
И що то значить нашъ статутъ,
Росказовавъ свои проказы,
На свѣтѣ що робывъ [1]) сей плутъ.
Мудрець же физику [2]) провадивъ
И [3]) толковавъ якихсь монадѣвъ [4])
И думавъ, вѣдкиль [5]) взявся бѣгъ. [6])
А мартоплясъ крычавъ, [7]) смѣявся,
Росказовавъ и присягався, [8])
Що вѣнъ по смерть бувъ не убогъ. а)

[1]) робивъ П. К. [2]) хвизика П. [3]) знай П. [4]) монадивъ П. К. [5]) видкиль П. К. [6]) свѣтъ П. К. [7]) кричавъ П. К. [8]) дивовався П. К.

а) Що добре знавъ панивъ дурить П. жинокъ К.

99.

Судья тамъ признавався смѣло,
Що зъ кузиками [1]) за мундиръ

Таке переоначивъ [2]) дѣло,
Що [3]) може бъ навѣстивъ Сибѣрь, [4])
Та [5]) смерть избавила косою,
Що [6]) катъ легенькою рукою
Плечей іому не покропивъ.
А лѣкарь скрѣзь [7]) ходивъ въ ланцетомъ,
Зъ слабительнымъ, изъ [8]) пармацетомъ, [9])
И [10]) чванившись, що [11]) людей моривъ.

[1]) гудзиками П. К. [2]) переоначивъ праве П. [3]) и П. [4]) Сибирь П. К. [5]) да П. К. [6]) щобъ П. [7]) скризь П. К. [8]) и П. К. [9]) спармацетомъ П. К. [10]) да П. [11]) якъ П. К.

100.

Ласощохлисты [1]) похожалы, [2])
Всѣ ѳичики (фирчики?) [3]) и паничи
На пальцахъ [4]) ногтыки [5]) кусалы, [6])
Роспринднвшись, [7]) якъ павичи.
Все очи въ гору пѣднимали, [8])
По свѣту бѣлому [9]) здыхалы, [10])
Що рано ихъ побрала смерть,
Що трохи славы учинили, а)
Не всѣхъ на свѣтѣ подурыли,
Не всѣмъ успѣли носа [11]) втерть.

[1]) лясощохлысты К. тамъ дармоѣды П. [2]) похожали П. К. [3]) фертики П. К. [4]) пальцяхъ П. К. [5]) нохтики П. ногтики К. [6]) кусали П. К. [7]) роспринднвшись П. К. [8]) пиднимали П. К. [9]) нашему П. нашому К. [10]) вздыхали П. К. [11]) морду К.

а) Не всѣмъ що головы вскружили П.

101.

Моты, картіожники, пьянюги
И ввесь [1]) проворный, честный родъ,
Лакеи, конюхи, всѣ слуги,
Всѣ кухарѣ [2]) и скороходъ, [3])
Побравшись за руки ходили

И о плутняхъ все говорылы, [4])
Якы [5]) робили, якъ жилы, [6])
Якъ панѣй [7]) и панѣвъ [8]) дурылы, [9]) } а)
Якъ по шинкахъ въ ночѣ [10]) бродилы, [11])
И якъ зъ кишень хустки [12]) тяглы.

[1]) весь П. К. [2]) кухари П. К. [3]) ввесь набродъ П. [4]) говорили П. К. [5]) яки К. [6]) жили К. [7]) панiй П. паней К. [8]) панивъ П. К. [9]) дурили П. К. [10]) въ ночи П. К. [11]) ходили П. К. [12]) платки К.

а) Эти два стиха въ изданiи Парпуры переставлены одинъ на мѣсто другого, причемъ первый стихъ читается такъ: «И якъ робили, якъ жили".

102.

Тамъ призиглiованки [1]) журились,
Що нѣкому вже пѣдморгнуть, [2])
За ними бѣлшъ [3]) не волочились,
Тутъ ихъ заклекотѣла путь. а)
Бабы тутъ бѣлшъ [4]) не ворожилы, [5]) б)
Уже ни вчѣмъ ихъ не просилы,— в)
Яки жъ дѣвокъ охочы [6]) быть, [7])
Зубами зъ сердця [8]) скреготалы, [9])
Що наймички ихъ не вважалы [10])
И не хотѣли имъ служить. [11])

[1]) придзиглiованки П. К. [2]) пидморгнуть П. К. [3]) бильшъ П. К. [4]) бильшъ К. [5]) ворожили К. [6]) охочи П. К. [7]) бить П. К. [8]) серця П. серца К. [9]) скреготали П. К. [10]) вважали П. К. [11]) годить П. К.

а) И смѣтьемъ ихъ засыпанъ путь,
б) Тутъ бильше щобъ не ворожили,
в) Людей бы добрыхъ не дурилы. П.
в) И простодушныхъ не дурили К.

103.

Эней [1]) узрѣвъ свою Дидону
Осмалену, мовъ головня,
Якъ разъ по нашому закону

Предъ нею шапочку изнявъ;
„Здорова! глянь, [2]) де ты взялася?
И ты, сердечна, приплелася
Изь Карфагены [3]) ажъ сюда!
Якого бѣса испеклася? [4])
Хиба на свѣтѣ нажилася?
Чортъ мавъ тобѣ гдесь и [5]) стыда!“

[1]) Еней П. [2]) будь П. [3]) Карпагена П. [4]) ты спеклася П. К. [5]) тогдѣ П.

104.

„Яка заліотна [1]) молодиця,
Та глянся, вмерла залюбки,
Румянна, повна, бѣлолыца, [2])
Хто гляне, то лизне губки. а)
Теперъ [3]) зъ тебе яка урѣха?
Нихто не гляне и для смѣха,
На вѣкъ теперъ [4]) пропала ты!
Я, далебѣ, [5]) въ тѣмъ [6]) не виною,
Що такъ розъѣхався [7]) зъ [8]) тобою:
Минѣ приказано втекты. [9])

[1]) моторна П. смашная К. [2]) бѣлолица П. К. [3]) теперь П. К. [4]) теперь П. [5]) лалиби П. [6]) въ томъ П. въ тимъ К. [7]) роздяковавсь П. [8]) съ П. К. [9]) втекти П. К.

а) Хто прежъ глядѣвъ, лызавъ губки П.

105.

„Теперъ же, коли хочъ, злигаймось [1])
И иумо жить такъ, якъ жилы, [2])
Тутъ закурѣмъ, [3]) заженихаймось,
Вже не розлучимсь николы. [4])
Ходи лишъ, [5]) я тебе [6]) милую, [7]) а)
Прижму до сердця, поцѣлую!“ б)
Іому жъ Дидона на отрѣзъ
Сказала: „къ чорту убѣрайся, [8])

На [9]) мене бѣлшъ [10]) не повапляйся, [11])
Сихей тобѣ росквасить нѣсъ! в)

[1]) злыгаймось П. К. [2]) жили П. К. [3]) закуримъ П. К. [4]) николи П. К. [5]) ходи К. [6]) тебе я К. [7]) помилую К. [8]) убирайся П. К. [9]) до П. [10]) бильшъ П. К. [11]) не прихиляйся П. не женихайся К.

а) Чи бачъ, якъ я тебе шаную,
б) Що коли хочъ, и поцѣлую П.
в) Лишъ сунсь, тобѣ росквашу нисъ. П.
в) Не лѣзъ! бо розибью и нисъ. К.

106.

Сказала [1]), чортъ зна [2]) де пропала,
Эней [3]) не знавъ що и робыть, [4])
Коли бъ Яга не закрычала, [5])
Що годѣ довго говорыть,
То бъ, може, [6]) тамъ и́ [7]) застоявся,
Сихей по нѣмъ бы привязався а)
И ребра бъ, може, [8]) полѣчивъ, [9])
Щобъ на жѣнкахъ [10]) не женихався,
Надъ мертвыми не поглумлявся, [11])
До смерты [12]) вдовъ не доводивъ. б)

[1]) сказавши К. [2]) вѣсть П. [3]) Еней П. [4]) робить П. К. [5]) закричала П. К. [6]) то може бъ К. [7]) такъ бы П. [8]) щобъ хто и ребра К. [9]) поличивъ К. [10]) съ жинками щобъ П. щобъ съ вдовами К. [11]) надглумлявся П. наглумлявся К. [12]) до смерти П.

а) Що тамъ и досвѣтку дождався П.
а) И може, той поры дождався К.
б) Жинокъ любовью не моривъ К.

107.

Эней [1]) съ Сивиллою попхався
Въ пекелную [2]) подалѣ глушь, [3])
Якъ на дорозѣ повстрѣчався
Зъ громадою знакомыхъ душъ,
Тутъ всѣ зъ Энеемъ [4]) обнимались,

Чоломкались и цѣловались,
Побачивши князька свого,
Тутъ всякъ смѣявся, реготався,
Эней [5]) до всѣхъ ихъ доглядався,
Знайшовъ зъ Троянцѣвъ [6]) ось кого.

[1]) Еней П. [2]) пекельную П. К. [3]) глушъ П. К. [4]) Енеемъ П. [5]) Еней П. [6]) Троянцивъ П. К.

108.

Педька [1]), Терешка, Шелифона [2]),
Панька, Охрѣма [3]) и Леска [4]),
Харка [5]), Олешка и [6]) Сазона [7]),
Пархома [8]), Іоська [9]) и Феска [10]),
Стецка [11]), Ониська [12]) и Панаса [13]),
Свирыда [14]), Лазаря, Тараса [15]),
Булы [16]) Денисъ, Остапъ, Овсѣй [17])
И всѣ Троянцѣ [18]), що втопились,
Якъ на човнахъ зъ нимъ волочились,
Тутъ бувъ [19]) Вернигора Мусѣй [20]).

[1]) Грицька П. [2]) Опанаса П. [3]) Охрима К. [4]) Харка П. Харька К. [5]) Леська К. Ероху П. [6]) Ермоленка П. [7]) Сисіона К. Власа П. [8]) Кузьму П. [9]) Иска К. Пархома П. [10]) Феська К. Яцька П. [11]) Стецька К. Омельку П. [12]) Сидора П. [13]) Опанаса К. Евхима П. [14]) Потапа П. [15]) Трохима П. [16]) були П. К. [17]) Евсѣй П. [18]) Троянци П. К. [19]) и самъ П. [20]) Муйсѣй П. К.

109.

Жидѣвска [1]) школа завелася,
Великій крыкъ [2]) всѣ пѣднялы, [3])
И [4]) реготня где [5]) не [6]) взялася,
Тутъ всяку всячину верзлы [7]),
Згадалы, чортъ знае [8]), колишне,
Балакалы [9]) уже и лишне,
Эней [10]) и самъ тутъ [11]) росходивсь [12]),
Щось балагурылы [13]) довгенько,

Хоть изишлися [14]) и раненько,
Такъ [15]) панъ Эней [16]) нашъ опѣзнився [17]).

[1]) жидивска П. К. [2]) крикъ П. [3]) пидняли П. К. [4]) де П. [5]) тутъ П. де К. [6]) ни П. [7]) верзли П. К. [8]) зна самъ П. [9]) балакали П. К. [10]) Еней П. [11]) самъ тута П. [12]) розходився П. [13]) балагурили П. К. [14]) изошлися К. [15]) да П. К. [16]) Еней П. [17]) опизнився П. К.

110.

Сивиллѣ се не показалось,
Що тамъ [1]) пахолокъ застоявсь,
Що дитятко такъ розбрехалось,
Уже о свѣтѣ вѣнъ [2]) не знавсь, а)
На іого грѣзно [3]) закрычала [4]),
Залаяла, запорощала,
Що ажъ Эней [5]) ввесь [6]) затрусився,
Троянцѣ тожъ всѣ дременулы, б)
Куда хто запопавъ, махнулы, [7])
Эней [8]) за бабою пустився.

[1]) такъ П. К. [2]) и о свѣтѣ К. [3]) гризно П. К. [4]) закричала П. К. [5]) Еней П. [6]) весь К. [7]) и въ ростичъ хто куды К. махнули П. К. [8]) Еней П.

а) И по пустому забавлялось П.

б) Троянци тоже [9]) всѣ здригнули П. К. [9]) такъ же К.

111.

Ишли и, якъ бы [1]) не збрехаты [2]),
Трохи не цару добрыхъ гѣнъ [3]), а)
Якъ ось побачили и хаты
И ввесь [4]) Плутоновъ [5]) царскій дѣмъ [6]),
Сивила палцемъ [7]) указала
И такъ [8]) Энеевѣ [9]) сказала:
„Оттутъ [10]) и панъ Плутонъ живе
Изъ [11]) Презерпѣною [12]) своею,
До ихъ-то на поклонъ зъ гильею [13])
Теперъ [14]) я поведу тебе“.

[1]) якъ бы мнѣ П. [2]) збрехати П. К. [3]) гинъ К. [4]) весь П. К. [5]) Плутонивъ П. К. [6]) димъ К. домъ П. [7]) пальцемъ П. К. [8]) зра-

дѣвъ П. 9) Енееви П. Энееви К. 10) отъ-тутъ П. К. 11) и съ П. К 12) Прозерпиною П. К. 13) гиллею П. К. 14) теперь П. К.

а) Долиной, полемъ и лѣскомъ П.

112)

И тѣлко [1]) що пришлы [2]) къ воротамъ,
У [3]) двѣръ пустилися чвалать,
Якъ баба бридка [4]), криворота—
„Хто йде“? ихъ стала окликать,
Мерзене чудо се стояло
И было [5]) пѣдъ [6]) дворомъ [7]) въ клепало,
Якъ въ нашихъ [8]) водится дворахъ,
Обмотанна [9]) вся лапцюгами,
Гадюки вилися клубками
На головѣ и на плечахъ. -

[1]) тилько П. К. [2]) прійшли П. К. [3]) и въ П. К. [4]) брыдка К. [5]) било П. К. [6]) пидъ К. близъ П. [7]) воротъ П. [8]) панскихъ П. паньскихъ К. [9]) обмотана П. К.

113.

И ся [1]) безъ всякого обману
И щиро, безъ обенякѣвъ [2]),
Робыла [3]) грѣшнымъ добру шану,
Ремнями драла, якъ [4]) быкѣвъ [5]),
Кусала, грызла [6]), бычовала [7]),
Крышила, шкварыла [8]), щипала,
Топтала, дряпала, пекла,
Порола, корчила, пыляла [9]),
Вертѣла, рвала, шпиговала
И кровъ изъ тѣла ихъ пила.

[1]) вона П. К. [2]) обенякивъ П. К. [3]) робила П. К. [4]) мовъ П. К. [5]) быкивъ П. К. [6]) грызла П. К. [7]) бичовала П. К. [8]) кришила, била и П. шкварила К. [9]) товкла П.

114.

Эней [1]), бѣдняжка, излякався,
Увесь, якъ крейда, побѣлѣвъ

И заразъ у Яги спитався,
Хто ѣй такъ мучить [2]) извелѣвъ? [3])
Вона іому все росказала
Такъ, якъ сама, здорова, знала,
Що въ пеклѣ есть судья Эахъ [4]):
Хоть вѣнъ [5]) на смерть не осуждае,
Та мучити повелѣвае,
И якъ звелить [6]), и мучятъ [7]) такъ.

[1]) Еней П. [2]) мучити П. К. [3]) велѣвъ П. К. [4]) Оякъ П. Эакъ К. [5]) винъ П. К. [6]) звелитъ К. [7]) мучать П. мучатъ К.

115.

Ворота сами отчинились [1]),
Не смѣвъ нихто [2]) ихъ задержать,
Эней [3]) зъ [4]) Сивиллою пустились,
Щобъ Прозерпинѣ честь отдать
И пѣднести [5]) ий [6]) на болячку
Ту суту золоту [7]) гѣльячку [8]),
Що силно [9]) такъ вона бажа.
Но къ ней [10]) Энея [11]) не пустилы [12]),
Прогналы [13]) и трохи не былы, [14])
Бо хирѣла ся [15]) госпожа.

[1]) одчинились П. К. [2]) ни хто К. [3]) Еней П. [4]) съ П. К. [5]) пиднести П. К. [6]) ѣй П. К. [7]) суто-золоту П. К. [8]) гиллячку П. К. [9]) сильно П. К [10]) ѣй П. К. [11]) Енея П. [12]) пустили П. К. [13]) прогнали П. К. [14]) трохи и не били П. К. [15]) ихъ П. К.

116.

А далѣ вперлися въ будинки [1])
Пѣдъ земного [2]) (sic) сіого царя,
Ни гичь, ни гарыля [3]) пилинки [4]),
Було въ нихъ [5]) чисто, [6]) якъ зоря,
Цвяхованны [7]) булы [8]) тамъ стѣны
И вѣкна [9]) всѣ зъ морскои пѣны,
Шумиха [10]), олово, свинець,

Блищалы [11]) мѣди тамъ и крицѣ [12]),
Всѣ убраны булы [13]) свѣтлицѣ [14]),
По правдѣ [15]) панскій бувъ дворець.

[1]) будынки П. К. [2]) пидземного П. К. [3]) гарпля К. було не видно ни П. [4]) пилынки Ц. К. [5]) було все К. [6]) а все въ нихъ свѣтло П. [7]) цвяхованы Ц. К. [8]) були П. К. [9]) вивна П. [10]) шумыха П. К. [11]) блищали Ц. К. [12]) крыци П. К. [13]) були Ц. К. [14]) свѣтлици П. К. [15]) и въ правду Ц.

117.

Эней [1]) зъ Ягою розглядалы [2])
Всѣ дива тамъ, яки булы,
Роты свои порозявлялы [3])
И очи на лобы пьялы [4]),
Промежъ [5]) собою все зглядались,
Всіому дивились, осмѣхались,
Эней то цмокавъ, то свиставъ, а)
Отъ тутъ то души ликовалы, [6])
Що въ свѣтѣ праведно [7]) живалы [8]),
Эней [9]) и сихъ тутъ навѣщавъ.

[1]) Еней П. [2]) розглядали П. К. [3]) порозявляли П. К. [4]) пяли К. [5]) промижъ Ц. К. [6]) ликовали П. К. [7]) праведно въ міру П. К. [8]) живали П. К. [9]) Еней П.

а) Еней на радощахъ скакавъ П.

118.

Сидѣлы [1]), руки поскладавши,
Для нихъ все праздники булы [2]),
Люльки курылы [3]) полягавши,
Або горѣлочку пилы— [4])
Не тютюнкову и не пѣнну,
Но третіопробну, перегѣнну [5]),
Настоянную на бодянъ [6]),
Пѣдъ [7]) челюстами [8]) запѣканну [9]),
Изъ ганусомъ и до калгану,
Въ ий [10]) бувъ и перець, и шапранъ.

[1]) сидѣли П. К [2]) були П. К. [3]) курили П. К. [4]) пили П. К. [5]) перегинну П. К. [6]) бадянъ П. [7]) пидъ П. К. [8]) челюстями П. [9]) запѣкану П. запикану К. [10]) ней П. К.

119.

И ласощѣ [1]) все тѣлко [2]) ѣлы [3]),
Сластіоны, коржики, стовпцѣ [4]),
Варенички пшеничны, бѣлы,
Пухки съ кавяромъ [5]) буханцѣ [6]),
Частникъ [7]), рогѣзъ [8]), паслѣнъ, кислицѣ [9]),
Козелцѣ [10]), тернъ, глѣдъ [11]), полуницѣ [12]),
Крутые [13]) яйця съ [14]) сировцемъ
И дуже вкусную [15]) яечню [16]),
Якусь нѣмецку [17]), не тутешню,
А запивалы [18]) все пивцемъ.

[1]) ласощи П. К. [2]) тилько П. К. [3]) ѣли П. К. [4]) стовпци П. К. [5]) кавьяромъ П. К. [6]) буханци П. К. [7]) часникъ П. К. [8]) рогизъ П. К. [9]) кислици П. К. [10]) козельци П. козелци К. [11]) медъ П. глидъ К. [12]) полуныци П. К. [13]) крутыи П. К. [14]) зъ П. К. [15]) смачную П. К. [16]) яешню К. [17]) нѣмецьку П. К. [18]) запивали П. К.

120.

Велике тутъ [1]) було роздолье
Тому, хто праведно живе,
Такъ якъ велике [2]) безъ головье (sic) [3])
Тому, хто грѣшну жизнь веде.
Тутъ тѣшився той тутъ (sic) до поту, а)
Хто мавъ къ чому яку охоту, б)
Тутъ чистый бувъ розгардіяшъ,
Лежи, спи, ѣжъ [4]), пій [5]), веселися,
Кричи, [6]), мовчи [7]), танцюй, крутися,
Рубайся [8])—такъ [9]) дадуть [10]) палашъ.

[1]) великее П. [2]) великее П. [3]) незгодье П. безголовье К. [4]) грай П. [5]) да П. К. [6]) мовчи П. [7]) кричи П. [8]) рубайсь П. К. [9]) такъ и П. К. [10]) дадутъ К.

а) Хто мавъ къ чому яку охоту,
б) Все даромъ бравъ, не тративъ поту. П.
а) Хто мавъ къ чому яку охоту,
б) Тутъ утѣшався тимъ до поту. К.

121.

Ни чванились, ни величались,
Нихто не знавъ тутъ мудровать,
Крый, боже! щобъ не догадались [1])
Братъ съ [2]) брата вчѣмъ (sic) [3]) покепковать
Ни сердились, ни [4]) гнѣвились,
Ни каялися (sic) [5]) и не былись [6]),
А всѣ жилы [7]) тутъ люблязно [8]),
Тутъ всякій гласно [9]) женихався,
Ревнывыхъ [10]) ябедъ не боявся,
Було вобще [11]) всіо [12]) заодно. а)

[1]) щобъ хоть запкались П. [2]) зъ К. [3]) въ чѣмъ К. [4]) не сердились и не П. [5]) лаялися П. К. [6]) бились П. К. [7]) жили П. К. [8]) любязно К. якъ браты П. [9]) властно П. [10]) ревнивыхъ П. К. [11]) въ обще К. [12]) все К.

а) Не мали ни якой бѣды. П.

122.

Ни холодно було, ни душно,
А саме якъ безъ сѣряка [1]),
И весело тамъ и [2]) не скучно,
На великодныхъ [3]) якъ святкахъ.
Коли іому [4]) що захотѣлось,
То тутъ, мовъ [5]) зъ неба, и вродилось: [6])
Оттакъ то [7]) добры [8]) тутъ [9]) жилы. [10])
Эней [11]), се зрѣвши, дивовався
И тутъ Яги своей спитався [12]),
Зъ якихъ [13]) сѣ [14]) праведны булы.

[1]) такъ, якъ въ сирякахъ П. К. [2]) и такъ не скучно П. К. [3]) великоднихъ П. [4]) кому П. К. [5]) якъ К. [6]) изъ неба народилось П. [7]) тутъ П. [8]) добре П. [9]) всѣ П. [10]) жили П. К. [11]) Еней П. [12]) спытався П. К. [13]) яки П. К. [14]) се П. К.

123.

„Не думай, що [1]) булы [2]) чиновны“,
Сивилла сей дала отвѣтъ,
„Або що грошей скринѣ [3]) повны,
Або въ якихъ товстый живѣтъ [4]).
Не тѣ се, що въ цвѣтныхъ луданахъ [5]),
Въ кармазинахъ, або въ сапянахъ [6]),
Не тѣ жъ, що съ чотками [7]) въ рукахъ,
Не рыцарѣ, [8]) не розбѣшаки [9]),
Не тѣ се, що крычать [10]): „ипаки“,
Не тѣ, що въ золотыхъ шапкахъ.

[1]) щобъ П. К. [2]) були П. К. [3]) скрыни П. К. [4]) живитъ П. К. [5]) жупанахъ П. К. [6]) сапьянахъ П. К. [7]) книгами П. К. [8]) рыцари П. К. [9]) розбишаки П. К. [10]) кричать П. кричатъ К.

124.

„Се бѣдны нищи, навѣжены [1]),
Що дурнями щисляли [2]) ихъ,
Старцѣ [3]), крывы [4]), слѣпорожденны,
Зъ якихъ весь [5]) людскій бувъ [6]) и смѣхъ,
Се—що съ порожными [7]) сумками
Жилы [8]) голодны пѣдтинами (sic) [9]),
Собакъ дражнилы [10]) по дворахъ,
Се тѣ, що „бѣгъ [11]) дасть“ получалы [12]),
Се тѣ, якихъ випровожалы [13])
Въ потылицю [14]) и по плечахъ“.

[1]) навижены П. К. [2]) счисляли П. К. [3]) старци П. К. [4]) хромы П. К. [5]) бувъ П. К. [6]) глумъ П. К. [7]) порожними П. К. [8]) жили П. К. [9]) пидъ тынами П. К. [10]) дражнили П. К. [11]) бигъ П. К. [12]) получали П. К. [13]) выпровожали П. К. [14]) потылицю П. К.

125.

„Се вдовы бѣдны, безпомощны, [1])
Якимъ притину [2]) не було,

Се [3]) дѣвы честны, непорочны,
Которымъ [4]) пупа [5]) не дуло,
Тутъ [6])—що безъ родичивъ [7]) остались
И [8]) сиротами назывались,
А послѣ въбгались [9]) и въ окладъ,
Се [10]—що проценту не лупилы [11]),
Що людямъ помогать любылы, [12])
Хто чимъ [13]) богатъ, то тѣмъ и радъ".

[1]) безпомочны П. К. [2]) пріюту П. К. [3]) и П. [4]) якимъ К. [5]) спидници К. горба П. [6]) и П. се К. [7]) родычивъ П. [8]) да П. [9]) втерлись П. вбгались К. [10]) и П. [11]) лупили П. К. [12]) любили П. К. [13]) чѣмъ П. К.

126.

„Тутъ также старшина правдыва [1]),
Бувають [2]) всяки [3]) и паны [4]),
Но тѣлко [5]) трохи сіого дыва [6]),
Не кваплятся [7]) на се воны.
Бувають [8]) вѣйсковы [9]) значковы
И сотники, и бунчуковы,
Яки правдиву жизнь велы [10]),—
Тутъ люде всякого повѣту [11]),
Но бѣлому есть сколько [12]) свѣту,
Которы праведны [13]) булы. [14])

[1]) правдива П. К. [2]) бувають К. [3]) всякіи П. [4]) станы П. [5]) тилько П. К. [6]) дива П. К. [7]) кваплются П. К. [8]) бувають К. [9]) війсковы П. К. [10]) вели П. К. [11]) завѣту К. [12]) скилько П. килько К. [13]) праведно П. К. [14]) жили П. К.

127.

„Скажи жъ, моя голубка сиза",
Еще [1]) Эней [2]) ии [3]) спитавъ [4]),
„Чомъ [5]) батька я свого Анхиза
И ввѣчь и [6]) досѣ [7]) не видавъ
Ни згрѣшными [8]), ни у Плутона?
Хиба іому нема закона [9]),

Гуда іого щобъ засадить“?
—„Вѣнъ [10]) божои“, сказала, „кровѣ [11]),
И по Венеринѣй [12]) любовѣ [13]), а)
Где [14]) схоче, буде тамъ и жить“.

[1]) ище П. К. [2]) Еней П. [3]) яги П. К. [4]) спытавъ П. [5]) що П. [6]) и въ вичи П. К. [7]) доси К. [8]) зъ грѣшными Ц. съ грѣшными К. [9]) загона П. [10]) винъ П. К. [11]) крови П. К. [12]) Венериній К. [13]) любови К. [14]) де П. К.

а) И выбира все по любови П.

128.

Базѣкавши [1]) зійшлы [2]) на гору,
На землю сѣлы отдыхать,
Бо [3]) потѣлы [4]) саме въ пору,
Тутъ приналися розглядать,
Анхиза щобъ не прогуляты [5]),
Обридло бо и такъ шукаты [6]), а)
Анхизъ же бувъ тогда [7]) въ низу б)
И, похожавши по долинѣ,
Объ маленькой [8]) своій [9]) дитинѣ в)
Водивъ по мѣзку [10]) коверзу. г)

[1]) блакавши Ц. базикавши К. [2]) зойшли П. К. [3]) и П. К. [4]) попотѣвши П. К. [5]) прогуляти П. К. [6]) шукати К. [7]) тогди К. [8]) маленькій К. [9]) своей К. [10]) низку К.

а) А даромъ тутечки не хляти П.
б) Анхизъ тогди въ яру гулявъ П.
в) Любимои своей дитины П.
г) Съ часу на часъ все дожидавъ П.

129.

Якъ глянувъ [1]) въ гору [2]) не нарокомъ,
И тамъ синка свого [3]) узрѣвъ,
Побѣгъ старый непрямо [4]), бокомъ,
И ввесь отъ радости згорѣвъ,
Хватавсь зъ синкомъ [5]) поговорыты [6]),
О всѣхъ спитаты [7]), роспроситы [8])
И повидатись хоть часокъ,
Энеечка [9]) свого обняты [10]),

По батковски [11]) поцѣловаты [12]),
Іого почуты [13]) голосокъ.

[1]) глядь П. К. [2]) у гору П. на гору К. [3]) свого сынка П. К. [4]) не просто К. [5]) зъ сынкомъ П. К. [6]) поговорити П. К. [7]) спитати П. К. [8]) роспросити П. К. [9]) Енеечка П. [10]) обняти П. К. [11]) по батьковскій П. К. [12]) поцѣловати П. К. [13]) почута П. К.

130.

„Здоровъ, синашу, [1]) ма дитино“,
Анхизъ Энеевѣ [2]) сказавъ,
„Чи сежъ тобѣ таки не стыдно,
Що долго [3]) я тебе такъ [4]) ждавъ?
Ходѣмъ [5]) лишень къ моѣй [6]) господѣ,
Тамъ поговорымъ на свободѣ, [7])
За тебе будемъ мюрковать“. [8])
Эней [9]) стоявъ, якъ мовъ [10]) дубына, [11])
Котилась зъ рота тѣлко [12]) слина, [13])
Мерцвя (sic) бо нѣльзя цѣловать. a)

[1]) сынашу П. К. [2]) Енеевѣ П. Энееви К. [3]) довго П. К. [4]) тутъ П. К. [5]) ходимъ П. [6]) къ моій П. къ моей К. [7]) поговоримъ П. К. о пригодѣ П. [8]) мирковать П. К. [9]) Еней П. [10]) такъ якъ П. такъ мовъ К. [11]) дубина П. К. [12]) тилько П. К. [13]) пѣна П. К.

a) Не смѣвъ мерцьвя поцѣловать К.

a) И самъ не знавъ, що и начать П.

131.

Анхизъ, побачивши [1]) причину,
Чого сыночокъ сумовавъ,
И самъ хотѣвъ обнять [2]) дитину,
Та ба! уже не въ ту попавъ.
Принявся [3]) заразъ [4]) научаты [5])
И тайносты [6]) іому казаты, [7])
Якій Энеевъ [8]) буде [9]) плѣдъ, [10])
Якіи дѣты [11]) будуть [12]) бравы, [13])
На свѣтѣ зроблять [14]) скѣлко [15]) славы,
Якимъ-то хлопцямъ буде дѣдъ.

[1]) сю бачивши П. К. [2]) хотѣвъ обнять свою П. [3]) принявсь П. К. [4]) іого щобъ П. К. [5]) научати П. К. [6]) тайности П. К. [7]) сказати П. К. [8]) Енеивъ П. [9]) бувъ и П. [10]) плидъ П. К. [11]) дѣти К. [12]) будутъ К. [13]) жвавы К. [14]) зроблятъ К. [15]) скилько П. К.

132.

Тогдѣ [1]) то въ пеклѣ вечорницѣ [2])
Лучились, бачишъ, якъ на те,
Дѣвки булы [3]) где [4]) молодицѣ, [5])
И тамъ робылы [6]) не пусте:
У [7]) ворона собѣ играли,
Весѣлныхъ [8]) пѣсеніокъ [9]) спѣвалы, [10])
Спѣвалы [11]) тутъ и веснянокъ, [12])
Палилы [13]) клоччя, [14]) ворожилы, [15])
По спинѣ лещатамы [16]) были, [17]) а),
Загадовалы [18]) загадокъ. [19])

[1]) тогди П. К. [2]) вечерници П. К. [3]) були дѣвки П. К. [4]) да П. К. [5]) молодици П. К. [6]) робили П. К. [7]) и П. [8]) весѣльны П. вѣсѣльныхъ К. [9]) пѣсеньки П. [10]) спѣвали П. К. [11]) спѣвали П. К. [12]) веснянки П. колядокъ К. [13]) палыли П. палили К. [14]) клочья П. клочье К. [15]) ворожили П. К. [16]) лещатами К. [17]) били П. К. [18]) загадовали П. К. [19]) загадки К.

а) У жмурки грали, въ ладки били П.

133.

Тутъ заплетали джерегелы, [1])
Дробушечки на головахъ,
Скакалы [2]) по полу вегеры, [3])
Въ тѣснои бабы по лавкахъ.
И [4]) въ коменъ [5]) суженыхъ питалы, [6])
У вѣконъ хатьнѣхъ [7]) пѣдслухалы, [8])
Ходилы [9]) въ пѣвнѣчь [10]) по пусткахъ, [11])
До свѣчки ложечки палылы, [12])
Щетину [13]) изъ свиньи смалылы, [14])
Або жмурились по куткахъ. [15])

[1]) дверегели К. [2]) скакали К. [3]) вегери К. [4]) а К. [5]) коминъ К. [6]) пытали К. [7]) у хатнихъ виконъ К. [8]) пидслухали К. [9]) ходили К. [10]) въ пивничъ К. [11]) по пусткамъ К. [12]) палили К. [13]) щетыну К. [14]) смалили К. [15]) по куткамъ К.

134.

Сюда [1]) Анхизъ привѣвъ [2]) Энея
И межъ дѣкокъ сихъ посадивъ,
Мовъ неука и дуралея
Припять до гурту ѣхъ [3]) просивъ,
И щобъ обомъ имъ услужилы, [4])
Якъ знають, [5]) такъ поворожилы, [6])
Чи будеть у Риму синокъ, а)
Чи вѣнъ [7]) хоть трохи уродливый,
Къ чому и якъ Эней щастливый,
Щобъ всѣхъ спитались [8]) ворожокъ.

[1]) сюды К. [2]) прививъ Анхизъ К. [3]) ихъ К. [4]) услужили К. [5]) знаютъ К. [6]) поворожили К. [7]) винъ К. [8]) спытались К.

а) Що стрѣнится зъ іого сынкомъ К.

135.

Одна дѣвча була гостренька
И сама уже пресуха, а)
Швидка, гнучка, хвѣстка, [1]) простенька, [2])
Була [3]) зъ діявола лиха. [4])
Вона тутъ тѣлко [5]) и робыла, [6])
Що всѣмъ гадала, ворожила,
Могуща въ дѣлѣ тѣмъ [7]) була,
Чи брехеньки яки сточиты, [8])
Кому именья [9]) приложиты, [10])
То такъ якъ разъ и додала.

[1]) хвистка К. [2]) порскненька К. [3]) було К. [4]) лихе К. [5]) тилько К. [6]) робила К. [7]) тимъ К. [8]) сточити К. [9]) имення К. [10]) приложита К.

а) И семе ухо при хихе К.

136.

Привѣдниця ся зъ разъ шепнула а)
И примостилась къ старыку, [1])
Іому шептала [2]) бѣля [3]) уха
И завела зъ нимъ рѣчь таку:
„Ось я синковѣ [4]) загадаю,
Поворожу и попытаю,
Іому, що буде, [5]) роскажу.
Я ворожбу такую знаю,
Хоть що, по правдѣ отгадаю
И вже николы [6]) не збрешу.“

[1]) старику К. [2]) шепнула К. [3]) биля К. [4]) сынкови К. [5]) будетъ К. [6]) николи К.

а) Привидця заразъ ся шептуха К.

Въ изданіи Парпуры нѣтъ строфъ 133, 134, 135 и 136-й.

137.

И заразъ въ горщичокъ наклала [1])
Вѣдіомскихъ [2]) всякихъ разныхъ [3]) травъ,
Яки на Константина [4]) рвала,
И те гнѣздо, що ремезъ клавъ,
Васильки, папороть, шевлѣю, [5])
Петровъ [6]) батѣгъ [7]) и конвалѣю, [8])
Любистокъ, просерень, [9]) чебрець,
И все се налила [10]) водою
Погожею, непочатою,
Сказавши скѣлькись и словець.

[1]) наклали П. [2]) видіомскихъ П. К. [3]) розныхъ П. разныхъ всякихъ К. [4])на Йванивъ вечиръ П. [5]) шевлію П. К. [6]) Петривъ П. К. [7]) батигъ П. К. [8]) конвалію П. К. [9]) проскурень П. [10]) налили П.

138.

Горщокъ сей, черепкомъ накрывши, [1])
Поставила іого на жаръ, [2])

И тутъ Энея [3]) присадивши, [4])
Щобъ огоніокъ вѣнъ [5]) роздувавъ,
Якъ розигралось, [6]) зашипѣло,
Запарылось, [7]) заклекотѣло,
Ворочалося зъ верху въ низъ,
Эней [8]) нашъ настороживъ [9]) уха,
Мовъ человѣчій голосъ слуха,
Те чуе и [10]) старый Анхизъ.

[1]) накрыли П. накрыла К [2]) поставили П. [3]) Енея П. [4]) присадили П. присадила К. [5]) винъ П. К. [6]) розгорѣлось П. розигрѣлось К. [7]) запарилось П. К. [8]) Еней П. [9]) насторшивъ П. К. [10]) и чуе те П.

139.

Якъ сталы [1]) роздувать пѣлнѣйше, [2])
Горщокъ той дуже булкотавъ, [3])
Почулы [4]) голосъ вѣразнѣйше, [5])
И вѣнъ [6]) Энею [7]) такъ казавъ: [8])
„Энею [9]) годѣ [10]) вже журитись,
Отъ іого мае росплодитись
Великій и завзятный [11]) рѣдъ, [12])
Всѣмъ свѣтомъ буде управляты, [13])
По всѣмъ [14]) усюдамъ [15]) воіовати, [16])
Пѣдверне [17]) всѣхъ собѣ на спѣдъ.“ [18])

[1]) стали П. К. [2]) пильнѣйше П. К. [3]) клекотавъ П. К. [4]) почули П. К. [5]) выразнѣйше П. К. [6]) винъ П. К. [7]) Енею П. [8]) сказавъ П. К. [9]) Енею П. [10]) годи П. К. [11]) завзятый К. дуже сильный П. [12]) ридъ П. К. [13]) управляти П. К. [14]) всѣхъ П. К. [15]) усюдахъ П. К. [16]) воевати П. К. [17]) пидверне П. К. [18]) пидъ спидъ П. К.

140.

„И рымскіе [1]) поставыть стѣны,
Въ нихъ буде жить, якъ у раю,
Велики зробить перемѣны
Во всѣмъ [2]) окружнѣмъ [3]) тѣмъ [4]) краю,
Тамъ будеть жить и [5]) поживаты, [6])

Покѣль [7]) не будеть [8]) цѣловаты [9])
Ноги святои [10]) постола.
Но вѣдсѣль [11]) часъ тобѣ [12]) вбѣратись, [13])
Изъ панотцемъ своимъ прощатись, [14])
Щобъ голова тутъ не лягла".

[1]) римскіи П. К. [2]) всимъ П. К. [3]) окружнимъ П. К. [4]) тимъ П. К. [5]) буде жить да П. К. [6]) поживати П. К. [7]) покиль П. К. [8]) будуть П. будутъ К. [9]) цѣловати П. К. [10]) якоись П. чиеись К. [11]) видсѣль П. видсиль К. [12]) ты сейчасъ П. [13]) вбирайся П. вбираться К. [14]) прощайся П. прощаться К.

141.

Сіого Анхиву не бажалось,
Щобъ попрощатися зъ синкомъ, [1])
И въ голову іому не клалось,
Щобъ съ [2]) нимъ такъ бачитись мельчкомъ, [3])
Та [4]) ба! вже нѣчимъ [5]) пособыты, [6])
Энея [7]) треба отпустыты, [8])
Изъ пекла вивесты [9]) на свѣтъ.
Прощалися и обнимались, [10])
Слѣзми [11]) гѣркими [12]) обливались,
Анхизъ крычавъ, [13]) якъ въ Мартѣ кѣтъ. [14])

[1]) сынкомъ П. К. [2]) зъ П. К. [3]) мелькомъ П. К. [4]) да П. К. [5]) ничимъ П. К. [6]) пособити П. К. [7]) Енея П. [8]) видпустити П. К. [9]) вывести П. К. [10]) цѣловались П. [11]) слизьми П. К. [12]) гирькими П. К. [13]) кричавъ П. К. [14]) кить П. К.

142.

Эней [1]) зъ Сивиллою старою
Изъ пекла бѣглы [2]) навпростець, [3])
Эней [4]) ворочавъ головою,
Поки ажъ не сховавсь отець.
Прійшовъ къ Троянцямъ помаленьку,
Где [5]) имъ велѣвъ себе [6]) пождать,
Троянцѣ [7]) покотомъ лежалы [8])

И на досвѣтѣ [9]) добре спалы, [10])
Эней [11]) и самъ уклався спать.

[1]) Еней П. [2]) бѣгли П. К. [3]) напростець П. К. [4]) сынокъ П. К. [5]) де П. [6]) себе велѣвъ П. [7]) Троянци П. К. [8]) лежали П. К. [9]) на разсвѣтѣ П. на дозвильѣ К. [10]) спали П. К. [11]) Еней П.

Конецъ третей часты.